

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина»

**ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННЫХ ПАРАДИГМАХ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

ЧАСТЬ 2

*Материалы 22-й Всероссийской
научно-практической конференции
(г. Бийск, 24 апреля 2020 г.)*

Бийск
АГГПУ им. В.М. Шукшина
2020

ББК 81+83
Я 41

*Печатается по решению
кафедры иностранных языков,
кафедры русского языка и литературы,
кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета
имени В.М. Шукшина*

Ответственный редактор:

кандидат филологических наук, доцент *И.П. Исаева*

Редакционная коллегия:

кандидат педагогических наук, доцент *Н.А. Швеи;*
доктор филологических наук, профессор *М.Г. Шкуропацкая;*
кандидат филологических наук, доцент *Ю.Г. Бабичева;*
кандидат исторических наук, доцент *А.В. Литягина*

Я 41 Язык, литература, история и культура в современных парадигмах научного знания: материалы 22-й Всероссийской научно-практической конференции (г. Бийск, 24 апреля 2020 г.) Ч. 2 / отв. ред. И.П. Исаева; Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2020. – 123 с.

ISBN 978-5-85127-952-2

Материалы конференции посвящены актуальным вопросам современной лингвистики, литературоведения, лингвострановедения, истории, культурологии, методики преподавания русского языка, иностранных языков, литературы и социально-гуманитарных дисциплин. Статьи представлены на русском, английском, немецком и китайском языках.

Для обучающихся и преподавателей образовательных учреждений разного уровня, научных работников, а также всех лиц, заинтересованных в изучении рассматриваемых проблем и вопросов.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ **СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

А.М. Кубарич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
М.В. Ступкина,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ КИТАЙСКОГО ТЕКСТА

Известно, что каждое самостоятельное литературное произведение не замкнуто в собственных рамках, а осуществляет обращение к другим текстам (как к сведениям, содержащимся в них, так и к их формальным признакам), благодаря чему осуществляется расширение информационного поля текста. С целью достижения наиболее полного понимания авторского замысла читателем при интерпретации литературного произведения следует учитывать тот исторический и культурный контекст, в котором возник осмысляемый текст. Для обозначения историко-филологического контекста произведения О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет в 1977 году был введен термин «вертикальный контекст» [1].

Вертикальный контекст является некой не данной в тексте информацией общекультурного, исторического характера, знание которой читателями предполагает автор произведения. Поскольку для адекватной интерпретации текста отнюдь не всегда достаточно информации, содержащейся непосредственно в повествовании, изучение вертикального контекста имеет большое значение для понимания текста. При осмыслении прочитанного читатель осуществляет выход за пределы собственно повествования и задействует сведения, которые содержатся вне рамок данного одиночного произведения. В сознании читателя текста могут возникать определенные смысловые параллели между воспринимаемым повествованием и так или иначе связанными с ним другими текстами либо иными культурными феноменами.

Известно, что каждая лексическая единица, помимо своего прямого значения, зафиксированного в словарях, имеет определенные ассоциации в сознании носителей языка. При этом, исходя из своего жизненного опыта, люди могут вкладывать в слова и выражения дополнительный смысл, который не всегда понятен представителям человечества, имеющим другие ассоциации и стереотипы. Роль «фонового знания» при восприятии речи настолько важна, что недостаточное «фоническое знание» или его отсутствие делает понимание невозможным [1: 48].

Как несовпадение фоновых знаний в целом ведет к непониманию между людьми, так и незнание вертикального контекста произведения в частности, определяет неполноту понимания текста. Сведения, представляющие собой вертикальный контекст, нужны для насколько возможно полного восприятия текста. Данный контекст ассоциируется с явлениями, известными всем членам этнокультурного социума [2].

Знание соответствующего вертикального контекста необходимо, в частности, для верного восприятия исторических образов, используемых автором. Так, например, в историческом романе Цао Сюэциня (曹雪芹 Cáo Xiěqín) «Сон в красном тереме» («红楼梦 hónglómèng»), автор использует прямое сравнение, показывая, тем самым, сходство действий Баоюя и Цзян Тайгуна.

Цзян Тайгун считается основателем китайской военной науки, его авторству принадлежит трактат «Шести военных стратегий» 六韜(liùtāo). Под именем Цзян Тайгун в китайском языке подразумевают человека, который заблаговременно имеет четкое представление о предстоящих событиях. Такой человек все делает не торопясь, без суеты, терпеливо ожидая свой шанс, так как знает ясный порядок вещей в этом мире.

Когда один из главных героев романа Баоюй засыпает в красном тереме (женской половине дома), он видит сон, предвещающий несчастье. После увиденного сна, он прекрасно знал исход событий в двух домах Жунго и Нинго. В романе он произносит фразу: 我是要做姜太公的 [3] «Я буду вести себя, как Цзян Тайгун» [4].

В китайских литературных произведениях автор часто обращается к содержанию легенд и мифов. При этом сами легенды не приводятся в тексте, речь идет о сравнении главных героев с персонажами произведения.

В китайской литературе существует легенда о Пастухе и Ткачихе. Легенда имеет следующее содержание: однажды встретившись на берегу озера фея Чжиню и Пастух полюбили друг друга. Богиня Неба узнала, что Чжиню вышла замуж за простого смертного, она разлучает их и разрешает лишь раз в год встречаться на млечном пути седьмого числа седьмого месяца. Пастухом и Ткачихой называют влюбленных, проживающих далеко друг от друга и вынужденных жить раздельно.

Автор романа «Сон в красном тереме» Цао Сюэцинь использует имена героев из мифа, подразумевая под ними влюбленных из собственного произведения Баоюя и Линь Дайюй. 织女牛郎会七夕[3] «Ткачиха и Пастух смогут встретиться лишь на небесах» [4]. Автор использует метонимию, описывая кульминацию романа. Конфликт между Баоюй и родителями привел к тому, что юношу обручили с Баочай, когда он переживал тяжелую болезнь и находился в состоянии умопомрачения. Линь Дайюй узнает о его помолвке, не переживает удар и умирает от горя. Баоюй и Линь Дайюй больше не встретятся на земле, единственное место, где они могут повстречать друг друга – небеса.

Для иностранного читателя, не владеющего знаниями древнекитайской мифологии, оригинальное предложение из текста романа окажется абсолютно не содержательным, однако, здесь велика роль именно вертикального контекста, владение которым позволит в полной мере понять замысел автора.

Ирония и сарказм часто встречаются в романе. Их применение помогает автору описывать характер китайского народа, акцентируя внимание на недостатках, высмеивая их, тем самым придавая комичность образам. 那怕再念三十本《诗经》，也都是掩耳偷铃，哄人而已 [3] «Даже если он перечитает тридцать изданий «Книги песен», умнее он все равно не станет, всего лишь обманет себя» [4]. Цао Сюэцинь говорит о том, что прочтение тридцати изданий одного из древнейших памятников китайской литературы, уникального источника информации о языке и традициях Китая, герою романа не поможет, настолько он кажется безнадежным и глупым.

В данном случае, незнание вертикального контекста является серьезным препятствием к полноценному пониманию оригинального предложения. Для иностранца, непосвященного в историю китайской литературы, дословный перевод названия «诗经» shījīng – «Книга песен» не поможет понять истинный смысл высказывания.

Знание источников цитат, литературных аллюзий, реалий обеспечивает понимание глубинного смысла художественного текста [5]. Для того чтобы импликации автора стали понятны читателю, чтобы детали характеристик персонажей, места и времени действия произведения были ясны воспринимающему текст человеку, в фоновые знания последнего должна входить и информация, владение которой автор подразумевал, делая отсылки к каким-либо реалиям. Поэтому справедливым представляется утверждение о том, что восприятие повествования не будет полным без знания его вертикального контекста (хотя может быть достаточным для субъекта чтения – если он не ставит своей целью постичь все, что подразумевал писатель). Таким образом, с помощью вертикального контекста осуществляется расширение связанного с текстом информационного поля.

Библиографический список:

1. **Ахманова, О.С.** «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – №3. – С. 47-54. – Текст: непосредственный.
2. **Воркачев, С.Г.** Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев. – URL: <http://kubstu.ru/docs/lingvoconcept/umbrella.htm> (дата обращения: 14.11.2008). – Текст электронный.
3. «红楼梦» / 雪芹曹 – URL: <http://www.purepen.com/hlm/> (дата обращения: 20.04.2020). – Текст: электронный.
4. **Цао Сюэцинь** Сон в красном тереме (перевод Панасюка Владимира Андреевича) / Сюэцинь Цао. – URL:

<https://www.litmir.me/br/?b=5574&p=1> (дата обращения: 20.04.2020). – Текст: электронный.

5. **Юшева, Е.В.** К вопросу о двух текстах в стихотворении Германа Гессе «Beim Wiederlesen des Maler Nolten» (Герменевтический этюд) / Е.В. Юшева // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – СПб.: Образование, 1993. – С. 105-110. – Текст: непосредственный.

О.М. Липустина,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Т.И. Щелок,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Т.В. Черкасова,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

ЭПИТЕТЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ПИРОГИ И ПИВО» У.С. МОЭМА)

Любой язык обладает определенными лексическими, грамматическими, фонетическими средствами, делающими его выразительным, эмоциональным, способным раскрыть все настроения и чувства говорящего или пишущего, поделиться и передать их собеседнику или читателю. Данные средства формируют авторский стиль, придают ему уникальность и неповторимость. Особенно ярко это своеобразие прослеживается в литературных текстах. При этом одним из важнейших инструментов, получивших широкое распространение в художественном творчестве, является эпитет. Невозможно представить себе произведения, в которых не было бы данного характеризующего героев, события, явления средства.

Данная статья посвящается анализу эпитетов в романе У.С. Моэма «Пироги и пиво».

Итак, в вышеназванном романе можно найти большое количество характеризующих слов указанного типа, они присутствуют если не в каждом предложении, то в каждом абзаце точно. При этом следует отметить, что большинство из них относятся к лексико-грамматическому классу слов, обозначающих признак или свойство предмета, т.е. к группе прилагательных. Например: *the frivolous gesture, a dubious smile* [1: 25]. В первом случае автор описывает с помощью уточняющего слова необдуманность жестикуляции, заставляет задуматься над тем, нужно ли на этот жест вообще обращать вни-

мание и как его понимать. Во втором случае читателю стоит поразмыслить над искренностью выражаемых эмоций, над истинными мотивами такой улыбки и намерениями ее обладателя.

Кроме простых прилагательных, У.С. Моэм использует более сложные с точки зрения словообразования лексические единицы. Например: *They are very winsome types of English womanhood, spirited, gallant, high-souled* [1: 49]. Очевидно, что последнее слово имеет две основы, передающие единое значение великодушия, присущее английским женщинам.

В языке как системе прилагательные, как правило, представлены тремя типами: простые, сложные и производные. У.М. Моэм использует в своих произведениях все богатство языка, вследствие чего на страницах романа можно также найти и последний из названных типов. Например: *the ephemeral inhabitant of an insignificant planet* [1: 97]. Лексема *insignificant* создана по префиксально-суффиксальной словообразовательной модели. Она указывает на ничтожные размеры нашей планеты по сравнению со Вселенной.

В процессе работы с текстом обнаружены также эпитеты, представленные прилагательными в превосходной степени сравнения. Например: *... was one of his pleasantest characteristics* [1: 13]. Такие эпитеты, как представляется, используются писателем для привлечения особого внимания читателя к самым важным чертам характерам, качествам персонажей и т.п.

Наряду с прилагательными функции эпитетов способны выполнять слова и других частей речи, в частности, причастия, существительные и наречия. Например: *unrequited love, wounded pride* [1: 103]. Здесь уточняющими лексемами выступают неличные формы английских глаголов в форме прошедшего времени, констатируя имеющуюся ситуацию.

При использовании существительных в качестве определений автор обращается к конструкции, включающей предлог *of*. Например: *the picture of life* [1: 21], *greatness of soul* [1: 88]. В данных случаях слова *life* и *soul* в сочетании с *of* и будут выполнять роль эпитетов, представляя собой единое целое и подчеркивая важность и значимость уточняемых лексем. Ощущается какое-то величие данных понятий, скрытая в них возвышенность.

Кроме нарицательных существительных, эпитетами могут выступать и имена собственные. Например: *It was a room of some size, very clean and white, with an Adam window* [1: 12]. *An Adam window* – окно, выполненное в стиле Адама, известного архитектора из Шотландии, именем которого и назван стиль. Этот прием автора помогает избежать, возможно, ненужного, описания архитектурных особенностей данного предмета и отсылает заинтересованных читателей к специализированной литературе. Предложение *Her voice was exquisitely gentle* [1: 79] содержит наречие *exquisitely*, являющееся эпитетом прилагательного *gentle*. Подобное сочетание заставляет представлять себе этот «изящно мягкий голос», что сделать весьма нелегко. Следует отметить, что такого рода уточняющие конструкции встречаются редко.

Если говорить о семантических параметрах примененных У.С. Моэмом эпитетов, то следует также отметить ряд особенностей. Так, в словосочетани-

ях the inclement weather [1: 89], their high cheekbones [1: 89], wide blue frank eyes [1: 7] подобраны уточняющие слова, описывающие данные природой свойства. В них нет ничего необычного, мы к ним привыкли и, возможно, в большинстве случаев не замечаем. Вместе с тем в тексте можно увидеть и вовсе удивительные словосочетания, привлекающие к себе особое внимание. Например: I thought I would walk down the Vauxhall Bridge Road. It had a sordid vivacity [1: 62]. A sordid vivacity – уникальная авторская фраза, показывающая его настроение, его пренебрежительно-противоречивое отношение к улице. Объединены абсолютно разные по своему семантическому наполнению слова: очень сложно представить, какой может быть «грязноватая жизнерадостность».

В тексте встречаются эпитеты, созданные путем метафорического переноса. Например: a large aquiline nose [1: 59], she fixed her beady eyes [1: 61]. В данных фразах присутствует сравнение. При этом в первом случае человеку приписываются черты сходства с птицей (присутствует так называемая зоосемическая метафора), во втором – глаза уподобляются неодушевленным предметам: бусинкам. Таким образом, дается живое описание внешности героев, подчеркиваются их физические особенности. У.С. Моэм применял в своих произведениях и сравнительные эпитеты. Например: Her eyes rested on him quietly, as though he were not a man but a chair or a table, and in them was a mischievous, childlike smile [1: 69]. Улыбка в глазах героини похожа на улыбку ребенка. Так автор описывает эмоции женщины, чистые, счастливые, беззаботные.

Все обнаруженные слова-эпитеты присутствуют в системе английского языка, вследствие чего подчиняются общим правилам чтения и произношения. В устной речи они сопровождаются интонацией, свойственной их месту в соответствующей синтагме. Кроме того, они могут получать дополнительный эмоциональный компонент при их произнесении с целью привлечения к ним большего внимания.

Таким образом, в романе «Пирог и пиво» присутствуют как общеупотребительные, так и используемые в уникальных авторских комбинациях эпитеты, выраженные словами различных частей речи: прилагательными, существительными, причастиями и наречиями. Они создают особенную атмосферу произведения и привлекают внимание читателя к необходимым деталям.

Библиографический список:

1. *Maugham, W.S. (1930). Cakes and Ale: or, the Skeleton in the Cupboard. Garden City, N.Y., Doubleday, Doran & company, inc. 308 p.*

Е.Б. Трофимова,
доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
У.М. Трофимова,
кандидат филологических наук,
магистрант
Институт русского языка имени А.С. Пушкина (г. Москва)

MODERN METHODS AND TECHNOLOGIES OF A RESEARCH IN SOLVING PROBLEMS OF GENDER LINGUISTICS

In modern science there is a wave of interest towards the investigations of different aspects of gender, including the connection between gender and language, seen. The gender factor is one of the most essential parameters of a personality that influences their comprehension of self-identity and the perception of the outside world throughout the whole life.

In this article different approaches, methods and technologies in solving problems of the connection between gender and language will be discussed.

Despite the diversity of aspects that can be studied in language and gender, there are only two research directions that are of interest for the authors of the article. First of all, the reflection of language in gender stereotypes. For example, the analysis of Russian proverbs shows that in the Russian view of the world female intelligence is considered as an atypical and unwanted phenomenon: “*women’s minds devastate houses*”, “*the hair is long but the mind is short*”, “*take a smart woman as a wife – you won’t be able to say a word*”. The asymmetry of gender and sex covers the whole range of personification nouns: masculine gender forms serve as nominations for both male individuals and generic notions (*doctor, chief, author*), feminine gender forms are usually of vulgar and/or negative nature (*doctress* [vrachiha], *directress* [direktrisa], *authoress* [avtorsha]). Based on the language data, the authors draw a conclusion of androcentrism in language (for example, the Russian language).

The other research direction is connected to the influence of grammar categories on the native speaker’s mind. For example, the influence of grammatical gender on the perception of nouns has been experimentally proved by a famous American scientist Lera Boroditsky [1]. For example, *a key* is masculine in German and feminine in Spanish. When the researcher asked German and Spanish speakers to describe *a key*, the former were more likely to use words like *hard, heavy, jagged, metal, serrated, and useful*, whereas the latter would say *golden, intricate, little, lovely, shiny, and tiny*. This is the same logic in which the followers of the feminist direction discuss the possibility of change in social conscience by means of linguistic reformations. A language serves as an instrument of gender equality. Such pairs to “author” and “director” as *authoress, directress* appear; the group of gener-

ic notions expands via changes in agreement standards (*the doctress has arrived* [using feminine ending]), such units as singular *they* are introduced.

In modern science the problems of interrelations between gender and language continue to spark interest and can be investigated via standard methods, innovative until recently: conceptual analysis of proverbs and precedent texts, cognitive metaphors, associative experiment and gender-based scaling of multilingual lexical units. However, the use of the Big Data and some experimental methods, like eye tracking, help to discover unusual and unexpected patterns and enhance the validity of results of gender researches.

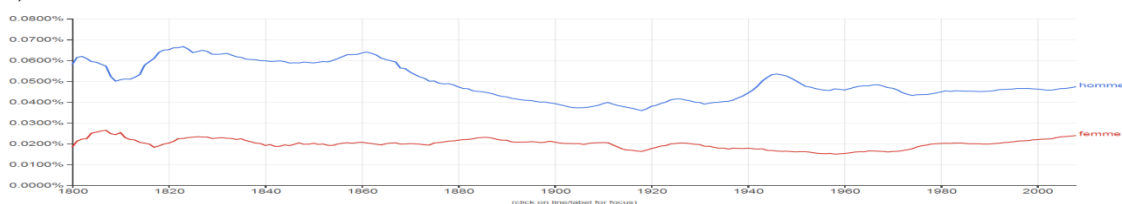
Despite the Big Data's own specificity, the corpus data can be regarded in much the same way. There is an article published in 2010 [2] whose authors claimed the creation of a corpus of 5,195,769 digitized books containing ~4% of all books ever published. This is the corpus of Google Books N-gram (<https://books.google.com/ngrams>). The authors of the article introduce the idea of «culturomics» as «the application of high-throughput data collection and analysis to the study of human culture» [2: 180]. On six pages it is described how to use the corpus to solve general problems of humankind – from collective memory to censorship. The primary instrument for corpus researches is the frequency that allows to raise the issues of interest with the corresponding interpretation. This is about corpus-driven investigations. The representation and a large amount of the corpus data allow to rely on the accuracy of the data.

For example, the analysis of dynamics of basic gender nominations (*man*, *woman*) in the English-written, German-written, French-written, Russian-written and Chinese-written texts over the period from 1800 to 2000 in Google N-gram has shown the following (blue is for the dynamics of frequency of the lexical unit *man* usage in the digitized texts and its correlates in corresponding languages, red is for the dynamics of frequency of the lexical unit *woman* and its correlates):

a) Texts in English

b) Texts in French

c) Texts in German

d) Texts in Russian

e) Texts in Chinese

The diagrams are illustrative: the stable dominance of masculine nomination is seen in English-written and French-written texts, the dominance of feminine nomination is seen in Russian-written and Chinese-written texts. There is no doubt in the objectivity of the collected data and the conclusion that such a variation cannot be accidental. However, to interpret accurately, these data should be considered in the wide context of social, linguistic and psycholinguistic facts. For example, the activity of the usage can influence the semantic richness of a word, in particular the juncture of such meanings as “*man*” and “*human*” in one word in English, French and German, that was to influence the frequency of words.

Experimental investigations are focused on the studies of gender-based markedness of nominations with the help of scaling [3] and distribution of gender range for words with the plural number markers (engineers – how many % of them are men and women from informant’s perspective). This direction is getting more important nowadays (e.g. international project of Tomsk State University: <https://www.unifr.ch/lcg/>).

However, these experiments are not confined to gender-based scaling. According to the experimental work of A. Gerasimova, the opposition between referential and morphological agreement in the constructions like *a new doctress has arrived* [using feminine ending] leads to the partial return of positions of sexuated agreement of adnominal attributes [4]: modern native Russian speakers state that they would rather say *a new doctress has arrived* [using feminine ending], despite the viewpoint of the “demorphologisation of gender relations” in the modern lan-

guage [5: 21]. The experimental analysis of O. Gorbatskaya has shown the specific character of epicene words: native Russian speakers tend to consider the definite gender-based markedness of these units: *crybaby* [plaksa] is a feminine word, *bully* [zadira] is a masculine word [6]. These facts allow to look at the category of gender in the system of gender stereotypes and cognitive features that determine the dynamics of this category.

Psycholinguistic researches of gender stereotypes' part in the processes of perception of the text with the use of self-paced reading [3] and eye tracking [7] methodology are of great interest nowadays. The authors prove the influence of the gender stereotype of personification nouns on the speed of the perception of a text in case of its gender and pronoun's [7; 3] or verb's [8] agreement and mismatching; the actualization of a gender feature apart from the factor of personification nouns' agree in an antecedent and a pronoun [9]. All experiments show the value of the instrumental investigation of a gender-based stereotype. However, the results of the experiment are not definite: "the effect of that the word "*pediatrist*" [pediatrician] looks like a masculine noun is minimal" [8: 935], here the "feminine stereotype" is winning. In other words, the relations of gender (social stereotype), sex, agreement and metalingual conscience come out differently in different situations.

Modern methods and technologies allow to work with such complex and mixed categories as the category of gender. The dynamics of different levels of gender can be described with the use of experimental, instrumental, corpus and corpus' analysis methodology.

References:

1. Boroditsky, L., Schmidt, L., Phillips, W. (2003). Sex, syntax, and semantics, in Gentner, D.; Goldin-Meadow, S. (eds.), *Language in mind: Advances in the study of language and thought*, Cambridge, MA: MIT Press. Pp. 61-80.
2. Michel, J.-B., Liberman, A., Aiden, A.P., Veres, A., Gray, M.K., Pickett, J.P., Hoiberg, D., Clancy, D., Norvig, P., Orwan, J., Nowak, M., Pinker, S. (2011). Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books. *Science*. 331 (6014). Pp. 176-182.
3. Kennison, S.M., Trofe, J.L. (2003). A role for gender stereotype information in language comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*. 32. Pp. 355-378.
4. Герасимова, А.А. Рассогласование по роду в русском языке (экспериментальное исследование) / А.А. Герасимова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2018. – № 1. – С. 65-71. – Текст: непосредственный.
5. Голев, Н.Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? / Н.Д. Голев // Вестник ТГУ. Филология. – 2013. – № 6. – С. 14-28. – Текст непосредственный.

6. **Горбацкая, О.Ю.** Отражение гендерно-родовых отношений в системе языка и метаязыковом сознании носителей: автореф. канд.... филол. н. / О.Ю. Горбацкая. – Кемерово, 2013. – 20 с. – Текст: непосредственный.

7. *Carreiras M., Garnham A., Oakhill J., Cain K.* (1996). The use of stereotypical gender information in constructing a mental model: Evidence from English and Spanish. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 49. Pp. 639-663.

8. **Слюсарь, Н.А.** Грамматические характеристики и гендерные стереотипы при обработке согласования по роду в русском языке / Н.А. Слюсарь, А.П. Генералова // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов (г. Светлогорск, 18–21 октября, 2018). – С. 933-936. – Текст: непосредственный.

9. *Pyykkönen P., Hyönä J., Gompel Roger P. G. van et al.* (2009). Activating Gender Stereotypes During Online Spoken Language Processing Evidence From Visual World Eye Tracking. *Experimental Psychology*. 57(2). Pp. 126-133.

Ю.Ю. Хлыстунова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина,
(г. Бийск);

Н.Н. Ульянова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры перевода и переводоведения
Новосибирский военный институт
имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
(г. Новосибирск)

SEMANTISCHE MITTEL DES AUSDRUCKS DES GERUCHES IM ROMAN «DAS PARFÜM» VON P. SÜSSKIND

Jeder Text wird auf die Leser verschiedenweise gewirkt, das betrifft nicht nur den Inhalt des Textes, sondern auch die Verwendung von bildenden und expressiven Mitteln.

Das semantische Wortfeld ist vom großen Interesse in der Lexikologie, weil es zur Beschreibung vieler Sprachphänomene am besten passt und hilft, die systemischen Verbindungen und die systemische Struktur der Sprache auf allen ihren Ebenen zu erläutern.

Wie es bekannt ist, wird der Begriff des Wortfeldes von den Forschern mehrdeutig und widersprüchlich interpretiert, was jedoch nicht stört, auf Grund verschiedener Wortfeldtheorien eine Analyse vieler Sprachphänomene durchzuführen.

Es gibt mehrere Begriffe des Wortfeldes: konzeptionelle, semantische, funktionale, lexikalische, assoziative und andere.

Der Begriff „das semantische Wortfeld“ wird in der Linguistik meist zur Bezeichnung der Gesamtheit sprachlicher Einheiten dargestellt, die einige gemeinsame semantische Merkmale vereinigen; anders gesagt, solche Einheiten, die etwas Allgemeines in ihrer Bedeutung beinhalten.

Die Forschungen des Wortfeldes hatten folgende Struktur im diachronischen Aspekt: Wort – Wortverbindung – Satz.

Das semantische Wortfeld hat bestimmte Merkmale:

1. Das semantische Wortfeld ist intuitiv für einen Muttersprachler verständlich und hat psychologische Realität für ihn.

2. Das semantische Wortfeld ist autonom und kann als selbstständiges Subsystem der Sprache ausgezeichnet werden.

3. Die Einheiten des semantischen Wortfeldes sind mit bestimmten systemischen semantischen Beziehungen verbunden.

4. Jedes semantische Wortfeld ist mit anderen semantischen Wortfeldern der Sprache verbunden und bildet mit ihnen ein Sprachsystem zusammen.

Ein Subjekt ist nicht etwas Passives, der nicht nur etwas wahrnimmt, sondern er ist ein Träger von Aktivität, welcher durch die Einheit von den individuellen menschlichen Merkmalen gekennzeichnet ist [1: 355].

Das vorliegende Thema ist besonders aktuell, weil dieses Phänomen „der Geruchssinn“ zum ersten Mal von der Seite des menschlichen Daseins untersucht wird, das im Prinzip nicht verbalisieren kann.

Die Idee des Romans ist der Geruch, die Metapher des Geruchs. Die zentrale Metapher basiert auf der Harmonie von den Kontrasten. Zwei Hauptthemen sind im Roman dargestellt: Duft und Gestank, Leben und Tod, alles und nichts.

Die Hauptsemantische Bedeutung tragen also die Substantive „der Geruch“ und „der Duft“. Sie sind Synonyme, weil sie eine semantische Gemeinsamkeit, Einheit von den kombinierbaren Möglichkeiten haben. Sie können in einem identischen Kontext funktionieren.

Die Bedeutung der Wörter „der Geruch“ und „der Duft“ besteht darin Dämpfe abzusondern, das heißt die Motivationsbeziehungen zwischen Gliedern einer Wortfamilie in Texten mit verschiedenen Intentionen funktionalisiert werden können [2: 644].

Das Lexem „der Duft“ aber hat auch das differenzierende Sem "angenehm". Die Verben „riechen nach + Dativ“ und „stinken nach + Dativ“ beinhalten auch das gleiche Sem „Dämpfe absondern“. Aber das Wort stinken hat auch ein differenziertes Sem „unangenehm, schlecht“. Infolge dessen können die Lexeme „der Duft“ und „stinken“ in bestimmten Kontexten angewendet werden und eine gemeinsame Zone des semantischen Überganges bilden.

Aufgrund des Fehlens einer speziellen Sprache für den Geruchssinn bzw. trotz dieses Mangels gibt es zwei Vektoren seiner Sprachkodierung: dies sind Konstruktionen dem Modell nach „Geruch von etwas“ und die Kategorien von gutem / schlechtem oder angenehmem / unangenehmem Geruch.

Die Konstruktion „Geruch von etwas“ ist ein ungewöhnliches, dominantes und produktives Mittel, um über Gerüche zu sprechen. Sie kann folgenderweise

ausgedrückt werden: „der Geruch + von + Nomen“ (14 Elemente): der Geruch von Seide, der Geruch vom Land, der Geruch von den Wiesen, der Geruch von den Wäldern, der Geruch von Männern, der Geruch von Frauen usw.

Der Autor verwendet auch die Konstruktion „der Geruch + Artikel + Genitivattribut“. Diese Gruppe umfasst 28 Elemente: der Geruch eines Tees, der Geruch eines Stücks, der Geruch eines Korkens, der Geruch eines Schildpattkamms, der Geruch des Meeres usw.

Die Konstruktion "der Duft + von + Nomen" enthält 24 Elemente: der Duft von Milch, der Duft von Schafswolle, der Duft von Moschustinktur, der Duft von Wasser, der Duft von Kot usw.

Ebenfalls gibt es im Text eine Gruppe von Konstruktionen mit dem Lexem „der Duft + Artikel + Genitivattribut“: der Duft des Holzes, der Duft des Ginsters, der Duft der Rosen, der Duft der Liguister, der Duft des Pferds usw.

Eine besondere Gruppe bilden zusammengesetzte Substantive mit dem Hauptwort „der Geruch“ (17 Elemente): der Leicnengeruch, der Fischgeruch, der Säuglingsgeruch, der Menschengeruch, der Wohlgeruch, der Tiergeruch usw., sowie mit der Hauptwort „der Duft“ (8 Elemente): der Menschennduft, der Harzduft, der Moschusduft, der Zauberduft, der Weihrauchduft usw.

Wie oben erwähnt, drücken die Verben riechen nach + Dativ (11 Elemente), stinken nach + Dativ (10 Elemente) die Bedeutung am häufigsten aus: riechen nach (nach Pferdedung und alten Äpfel; nach Zweibel und Karatel; nach Schwefel und Weihrauch; nach Myrrhe und geschmolzenen Zucker usw.) stinken nach /stinken, übel riechen: nach Mist und Urin, nach fauligem Holz und Raffendreck, nach verdorbenem Kohl und Hammelfett, nach muffigem Staub und fettigen Laken, nach feuchten Federbetten und Schweiß usw.

Die Palette der emotionalen Reaktionen einer Person auf den Geruch ist extrem breit – von Freude bis Ekel. Obwohl die Menschen zu den Gerüchen nicht sehr empfindlich sind, kann man nicht anerkennen, dass es in den Gerüchen eine große Menge von Informationen versteckt ist, da sie „der Natur nach“ mit dem menschlichen Körper, mit der Arbeit der Intuition, mit der Arbeit des Gedächtnisses und mit der Arbeit der Phantasie verbunden sind.

Im Großen und Ganzen ist der Geruch ein besonderes Mittel der Sprache / nonverbale Sprache, mit deren Hilfe alle menschlichen Gefühle einen Ausdruck finden.

References:

1. **Ульянова, Н.Н.** Эмоционально обусловленная реализация сниженной лексики в немецком дискурсе / Н.Н. Ульянова, Е.В. Панькина, Ю.Ю. Хлыстунова // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – №2 (51). – С. 354-359. – Текст: непосредственный.

2. Duden-Die Grammatik (2009). Unentbehrlich für richtiges Deutsch, 12 Bde. Bd. 4. 8., vollständig überarb. und aktualisierte Aufl. Mannheim; Zürich: Dudenverlag. 1343 s.

М.Г. Шкуропацкая,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
И.П. Исаева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

THEORETICAL BASIS OF ASSOCIATIVE MODELING OF A MEANING STRUCTURE OF A POLYSEMANTIC WORD

The topicality of the research is justified by the following. Polysemy is a fundamental property of natural language. It permeates all areas of the language and is especially characteristic of the active part of vocabulary. This can be proved by the materials of modern active lexicography, focused on the reflection of a linguistic, or "naive" worldview. So, according to the "Active Dictionary of the Russian Language" [1], words having one lexeme and no homonyms represent less than a quarter of the vocabulary volume. Moreover, in such words one can find additional meanings or homonyms that were not included in the dictionary because they are stylistically marked or used rarely [2]. To know the laws of polysemy is important for theoretical linguistics and cognitive science as well as for applied linguistics. In recent decades, the problem of polysemy has been particularly relevant in computer linguistics. The effectiveness of both computer modeling of a polysemantic word (in particular, the effectiveness of machine translation) and corpus description depends on the problem solution. It should be emphasized that in this area of linguistics, the distinction between polysemy and homonymy, consistently carried out in theoretical semantics and in lexicography, is not relevant, since the presence or absence of a possible connection between candidates is not essential for solving the problem of defining a word in the context [3]. In computer linguistics in order to solve the problem of automatic resolution of polysemy, methods related to the use of dictionaries, thesauruses, and corpus of texts are employed. Reviews of these methods are quite fully represented both in foreign linguistics and in domestic linguistics [4; 3; 2]. The appearance of large corpora of texts with wide search capabilities gives lexicographers the richest opportunities to test their intuition, determine the relevance of the meanings described in the dictionaries, and define new meanings. The development of large annotated corpora allows us to clarify the sets of meanings of words not only in certain subject areas or various social groups, but also in individual idiolects. In this regard, the work of scientists involved in the development and application of a multidisciplinary approach to the description of the phenomena of lexical polysemy, combining lexicographic, corpus-statistical and psycholinguistic methods, are of great interest [5; 6].

At the same time, one should pay attention to the fact that the main difficulty faced by developers is often connected with native speakers' disagreement in the identification of word meanings and interpretation of their specific uses, which complicates the work on creating annotated corpora of texts. Experimental studies show that the sets of meanings of polysemantic words can differ in one language variety and depend on the different gender, social, age or professional status of native speakers, their individual language experience. Some native speakers have many lexemes of polysemantic words in the active vocabulary, others keep them in their passive vocabulary, and still others have none at all; these lexemes can be ranked differently in different dialects and idiolects. However, experimental studies aimed at finding the answer to the question of how the meanings of a polysemantic word are contained in a person's linguistic consciousness, how a person determines the meaning of a polysemantic word, are not enough. In cognitive linguistics, polysemy studies based on the analysis of informant polls are presented in separate publications [7; 2].

We suggest considering the meaning structure of polysemantic words at the level of their concept contents, which manifest themselves in the associative fields of words. The possibility of such an analysis is seen in the fact that the difference between the meanings of words is often presented not at the logical-semantic level (such differences are usually identified in the framework of definitional analysis) and not at the linguistic-semantic level (these differences are revealed through componential analysis of various types), and also not at the level of combinability of lexemes, but at the level of concepts, or communicative fragments [8: 116-143]. At some point, concept differences of this kind induced D. Shmelev to note that the features that distinguish lexical-semantic variants, "are neither differential semantic features of words ... nor constructive elements of meanings at all ... These are not elements of the actual meaning of the word, but stable associations connected with the concept of the phenomenon that the word indicates" [9: 193].

The concept plan of the word content, revealed in associations, "is present in any word and in any word form, and therefore the measurement at this level can be considered universal. In some cases, it is brought to the forefront and acts as the main or only distinguishing content, and in other cases it is an accompanying content difference" [10: 90].

When using an association experiment as a way of studying the meaning structure of a polysemantic word, it performs the function of immersing the word under study in the internal context of a person's diverse experience in order to analyze the associative relations of the word, taking into account their deep nature. The advantages of an associative approach to modeling the meaning structure of a polysemantic word is that this approach reveals the real psychological structure of the meaning of the lexical unit and allows using experimental methods to get closer to understanding what it really is.

The problem of the correlation of natural semantics, lexical meaning and concept, linguistic meaning and the real psychological meaning of the word is also of fundamental importance. As an analogue of the psychological real meaning we

consider the associative field of a word, its lexical composition and content, including stereotypical images-representations, conceptual meaning, emotions, evaluations, associations and objective content. The meaning represented by any lexical unit, in fact, is a set of interconnected associations. Qualitative and quantitative characteristics of the associative field components are formed due to the intersection of many factors that determine the existence of a natural language sign, such as the factor of denotative semantics, the factor of internal significance, the factor of syntagmatics, and the factor of pragmatics. The structure of the associative field of a word as a result of the interaction of a number of factors reflects the features of the semantic content of lexemes, each of which tends to infinite semantic valency (A. Losev's term). Thus, the associative field of a word is a holistic pictorial-verbal psychic formation that functionally integrates the totality of the connections of a given word in a native speaker's mind. It is important to note that in order to implement the idea of associative modeling of the meaning structure of a polysemantic word, a representative lexicographic base has been created at a concept level. This is, first of all, the Russian Associative Dictionary, the Dictionary of Ordinary Interpretations of Russian Words, summarizing the results of mass experiments with the linguistic consciousness of ordinary native speakers of the Russian language [11]. In addition, there are dictionaries based on a comparative principle. We are talking about the Slavic Associative Dictionary (2004) and the Altai-Russian Associative Dictionary [12]. The growth of the lexicographic base creates the prerequisites for the transition to a theoretical justification of the possibility of its use for research purposes to model the meaning structure of polysemantic words.

References:

1. Активный словарь русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, Б.Л. Иомдин, Г.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.А. Лопухина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 1. – 784 с. – Текст: непосредственный.
2. **Иомдин, Б.Л.** Многозначное слово в контексте и вне контекста / Б.Л. Иомдин // Вопросы языкознания. – 2014. – № 4. – С. 84-103. – Текст: непосредственный.
3. **Рахилина, Е.В.** Многозначность как прикладная проблема: лексико-семантическая разметка в Национальном корпусе русского языка / Е.В. Рахилина, Б.П. Кобрицов, Г.И. Кустова, О.Н. Ляшевская, О. Шеманаева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2006». – М., 2006. – Текст: непосредственный.
4. *Navigli, R.* (2009). Word sense disambiguation: A survey. ACM computing surveys. V. 41. № 2. Pp. 1-69.

5. **Апресян, В.Ю.** Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / В.Ю. Апресян. – М., 2015. – 42 с. – Текст: непосредственный.

6. **Кустова, Г.И.** Семантические переходы в абстрактных существительных / Г.И. Кустова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2. – С. 73-85. – Текст: непосредственный.

7. *Lin C.C., Ahrens K.* (2005). How many meanings does a word have? Meaning estimation in Chinese and English in J.W. Minett, W.S.-Y. Wang (eds). Language acquisition, change and emergence: Essays in evolutionary linguistics. Hong Kong. Pp. 437-464.

8. **Гаспаров, Б.М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М., 1996. – 352 с. – Текст непосредственный.

9. **Шмелев, Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М: Наука, 1973. – 278 с. – Текст: непосредственный.

10. **Голев, Н.Д.** Ассоциативное измерение системных отношений в лексике: некоторые результаты и перспективы / Н.Д. Голев, М.Г. Шкуропацкая // Языковая личность: аспекты изучения: сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова / Под ред. И.В. Ружицкого и Е.В. Потемкиной. – Москва: МАКС Пресс, 2017. – С. 82-100. – Текст: непосредственный.

11. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. Т.1: А – М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов- стимулов) / под ред. Н.Д. Голева; авт.-сост. М.Ю. Басалаева, М.Е. Воробьева, Н.Д. Голев [и др.] / Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2012. – 536 с. – Текст: непосредственный.

12. **Голикова, Т.А.** Алтайско-русский ассоциативный словарь (Алтай-орус ассоциативный сөзлик) / Т.А. Голикова. – М.: Изд-во ОЛСИБ, 2004. – 380 с. – Текст: непосредственный.

Т.И. Щелок,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Д.А. Дегтярев,
учитель МКОУ «Мирная СОШ»,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ DANKE ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ БЛАГОДАРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Речевой этикет является неотъемлемой частью межличностной и межкультурной коммуникации. При этом «...речевые акты, имеющие общую психолингвистическую природу в разных языках, получают специфическое выражение в разных лингвокультурах» [1]. Так, своими особенностями обладает в немецком языке этикетный речевой акт благодарности – вежливой ответной реакции говорящего на положительное действие, оказанное другим коммуникантом по отношению к нему, - при выражении которого используется лексема *Danke*. Если заглянуть в историю и поинтересоваться происхождением данного слова, то в словаре Якоба и Вильгельма Гриммов можно найти следующее этимологическое описание: корень *dank* «... gehört zu dem verlorenen Stamm *dinke dank dunken, der eine Tätigkeit des Geistes, eine Bewegung und Erhebung der Seele ausdrückt*“, вследствие чего существительное *Dank* «bedeutete ursprünglich also «Denken, Gedenken», und bezeichnete dann das mit dem (Ge)denken verbundene Gefühl und die Äußerung dankbarer Gesinnung» [2]. В словаре Дудена также отмечается, что «*Dank – Gefühl, Ausdruck der Anerkennung und des Verpflichtenseins für etwas Gutes, das jemand empfangen hat, das ihm erwiesen wurde*» [3: 351]. Таким образом, значение данной лексической единицы связано с выражением внутренних, идущих из глубины души, положительных эмоций, связанных с поступками других людей. И, наверное, мало кто из изучающих немецкий язык задумывался над тем, что слово «*danke*» - это форма глагола в первом лице единственного числа с опущенным местоимением «*ich*».

Проявление благодарности в немецком языке используется очень часто: собеседники в зависимости от степени высказываемой признательности используют выражения «*Danke schön*», «*Vielen Dank*», «*Danke vielmals*», «*Danke gleichfalls*», «*Tausend Dank*», «*Meinen verbindlichsten Dank*» и т.д. Большинство из этих общепринятых и наиболее распространенных фраз стали уже пустыми клишированными формулами, и создается впечатление, что их произносят, не задумываясь, и не замечают. Однако если не соблюдать риту-

ал «благодарность - ответная реплика на благодарность», то уровень вежливости такого общения сразу резко снижается.

В данной статье рассматриваются особенности использования лексемы *Danke* в произведении современного и очень популярного немецкого писателя Эриха Марии Ремарка «Три товарища» [4]. Так, на страницах данного романа обнаружен ряд контекстов, в которых встречается вышеозначенное слово. Некоторые из них предлагаются ниже.

1) «*Ich rauche nicht, danke*», sagte er [4: 77].

В данном примере «*danke*» - грамматически независимая часть сложно-сочиненного предложения, представляющая синтаксическую конструкцию из одной грамматической основы; означает благодарность за предложенную сигарету и, по сути, не несет никакой эмоциональной нагрузки. Это просто благодарность из вежливости.

2) «*Danke schön. Morgen bringe ich alles zurück. Den Teppich auch*» [4: 123].

Здесь речевой акт благодарности предшествует содержанию основного высказывания, сопровождается дополнительно передающим и усиливающим эмоционально положительную реакцию говорящего наречием «*schön*», в связи с чем сказанное наполняется более глубоким чувством признательности к собеседнику. Если описывать грамматические характеристики рассматриваемой конструкции, то это снова односоставное предложение с грамматической основой-сказуемым и уточняющим действие обстоятельством образа действия.

3) *Wir tranken aus. «Wiedersehen, Rosa. Gutes Geschäft heute abend!» «Danke! Wiedersehen, Robby!»* [4: 128]

В приведенном примере эмоциональность благодарности достигается за счет восклицания, т.е. в данном случае можно говорить о графическом знаке, наполняющем слово «*danke*» ярко выраженными эмоциями в письменной речи, и о соответствующей фонетической оболочке, если рассматривать данный контекст в рамках звучащей речи.

4) «*Danke*», sagte sie. «*Danke für die Blumen. Und danke, daß Sie auf mich aufgepaßt haben. Ich fühle mich immer so sicher bei Ihnen.*» [4: 195]

Нельзя в этом контексте не отметить искренность благодарности, несмотря на то, что она выражена только лексемой *danke*: она повторяется несколько раз, объясняя, за что высказывается признательность. Последнее предложение также является благодарностью и признанием собеседнику.

5) «*Danke*», sagte ich, «*wirklich, ich danke Ihnen. Ich nehme sie gern...*» [4: 237]

Благодарность усиливается повтором *danke*; при этом во втором случае форма глагола первого лица единственного числа сопровождается выпускаемым в большинстве случаев подходящим местоимением: «*Я благодарен Вам*», «*Я благодарю Вас*». Кроме того, присутствует также модальное слово «*wirklich*». Говорящий таким образом вносит большую искренность в свое высказывание, делает его более индивидуальным и душевным. По сравнению

с предыдущими примерами благодарность во второй части предложения выражается структурно более полноценным с точки зрения грамматики предложением.

6) «Wollen Sie auch einen?»

«Danke, nicht gerade jetzt...» [4: 246]

«Danke» стоит в начале высказывания и приобретает особый компонент значения: оно означает вежливый отказ. Благодаря наличию данного слова следующая за ним отрицательная конструкция звучит более мягко, не обижает собеседника, не задевает его чувства.

7) «Auf Ihr Wohl! Daß das Haus bald voller Gäste ist.»

«Danke vielmals!» [4: 275]

В этом примере благодарность весьма эмоциональна: говорящим наряду с «danke» употреблено наречие «vielmals», усиливающее сказанное. Кроме того, наличие восклицательного знака делает фразу еще более эмоциональной и, как представляется, выводит из ряда просто формальных.

Таким образом, при осуществлении речевого акта благодарности в немецком языке лексема «danke» способна передавать разную степень выраженности эмоций: искреннюю признательность и благодарность, нейтральность ради соблюдения правил этикета. Кроме того, использование данного слова может предшествовать последующему отказу от чего-либо для смягчения имеющейся ситуации. «Danke» может употребляться как в односоставных, так и двусоставных предложениях; как самостоятельное предложение, так и как часть сложносочиненного. В зависимости от передаваемых эмоций и структуры предложения присутствует необходимое звуковое оформление высказывания.

Библиографический список:

1. Руди, Е.В. Особенности функционирования речевого акта благодарности в современном немецком языке / Е.В. Руди. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-rechevogo-akta-blagodarnosti-v-sovremennom-nemetskom-yazyke/viewer> (дата обращения: 14.03.2020). – Текст: электронный.

2. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm – URL: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/> (дата обращения: 14.03.2020). – Текст: электронный.

3. Duden Deutsches Universalwörterbuch (2001). Mannheim: Dudenverlag. 1892 S.

4. *Remarque, E.M. Drei Kameraden* (1936). KiWi. 585 S.

Т.И. Щелок,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
О.М. Липустина,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Т.В. Черкасова,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

ENGLISH BORROWINGS IN GERMAN MAGAZINE ARTICLES

Foreign words borrowing – is one of the means of modern language development, as it always quickly and plially reacts to the needs of the society. It is the result of contacts and relationship between peoples and states.

Borrowings in different languages influence the process of the word stock enrichment in a different way. In some languages they produced little effect which couldn't drastically influence the word stock of the definite language system. In some other languages, they, on the contrary, had such a strong influence on the vocabulary that even form words like pronouns and prepositions borrowed from other languages supplanted original counterparts.

The German language, in particular, is old enough – it has existed as long as 1200 years, besides it has a normative standard during more than 200 years. Naturally, it is constantly changing, the strongest changes though are taking place recently under the conditions of globalization and borrowing of words from other languages, mostly English, which strengthened its status as international at the end of the 20th century.

As far as the history of English borrowings in German is concerned, their number before the 18th century was small enough, they were mostly terms connected with navigation and trade, which defined the territorial limit of their usage, i.e. coastal regions. During the epoch of Renaissance borrowings spread on the continent. Those were the words from poetry, social life, state and legal relations [1: 219].

During new and newest time words borrowed from English mostly reflect the realia of Anglo-American society. Those are the words connected with new scientific and technical achievements, terms which have no counterparts in the language but which are in demand of the German society (e.g. during revolutionary cataclysms in Europe in the 19th century). More modern words coming from English may be referred to the same topics (high technologies, business, etc.). In some spheres – in technologies and economics, for instance, there are few German terms – they are formed from appropriate English words. Besides, film, music, and pro-

motion industry is more developed now in the USA. That fact is the most important reason why the American variant is the main source of intensive borrowings from English.

Modern mass media reflect the main social and economic processes in the society and transformations in the language. Any phenomenon or event as such finds its reflection in newspapers or magazines, on TV, in the Internet. Mass media *ple-no jure* are considered to be the basic source of the language development through which a huge stream of borrowings penetrates into the language.

The usage of borrowed words helps to fill mass media texts with a definite amount of expressiveness and withdraw from officiality, thus getting in contact with the readers. The publicistic style is thematically manifold, and that defines its extraordinary width and a variety of its vocabulary. The article under study discriminates borrowed words which function in German entertainment texts.

Thus, texts from the entertainment magazine «Elle» [2] served as the source of factual material got with the help of random sampling. In the process of research, the following borrowings were found:

Die Denim-Culotte von Citizens of humanity: so könnt ihr sie auch im Herbst tragen.

Denim-Culotte – is the English borrowing which means short jeans that have wide legs and look like a skirt. These jeans are produced under the brand Denim.

Citizens of humanity – is also a word combination from English, representing a jeans cult American brand, which has only three jeans lines – Kelly, Ingrid and Elle.

Designerin Catherine Ryu setzt bei der feinen Capsule Collection auf die 70er Jahre: Flare-Jeans mit hohem Bund, Denim-Culotte, Patchwork-Jacke, Denim-Look in all-white.

The example given above contains the number of borrowed words from the world of fashion. Thus, Designerin – is the borrowing from English, which contains the German suffix of feminine animate nouns, i.e. partially assimilated. This lexeme indicates a person performing some artistic and technical activity within the limits of some branches of design.

Capsule Collection is one more borrowed English word combination with the following meaning: a collection of accessories which never come out of fashion.

Flare-Jeans – is an Anglicism naming jeans-bell-bottoms which came into fashion at the end of 60-s. This model is gaining its popularity again among fashion designers and customers.

Patchwork-Jacke – is “jacket-patchwork” from English (the first part of the word) and German (the second part of the word). This garment is made with the help of some definite technique which gives an opportunity to use remnants of threads and patches and make the whole integral model.

Denim-look in all-white – are jeans belonging to the brand Denim made in a white color.

Styling-Tipp #1: Der sportliche Business-Look.

Styling-Tipp – is a combined Anglo-German lexeme which has a meaning “recommendations on a style”, - they are the recommendations on how to look fashionable and which clothes to wear.

Business-Look – is a lexeme which determines some definite style in clothes used for business meetings or negotiations. Such colors as black, blue, grey, and white predominate.

Die Denim Culotte ist mit ihrer besonderen Waschung und dem ausgefransten Saum der perfekte Partner für einen casual Look.

This example contains the above given borrowing Denim Culotte, and also the word combination casual Look. Casual Look means a casual style in clothes with a comfort and practicality accent. This style excludes formal, festive, and classical elements in clothes, and is characterized by a casual combination of elements of clothes belonging to different firms.

Bei diesem Modell, sehen die neuen High-Top Slip-Ons oder eben aber auch Sneaker mit dicker Sohle toll aus!

High-Top Slip-Ons – is a lexeme from English naming high (higher than ankle) footwear which looks like sneakers or trainers and has a modern design. They do not have any laces or clasps. It is easy to take them off and also easy to put them on.

Sneaker – is an American variant of the word ‘trainer’ which means footwear for sports or jogging.

Thus, it is evident, that borrowed lexemes are widely used in the texts of German entertainment magazines which have a big amount of readers of different ages.

We may also come to the conclusion that borrowings refer to different thematic groups: they represent brands of famous firms, articles of clothes and footwear of different models, made from different materials depending on the season and their type of usage, kind of activity and profession.

It is nouns that are mostly borrowed.

Borrowed words in some cases are subjected to partial assimilation: they acquire the suffixes of German parts of speech, articles, conjugate, get personal endings; nouns are written with the capital letter. Nevertheless, spelling rules and pronunciation of the source language at the same time are preserved.

Students learning German and English and teachers who work with such aspects as theory of the language, grammar, phonetics, oral practice, country study, must pay attention to the phenomena described above.

In spite of the fact that the article presented examples from texts of the only magazine «Elle», they undoubtedly reflect the general trend in the process of borrowing from English.

References:

1. Bach, A. History of the German language (2014). M.: Publishing house LKI. 344 p.

2. *Elle* [сайт]. – URL: <http://elle.de/> (дата обращения: 14.03.2020). – Текст: электронный.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Ю.Г. Бабичева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
О.П. Казанцева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

ЕКПHRASTICITY OF JOHN FOWLES' TEXTS

Intermediality is one of the basic essential characteristic of modern multimodal culture. As you know, this term was proposed by the German scientist O.A. Hansen-Leve, and the justification for the term was given by the Russian philosopher I. Ilyin. In a broad sense, intermediality is the creation of an integral poly-artistic space in the system of artistic metalanguage of culture. In narrow – a special type of intertextual relationships in a work of art, where different types of art interact [1: 87]. In the latter case, intermediality is the clearest presentation of the processes of inter-sign correlations, revealing the complex interaction of the language of different cultural paradigms. Various classifications of intermediate processes have been proposed in science. One of the basic concepts in this regard is the paradigm of intermediate discourses, proposed by J. Schroter in the article "Intermediality" (2011), in their application to the problem of interaction of the arts [2].

In this paper, we update the transformational intermediality highlighted by Schroeter, which, in our opinion, directly correlates with the idea of reference – mentioning or discussing another art form. In Western European literary studies, this type of intermediality has a traditional name taken from the ancient Greek literary form – ekphrasis, which refers to the attempts of one medium in art to describe the form and content of another medium. Ekphrasis is a verbal description aimed at creating a visible image, or rather an art object that meets the requirement of life-likeness. As a literary device that has analogies in the visual arts, ekphrasis shifts the reader's or viewer's attention from the subject of display to the style of its reflection in art: hence the strengthening of the artistic effect, emphasizing the actual artistic means of transforming reality. There is a sense of bifurcation: the viewer simultaneously feels the subject of the image and the figurativeness of the reception of the artistic "text". Sometimes three planes appear at once in the imagination: a physical object, its image, and a verbal description of the object and im-

age. The joint imagination of the artist and the viewer as it were stops time, snatching the object of the image from its flow and transfers it to metaphysical dimensions [3: 14-48].

Ekphrasticity of the artistic world is characteristic of the creative manner of many great writers of world literature – N. Gogol, F. Dostoevsky, I. Bunin, Guy de Maupassant, Dan Brown. In the literature of the second half of the 20th century, the famous English writer John Fowles observed close attention to ekphrasis.

N.V. Lobkova in her dissertation work "Interaction of art languages in the work of John Fowles" outlined the thesis that the interaction of art languages is an organic property of the writer's prose, reflecting the principles and techniques of postmodern poetics and absorbing numerous traditions of European culture, as well as some principles of Eastern philosophy and art [4]. E. Yatsenko in the work "Images of visual arts in the works of John Fowles" demonstrated the writer's close interest in visual imagery, which is due, on the one hand, to the artist's reaction to the global process of "naturalization of culture" in the XX century, and on the other hand, the author's loyalty to the age-old traditions of English literature [5].

Let's highlight some functions of ekphrastic appeals in the texts of John Fowles. His key novels that vividly illustrate the author's philosophical and aesthetic attitudes – "The Magus" and "Daniel Martin" – can serve as representative examples.

We emphasize that in our work we will rely on the classification of ekphrasis, proposed by E. Yatsenko in the article "Love painting, poets. Ekphrasis as an artistic and ideological model". By volume, E. B. Yatsenko divides ekphrasis into full, minimized, zero [6]. The full ekphrasis contains a detailed representation of the visual artifact, so it is an ekphrasis in the classic version. The description of the collapsed ekphrasis fits into one or two sentences. Zero ekphrasis only indicates the relationship of the realities of the verbal text with one or another artistic and visual phenomena. Zero ekphrasis can be mimetic, that is, the reader already knows the referent to which the author points, and he will independently transfer the characteristics of the referent to the artistic realities of the verbal text. Mimetic zero ekphrasis often carries pictorial information. The non-mimetic zero ekphrasis contains an indication of the semantic, historical and cultural modus of the visual artifact. Mimetic ekphrasis can be as attributed, that is explicit, clear and non-attributed, that is, the implicit, hidden. Attribution is the definition of the author and / or title of a work. Attribution by author significantly narrows the interpretative possibilities and makes the author's thought more transparent. Attribution by name makes the interpretation of ekphrasis less unambiguous and broader. In both cases, the attributed ekphrasis acts, on the one hand, as an emblem, label of the epoch, philosophy, code, and on the other – naturally enriches the pictorial aspect of the verbal image [6].

This classification reflects various aspects of the use and functioning of ekphrastic references. The works of John Fowles present a wide range of different ekphrasis.

In the center of the novel "The Magus" is the figure of Nicholas Erfe, a typical a "visual person" who tends to observe phenomena rather than understand them. Through ekphrasis a picture of the difficult path of the spiritual transformation is drawn. The image of each character is revealed through verbal representations (ekphrasis) of a certain type. We can say that ekphrasis precede the plot action, indirectly represent the psychological state of the hero. For example, we see one of the emotionally vivid minimized ekphrasis when Nicholas visits the Conchis' villa: "Above them was a life-size reproduction of a Modigliani painting: a fine portrait of a somber woman in a black against aglaucous green background. ... The woman's gaze was not drawn by the sleepy haze common to Modigliani portraits: tense, attentive, ape-like. When I looked at the picture up close, I realized belatedly that it wasn't a reproduction" [7].

It is known that the people in Modigliani's portraits look little like real ones. Rather, it conveys the character, the soul, adding something that the person did not see in the mirror. For example, the asymmetry of the face and body. It turns the inner world of a person inside out. Similar, according to the plot of the novel, the magician Conchis begins to make, putting a psychological experiment on Nicholas, forcing him to find himself, return to himself.

It is no coincidence that the novel presents a full ekphrasis – a description of the painting by Pierre Bonnard: "... I looked at the left canvas, not at what he described. It showed a girl standing with her back to the viewer at a Sunny window, wiping her thighs while admiring herself in the mirror. I saw Alison in front of me, naked Alison, walking around the apartment and singing songs like a child. It is a criminal picture; it has lit up the most ordinary scene with a rich golden halo, and now this scene and others like it have lost their everyday character forever" [7]. It is known that Bonnard is an artist of soft, muted tones and attitudes. Bonnard was one of the first to discover the inner or even intimate life of a woman. Here we see the whole spectrum of Nicholas's emotions: from surprise to admiration. This canvas seems to remind, as a hint, of the futility of his existence without Alison - the goddess-commoner, clearly hinting at the great value of true love, which in fact is afraid of the lone hero.

The novel "Daniel Martin", considered in many ways a continuation and development of the ideas of "The Magus", is less rich in full and even collapsed ekphrastic components, but even zero ekphrasis vividly reflects the movement of the inner world of the main character.

For example, when Daniel returned to his homeland after a series of years of absence, it is significant to mention a picture that he contemplated in the room of his grown-up daughter Caro: "A Picture, torn and unframed: an old dray horse-we bought it on the ruins, on Portobello row, one Saturday morning, just before I left for California." [8]. The object of the image clearly correlates with the image of the hero himself, reminding him of the lost years, of the work in the American film industry, which captured his body and soul completely and deprived him of a real life, a strong family in many ways. The appearance of the image, in turn, gives a characteristic of aimlessly lived years, without real affection and love, which Dan-

iel has yet to find. We see the attributive zero ekphrasis in the room of the terminally ill Anthony: "over the bed a cheap reproduction of Mantegna's painting "Saint Sebastian" hung" [8]. There is not only hint at a quick martyr's death of Anthony, but also illustration of the threshold point in changing the destinies of all the characters: as the figure of Sebastian is the symbol of the transition from paganism (nonexistence) to Christianity (existence) and death of the patient will be the starting point of finding Daniel and Jane once lost, hidden, love, restored them to new life. The brightest full ekphrasis in the novel, exactly like a powerful final chord becomes a description of a late Rembrandt self-portrait, managed to embody in his works the whole range of human experiences with great emotional intensity: "In the paintings sad, proud man looked, and his eternal eyes saw not only a clear understanding that he is a genius, but the consciousness that every genius inadequate human reality. Dan looked into his eyes. It seemed awkward for the portrait, here in this cozy eighteenth-century drawing room, to proclaim the truth that such a setting was designed to deny. The highest nobility of this art, the plebeian simplicity of this sadness ... the immortal, sullen old Dutchman... the deepest inner solitude, exposed to the public ... the date under the frame, but-an indelible presence, a realness, in spite of time, fashion, language of communication... a swollen face, old eyes in reddened lids-and the unquenchable vision of a seer. There was only one comfort in the old Dutchman's pitiless, distant eyes. In the end, it is not a matter of skill, knowledge, or intelligence; it is not a matter of luck or bad luck; but in preferring feeling and learning to feel" [8]. This ekphrasis manifests Daniel's finding of the truth of being, simple but priceless, his dissolving into the world around him through love for Jane.

Thus, these ekphrasis represent the core emotional and psychological components of the ideological structure of Fowles' novels – the study of the character's inner world, the dialectic of his soul, and the hero's search for himself. They organize the artistic space of the text, become the most important elements of the composition, illustrate the most important communicative function of art, manifesting the ethical and aesthetic position of the author.

References:

1. **Ильин, И.П.** Постструктурализм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 252 с. – Текст: непосредственный.
2. *Schroter, J.* Discourses and Models of Intermediary (2011). Comparative Literature and Culture. Vol. 13. 3. – URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss3/3> (date of request: 03.03.2020).
3. **Рубинс, М.** Пластическая радость красоты. Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция: пособие для студентов вузов, преподавателей школ и колледжей / М. Рубинс. – СПб.: Академический проект, 2003. – 354 с. – Текст: непосредственный.
4. **Лобкова, Н.В.** Взаимодействие языков искусств в творчестве Джона Фаулза / Н.В. Лобкова – URL:

- <https://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-yazykov-iskusstv-v-tvorchestve-dzhona-faulza> (дата обращения: 03.03.2020). – Текст: электронный.
5. **Яценко, Е.В.** Образы визуальных искусств в творчестве Джона Фаулза (на материале романа «Волхв»): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е.В. Яценко. – Москва, 2006. – 248 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/obrazy-vizualnykh-iskusstv-v-tvorchestve-dzhona-faulza-na-materiale-romana-volkhv> (дата обращения: 03.03.2020). – Текст: электронный.
6. **Яценко, Е.В.** «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель / Е.В. Яценко // Вопросы философии – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=427&Itemid=52 (дата обращения: 03.03.2020). – Текст: электронный.
7. **Фаулз, Дж.** Маг / Дж. Фаулз. – URL: <https://libreed.ru/volxv.html> (дата обращения: 03.03.2020). – Текст: электронный.
8. **Фаулз, Дж.** Дэниел Мартин / Дж. Фаулз – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=8587&p=1> (дата обращения: 03.03.2020). – Текст: электронный.

Ю.Г. Бабичева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Л.В. Христоробова,
старший преподаватель
кафедры русского языка и литературы
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск),
заместитель директора
МБОУ «Гимназия №1» (г. Бийск)

THE MYTHOLOGEME OF THE ROAD IN V. SHUKSHIN'S STORIES

In the XX-XXI centuries the concept of myth and the problem of its reception are actualized in the world and national philological science. In this regard, within the framework of literary studies, it becomes important to study literary texts more detailed and in different aspects in the light of their correlation with myth [1: 200]. E.M. Meletinsky in the fundamental work "Poetics of myth" noted "conscious appeal to the mythology of writers of the XX century usually as an instrument of artistic organization of material and a means of expressing certain "eternal" psychological principles or at least persistent national cultural models" [2: 405].

In the literature of the XX century, the appeal to mythology is especially bright and original, in our opinion, in the work of village writers. Village prose is ontological in its foundation: artists address the entire array of "eternal" questions,

trying to unravel the mystery of the human being. It sounds both nostalgic melancholy, and sad, and at the same time refreshing melody of touching the "sources".

A special place in the number of representatives of village prose is occupied by Vasily Makarovich Shukshin. His original work attracts a huge number of readers not only in our country, but also abroad. The aesthetics of V. Shukshin's prose vividly presents the so-called "landmarks of the hero's life path", which are primarily associated with the archetype of the Village and its components. One of the most important, in our opinion, elements of the writer's artistic world is the mythologeme of the Road.

In the light of mythopoetic ideas, the Road is a symbol of search, wandering, and memories. The road and the path are synonymous: the road is real and short, the path is often abstract and long. The road corresponds to the path of life, the travelling of the soul to the other world. The symbolism of the road is most evident in the places where two roads intersect on the border of the village, at the intersection of the road gate and at other borders, which is a universal marker of "threshold" as a sign element of existence. Three roads symbolize the Trinity of life's path: the first road is the knowledge of the experience and wisdom of the ancestors, the second is the personification of earthly strength, hard work; the third aims to respect customs, their parents and, in the end, to respect their people.

In V. M. Shukshin's story "Ignakha has arrived", the mythologem of the Road plays an important role: it leads the main character Ignatij Baykalov to his native village, to his parents, to the origins. After a long way, he finds himself at home. "Big, handsome, in a black suit of Polish crepe. He kicked open the gate with a suitcase in each hand, stopped, looked around the parents' yard, and shouted cheerfully: "Great, relatives!" [3: 45]. The Old Baykalovs were waiting for their son to visit, but after his arrival, the father realized that the long-awaited meeting, which promised to be a great holiday for the whole family, was a disappointment. Ignatius refused to work on the land, became a wrestler in the circus. In the city, he had a good apartment, had friends, money, a beautiful wife... the Father did not recognize his son, thought that the city had changed him very much, and the village traditions were safely forgotten by him. The final, key scene in the story is the way of the father and sons to the river Katun and return along the village road back home. Walking along the road, the father was sad and silent about something, most likely, he was hurt and offended, because his eldest son Ignatius, having flown out of his native nest, turned into a man arrogant and even rude, his native village became for him only a place to rest and strengthen physical strength. And now there is nothing to talk about with the son, he has a different vision of the world-urban. "My son didn't come like this. What's wrong with it? The son as son, he brought gifts for us. And yet something is wrong.

— What's he doing?" Ignatius was seriously disturbed by his father's mood.

— So ... I've been waiting for you for a long time." It will pass now. You can sing a song with him. Vaska smiled.

"What song?" I've forgotten them all. Do you sing songs with him?

— I'm just joking. I don't know what he will..." [3: 47].

The road in the story serves as an emblem of the spiritual separation of native people, a symbolic place for resolving painful eternal questions, frustration, because, despite the fact that Ignatius and his father walked along the same road together, their spiritual ways were radically different, the son did not change for the better and did not understand that he was spiritually impoverished, and the father, who lived all his life in the village, with unshakable harmony inside, understood that the gap between him and his son became huge, insurmountable.

It is no coincidence that the way of the Baykalovs to the river runs in the story "gardens along a winding, barely noticeable path in the lush potato tops", which emphasizes the spiritual "overgrowth" of the relationship between father and son.

In another story included in the collection "Rural People", "Snake Poison", the mythologeme of the Road has a slightly different connotation: the road here is not a place of memories, reflections, and disappointments. In this work, the mythologeme acts as an emblem of the search with obstacles, necessary for the hero to pass all the trials and help his most loved person to be freed from terrible physical pain.

Maxim Volokitin received a letter from his mother at the hostel. "Son, I'm sick. Broke the entire back and leg to the back of the head leads-sciatica, such a bastard. They advised me to use snake poison here, but we don't have any. Go to the drugstores, son, and see if you have any. I scream-it hurts. Walk it off, son, do not be lazy" [3: 49]. The hero went in search of a miracle drug from one pharmacy to another and so on for days, listening along the way to the rudeness of the sellers, the unwillingness of strangers to help the trouble.

The road in the story is a symbol of life's trial, which does not frighten the hero, but, on the contrary, strengthens his fortitude and character. The road is the way of growing up and moral education. The rural guy does not give up, overcomes obstacles and helps a native person to survive the disease.

The third and final story in the collection, "Styopka", tells the story of a guy who returned home from prison. In the spring "on a thoughtful good evening, passing the highway, Stepan Voevodin came to his native village. He came from the side where there were fewer courtyards, sat on the slope, warmed by the day's sun, and sighed. And he looked at the village. He must have walked a lot during the day and was very tired"[3: 52]. He came home, met his father Yermolai at the barn, and they both were happy to meet, sitting on the bench, talking about the house and about Stepan's years in prison. However, the holiday ended quickly: soon he was again arrested by a local police officer. It turned out that the country boy had escaped from prison without serving his time, although he had only three months left. "Stepan walked with his hands in his trousers pockets, recognizing in the gloom the familiar huts, gates, and spinning wheels...Inhaling the chill familiar from childhood, smiling thoughtfully...Huh? What? Why did you do that? Run away? And here - to walk once... "

In the last story, through the mythologem of the Road, the motive of returning to the starting point is realized: in the beginning of the story, the road leads the hero home, to his native places, and at the end – again returns to prison. Here, the

road is a way of wandering, which calls you to go forward in life, but in fact it turns out that it throws you two steps back, into a hopeless prison cell.

Thus, in the stories we analyzed by V. M. Shukshin, the mythologem of the Road appears in three versions: the road – disappointment, the road – trial, and the road – wandering. Each of them is realized in the text in its own way, but it is through the image of the Road that the characters – their thoughts and feelings – are revealed. The mythologeme of the Road helps to track the life way of young rural boys and understand whether they can preserve their spiritual world in its pristine beauty, improve it, enrich it, or still stumble, forget their roots, become arrogant and betray not only their loved ones, but also themselves. In addition, it is important to emphasize that Shukshin's model of the mythologeme of the Road is semantically more complex than the traditional one, since it implements a number of ideologically significant creative tasks in the system of the writer's unique artistic world.

References:

1. **Руднев, В.П.** Словарь культуры 20 века / В.П. Руднев. – Москва, 1997. – 450 с. – Текст: непосредственный.
2. **Мелетинский, Е.М.** Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – 3-е изд. доп. – М.: Вост. литература, 2000. – 407 с. – Текст: непосредственный.
3. **Шукшин, В.М.** Полное собрание сочинений в одном томе / litmir.me [сайт] – URL: https://www.litmir.me/br/?b=198334&p=1#section_1 (дата обращения: 23.03.2020). – Текст: электронный.

В.Г. Федорова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Ю.Г. Бабичева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

THE IDEA OF BEAUTY IN PORTRAIT DESCRIPTIONS OF I.A. GONCHAROV'S WORKS

Reflections on beauty, on the difference between its manifestations and the power of influence on a person find their expression in all Goncharov's works. The writer embodied various types of beauty in his works, and used almost all artistic methods to depict them: classicism, sentimentalism, romanticism, and, of course, realism.

In "Ordinary story" the author relies on traditional romantic means in the image of Yulia Tafaeva and Nadya Lubezky. We can see pallor, thoughtfulness and

exaltation in Julia's portrait: "the features of the face are tender, thin, look gentle and always thoughtful, sometimes sad – for no reason or, if you want, because of the nerve" [1: I: 218]. But the destruction of the romantic tradition by irony is also noticeable. The description of Nadenka also contains romantic clichés, such as: "the eyes will throw lightning", "like a marble statue", "the gentle radiance of the eyes as if the moon slowly floated out from behind the clouds". However, in general, this portrait is based on the rejection of stereotypical canons of beauty. Here grace is preferred over the beauty of the face and figure forms: "She was not beautiful and did not attract instant attention. But if someone looked closely at her features, they did not take their eyes off her for a long time..." [1: I: 115].

The gallery of female images of the writer, according to his own remark, goes back to Pushkin's Olga and Tatiana. And in this case, we can see a roll call with the portrait of the latter in the eighth Chapter of "Eugene Onegin", where Tatiana with the artlessness and elegance of her appearance ("No one could call her beautiful") compared "with the brilliant Nina Voronskaya, / This Cleopatra of the Neva", which "could not eclipse the neighbor, / Though it was dazzling".

In the tone of the portrait of Nadenka, the author's arguments about the nature of the beauty of St. Petersburg ladies sound in the epilogue of the novel: "No, it is not plastic beauty that should be sought in Northern beauties <...> For the incisor, this brilliance of thought in the features of their faces, this struggle of will with passion, the play of movements of the soul that are not expressed in language... all these fleeting lightning bursts from the concentric soul..." [1: I: 322].

A remark about the mystery of the charm of beauty, in which there is no correctness of features, is found in Goncharov's travel essays "The frigate Pallada": "Did you happen (Yes, as it did not happen to the poet!) suddenly to see a woman whose beauty and grace have been buzzing in your ears for a long time, and find nothing striking about her? "What's so special about it? – you say, looking at a woman with surprise – she is simple, modest, no different..." you Look at her for a long time, for a long time, and suddenly you feel that you already love her passionately!" [1: II: 129].

Everywhere, from England to Japan and Siberia, looking at a new ethnic type, Goncharov, first of all, characterizes it from an aesthetic point of view: "What a picturesque people the Indians are and what a non-picturesque people the Chinese are! The former are slender, loose, and free in their movements; their gait and facial expressions have a certain solemn importance, laziness, and grace. < ... > The Chinese are lighter than the Indians, who are all dark chocolate color, while those are just dark ... Wrinkles and the absence of a mustache and beard make them look extremely like old women. Nothing manly, cheerful" [1: II: 266].

In England, the author notes the beauty of the general mass, the correspondence of the beauty of women and men; in the Lycaean Islands, he is appalled at the ugliness of the former and admires the attractiveness of the latter: "my God, what an outrage! And these are women: mothers, wives! Who would marry them? Men are beautiful, slender: any of them is suitable for Menalki, and their Chloys are not like anything!.." [1: III: 194-195]; in Manila, the opposite is observed: "Tagalogs

are not good: their faces are mostly flat, oval, their nose is quite wide, their eyes are small, and their skin color is not purely dark. < ... > Women, that is, tagalkas, are much better than men: their faces are more regular, their eyes look more lively, their features are more intelligent, sly, and playful, as they should be" [1: III: 232-233].

In addition to ethnic, Goncharov also gives individual portraits, in the mass of typical faces he distinguishes distinctive features, "in his "Essays" before the reader a whole string of living human images passes, with an individual character, genuine originality of the general appearance, with the seal of personality" [3: 66]. And here, first of all, the writer pays attention to the aesthetically impressive, whether it is ugliness or beauty: "there are only old people and old women, and how ugly! One particularly struck us with her ugliness; she was crossing the street and could not straighten out of old age. She was about ninety years old. Bald, with small remnants of gray tufts" [1: II: 116]; "By the way, our attention was struck by a young man's appearance. <...> In fact, he had a thin, delicate, matte skin color, blue eyes, with a trembling moisture of thoughtfulness, curls soft as flax, light, gracefully curling and overshadowing a delicate face..." [1 II: 276].

The idea of beauty can also be traced in the portrait descriptions in "Oblo-mov". As in the case of the portrait of Nadenka, in the description of Olga Ilyinskaya, Goncharov rejects popular literary cliches, conventional beauty, showing a variety of forms of beauty. The beauty of the heroine – not only in the harmony of forms, but also in the depth, richness, complexity of emotional life, reflected in her portraits: "the nose formed a slightly convex, graceful line; the lips were thin and compressed most of the time: it was a sign of continuously focused on something thoughts. The same presence of speaking thought shone in the sharp, always alert, never missing anything gaze of dark, gray-blue eyes. The eyebrows gave a special beauty to the eyes: they were not arched, they did not round the eyes with two thin, finger-plucked threads. No, they were two light-brown, fluffy, almost straight strips that rarely lay symmetrically: one line higher than the other, this caused a small crease above the brow, which seemed to say something, as if a thought rested there" [1: IV: 195-196].

The portrait of Olga Ilyinskaya is also made not without regard for Pushkin's portrait art. This portrait is not just unconventional. It is polemical. Portrait of Tatiana Larina given by Pushkin with a touch of controversy too. V. Melnik writes: "The poet teaches us to distinguish the real from the imaginary beauty, the inner from the outer, the eternal from the past. This is where Goncharov and Pushkin come together" [3: 12]. In the portrait of Olga Ilyinskaya there are undoubtedly features of Pushkin's Tatiana. The portrait of Olga begins with a denial, as in Pushkin's novel: "Olga in the strict sense of the word was not beautiful." The scheme of the portrait is the same as that of Pushkin: "That is, there was no whiteness in it, no bright color of the cheeks and lips, and the eyes did not burn with rays of internal fire; there were no corals on the lips, no pearls in the mouth, no miniaturized hands with fingers in the form of grapes" [1: IV: 195]. All these are standard romantic signs of female beauty, and they are denied by Goncharov, leading a great argu-

ment in the novel, a dispute that is not limited to one female theme, but reaches the understanding of the concepts of beauty and harmony of human life in general. The further the negative portrait characterization goes, the more obvious it is for the reader that Goncharov, like Pushkin, parodies the romantic stamp. But at the same time, this is a different type of woman than Pushkin's one. Goncharov focuses on the idea of classical, antique beauty. Pushkin's Tatiana is Russian lady village. "Tatiana has Russian soul", the poet says about her, and this is what he values in her above all else. Goncharov's woman is different. Olga is depicted mainly by means of sculpture, plastically: "But if she were turned into a statue, she would be a statue of grace and harmony" [1: IV: 195]. The portrait of Olga reflects Goncharov's penchant for the ideal of classical antique beauty expressed in sculpture, which, according to the observations of researchers (V. Melnik, O. Postnov, E. Krasnoshchekova), is associated with the influence on the writer of Winkelman's books on the history of ancient art [3, 4, 5]

The novel "Precipice" presents all the most common types of beauty in literature: classical antique – Sofia Belovodova, who has impeccable forms, and Ulenka Kozlova with her "pure Roman profile"; sentimental Marfenka, in whose portrait Goncharov notes "... large dark-gray eyes, round healthy cheeks, white close teeth, light-brown hair, twice folded on the head, and a fully developed chest, relief cast in a thin white blouse" [1: V: 155-156]; romantic Vera, whose charm is not immediately expressed, and the entire impression of the appearance is reduced to the word "mystery": "...a girl of twenty-two, maybe three... A white, even pale, face, dark hair, velvety black eyes and long lashes – these are all that caught his eyes and blinded him" [1: V: 288].

Having paid homage to each of the types, the artist Raisky creates an ideal of meaningful, soulful beauty, full of life, love, and grace. To a greater extent than plastic forms, Raisky is attracted by inspired beauty, which, in addition to love, can awaken art, nature, in a word, everything aesthetically beautiful. While playing the violin, Raisky's schoolmate Vasyukov transforms: "Vasyukov is not present, someone else has appeared. His pupils dilate, his eyes do not blink any more, but everything becomes more transparent, lighter, deeper and looks proud, intelligent, his chest breathes slowly and heavily. On the face bliss and happiness wander, the skin becomes softer, the eyes turn blue and pour the rays: he became beautiful" [1: V: 55]. Boris Raisky recalled how his mother took him to the Volga and "he sat for hours looking into the distance...", "how her eyes were transparent, deep, good ..." just like Vasyukov's eyes" [1: V: 56]. And we can say the same about ugly Leonty Kozlov: "... life in his eyes suddenly appeared, and these eyes were intelligent, animated" [1: V: 195], when he plunged into the world of the ancients, dear to his heart.

The idea of searching for beauty, searching for an ideal, is one of the idea that unites all the portrait descriptions in the writer's works and is connected with Goncharov's worldview on the harmonization of the heart and mind, external and internal, ethics and aesthetics.

References:

1. **Гончаров, И.А.** Собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. С.И. Машинского, В.А. Недзвецкого, и К.И. Тюнькина; Вступ. ст. К.И. Тюнькина. – М.: Худож. лит., 1977-1980. – Т. 1-8. – Текст: непосредственный.
2. **Энгельгардт, Б.М.** «Путешествие вокруг света И. Обломова»: Главы из неизданной монографии / Б.М. Энгельгардт / Вступ. ст. и публ. Т.И. Орнатской // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. – 735 с. – С. 15-73. – Текст: непосредственный.
3. **Мельник, В.И.** «И только он один...» Пушкинские традиции в романе И.А. Гончарова «Обломов» / В.И. Мельник // Литература в школе. – 2007. – № 9. – С. 12-16. – Текст: непосредственный.
4. **Краснощекова, Е. И.А.** Гончаров: Мир творчества / Е. Краснощекова. – СПб.: Пушкинский фонд, 1997. – 492 с. – Текст: непосредственный.
5. **Постнов, О.Г.** Эстетика Гончарова / О.Г. Постнов. – Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 240 с. – Текст: непосредственный.

СТРАНОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

А.М. Кубарич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
О.Б. Ющенко,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

汉语称谓语中的男尊女卑现象

称谓语是人们在日常交往之中所采用的彼此之间的称呼语，是语义系统中必不可少的部分。它能反映出这个社会，一个民族以至一个家庭的历史文化状况及其深刻的文化内涵。汉语中男女称谓语的差别和男女称谓词在语义上不对等性表明汉语称谓语中存在着一定的性别歧视。本文旨在从称谓的角度来分析汉语语言中所表现出的语言性别歧视，并探讨该现象的生成原因。

称谓是特定文化的产物，是人际关系的文化符号。不同的社会的文化制度、文化风貌和文化心态，是称谓词包含不同的语义内容。在人类社会

称谓系统是一个极其庞大的语言文化系统，是人际关系的文化符号，在人类社会生活中始终发扬着极为重要的作用。任何民族，任何文化都具有其特定的称谓系统，而称谓词往往反映出这个社会，一个民族以至一个家庭的历史文化状况及其深刻的文化内涵[1, c. 15]。

男性和女性在社会文化中所扮演的角色，既是文化现象又是语言现象。称谓系统是依附于语言的特殊系统，男女两性角色身份、社会地位在任何语言中均有体现。因此，称谓不仅反映性别差异，而且可能包含性别歧视的因素。本文将从汉语称谓语的角度来探讨汉语语言使用中所表现出来的性别歧视，并从其文化角度探讨造成这一现象的根源所在。

一、语言性别歧视

语言性别歧视可以界定为：不论男女任何一方，一性别对他性别在语言使用上表现出的一种偏见和态度。社会语言学家认为，不同文化中普遍存在各种语言性别歧视现象，它不仅仅是一种符号表达，而且是一种政治化语言，一种文化定型，一种权势观念，一种话语结构，一种社会心态，一种认知模式在语言系统中的反映。一般而言，不同的语言中，都存在着姓氏称谓上的性别歧视现象，汉语也不例外[2]。在汉语称谓语中，女性往往处于性别歧视的对象，因而汉语的称谓语中表现出一种男尊女卑的现象[3]。

二、称谓的不对等所反映的性别歧视

1. 姓名称谓中的性别歧视

在男性为中心的旧时社会里，女性在婚后需要按照男方的姓称其为“某太太”即可。而此后女性自己的姓氏和名就逐渐被人忽略，甚至忘记。另外，即使在男方死去，女方仍然保留着男方的姓氏。因而可以看出女性在社会中的地位是极其低下的。在建国以后，虽然男女之间的平等的观念开始出现，“太太”一词被扫进了垃圾堆，“某太太”之类的称谓自然也就没有了。但是，人们发现扫除“太太”给称谓带来了不便，似乎总能遇到称呼难这种尴尬的场面。即使在现当代社会中，情况也是如此。造成这种称呼尴尬的主要原因在

于，婚后女性的身份和地位是靠其丈夫来定位的，具有女人离不开男人的意思。对女子来说，一旦结了婚，她们的黄金时代就过去了，这个社会似乎可以不必称呼她们了。如果要男女平等的话，女性的丈夫可否按照妻子的姓称呼其为“某先生”呢[4]？从现在社会上惯用的称呼语中，至少可以肯定这种是很少见的。

2. 亲属称谓语中的性别歧视

汉语亲属称谓中最明显的特征就是称谓要表明尊卑辈分、长幼顺序、姻亲血亲，不仅需要区分父系母系亲属，而且还有直系旁系之别。在汉语的亲属称谓中，也能找到性别歧视现象。在父系亲属中，通常是以年龄是否大于父亲而区分伯、叔，有的地方甚至按这些男性的年龄分出伯、爹、大、叔等等。而在母系亲属中，对于母亲有关者却不以这种同样的方式来区分，无论是母亲的哥哥还是弟弟都称为“舅舅”[4]。如果要区分，不管是否大于母亲，一概冠之以表示顺序的“大、二、小”等。另一方面，同样是父系的血亲，对父亲的姐姐和妹妹也不加区分，都以“姑姑”来称呼，这当然，对母亲的姐姐和妹妹更是如此。为什么在对男性亲属的称谓上比女性的更复杂？恐怕这也反映出汉语称谓语中这种男尊女卑的现象。

3. 社会称谓语中的性别歧视

在一些并列结构的称谓中，如“夫妻”、“男女”、“兄妹”、“子女”，女性是绝对不可以排在前面的，如果说“女男”、“妻夫”则不伦不类，说“女子”则单独指女性，把“子”虚化掉了。另外，在汉语社会称谓语中，性别歧视表现最为突出的就是女性社会称谓语的缺位。

从对女性和女性宿舍管理员、食堂工作人员和陌生人的称谓语中也能发现这种性别歧视。人们在大多数情况下使用拟亲属称谓语。在对女性人员的时候，“阿姨”这个称谓是用的最多的，似乎任何有点年纪的女性都可适用，连老师的妻子往往也可能被称为“阿姨”[5]。但是，对于那些年轻的女性而言，这个称呼肯定是让她们不太高兴的。“小姐”在汉语社会里，人们通常对老师

或师傅的妻子尊称为“师母”。但是，如果老师或师傅是女的就无法称呼了。几乎不会听到一个人称女老师或师傅的丈夫为“师父”，尽管“父”是“母”的相对词。为什么有“老师”、“师傅”，有“师母”，而没有对女老师、女师傅的丈夫的相应称谓呢？这显然与我们的社会文化传统有关。在过去，当“老师”、“师傅”的是男性，而女的只能操持家务，只能当“师母”。

4. 职衔称谓中的性别歧视

在正式场合宣布名单时，女同志名字后面总要加括号注明女，而男同志则无此“殊荣”，也就是不特别说明，则肯定是男的。再如，女医生、女作家、女强人、女部长等等，前面冠以一“女”字明显地把性别因素放在首位，而男性则没有这个必要，因为人们的潜意识中形成一种默认，那就是只有男性才能很好的胜任这些工作，如果女性特别突出，则只好注明了。

在知识界中，对于德高望重的女教授学者为什么要用“先生”称呼而不用“女士”之类呢？而且女学者、女教授们也是乐意被称为“先生”而不喜欢人们称呼她为“女士”，她们为什么不乐意在学术同行的面前特别标明自己的性别特征呢？但同样资格的男学者则毫不感觉“先生”有何不妥，也根本不会想，用“女士”称呼他的效果是如何的。可见，这种称谓中的性别差异即使在最高层的知识分子中也是普遍存在的。

三、汉语称谓词语语义不对称所含的性别歧视

1. “先生”与“小姐”

这两个社会称谓目前比较流行。不少人似乎觉得“先生”是与“小姐”相对的，其实不然。一位对汉语颇精通的外国人在去商店买东西时遇到了称谓问题：男的可以称“先生”，年轻女的可以叫“小姐”，但是那些年龄大的女营业员呢？这个问题反映出我们的社会中一些称谓的缺位现象。与此同时，也不难发现，“先生”与“小姐”这对相应的泛尊称，其实在使用上带有不同的感情色彩。

“先生”有不少的义项，目前比较流行的有三：（1）对男性的泛称；（2）知识界对有一定学术水平者的尊称；（3）丈夫[6]。由于“先生”一词可以作为男性的泛称，所以在“大社会”中对男性的称谓困难不大。

“小姐”却不然。其最早是指贵族家的女子，最典型的例子是小说《红楼梦》，里由此可以看出，我们的社会传统是以男性为中心的，所以有男性的大社会泛称，而没有女性的。曾经与“小姐”一词“同生死、共命运”的“先生”这个称谓，却没有遭受到这种社会语义上遭贬的厄运。

2. “他”与“她”

古代汉语中，用于表示三身代词单数之义的语言形式不少，但是，却没有一个单独用来指代女性的。男性的“他”，可以指代男性和女性，表现出一种阳性包含阴性的非互换性权势关系，有明显的“无视一性别存在、凸显另一性别”的性别歧视倾向性。

这种现象延续了几千年的时间，一直到了半个多世纪以前，随着中国的新文化运动，情况才略有改观。当时为了翻译的需要，新文化运动的一员，刘半农先生从古汉语三身代词的异体字中拈出了一个“她”字，并赋予它新的词义，以补汉语代词系统在这方面的不足。虽然他的这个创举逐步得到了大家的认可和采用，在书面语里有了阴性阳性的区分，但是“他她”二字却由于发音相同，我们仍然无法在口语中明确区分所指对象的性别。

四、称谓语中性别歧视的原因

1. “父权主义”文化定型思维模式的直接反应

汉语社会中，因受千百年来封建父权主义的影响，人们对于妇女的价值和地位产生了一种偏见，最终成为一种思维定式和文化定型而进入社会成员的价值体系。因此，称谓语中所反映出的“男尊女卑”现象，是一个根深蒂固的社会定型意识的反映，是千百年来父权观点或大男子主义的结果，也是妇女长期以来所遭受不平等待遇的直接表现[6]。

2. 权势因素

众所周知，由于一定的社会历史原因，男性在社会生活中居于主导地位，从而形成一个“强势”社会群体，而女性处于从属地位，从而形成一个“弱势”社会群体。“权势”问题成了男女在言语交际中性别差异的体现，是产生不平等状况的根本原因之一。汉语社会中，“等级”思想在男女称谓中可以得到充分的反映，哪种性别有权势，那种性别的称谓语就处于优势地位[7]。因而，对于女子一方来说，多半带有贬损女性的社会底蕴；对于男子一方来说，则显得宽容大度。例如，汉语中的“单身汉”与“老姑娘”就具有语义褒贬之别。

3. 社会身份

我们每个人都生活在中国社会中，经常以不同的身份出现，总是承担着不同的角色。长期以来，由于在政治经济上始终属于一个弱势社会群体，妇女在文化教育领域所处的地位和在社会中所扮演的角色，很难与男性为主的权势群体抗衡。在婚姻家庭中，人们不仅把男性看作是家庭的经济支柱，男性还具有通过一定的职业活动为整个家庭带来特定社会地位的责任。而女性往往被定位在料理家庭，照看孩子的角色上。女人的职责就是做一个好妻子和好母亲，创造家庭舒适是妇女对社会的最大贡献。可见，无论是社会地位，还是家庭地位，女性都是低于男性的。这种角色关系不可避免地反映到称谓语中来，称谓语中便产生了对女性的歧视。

称谓语是民族文化的重要组成部分，在某种程度上反映着一个民族的文化制度、文化风貌和文化心态。汉语称谓语中的性别歧视现象是一种客观存在，这种倾向性在很大程度上体现了我国传统以伦理为主的社会文化系统。女性称谓词的涵义直接显示女性地位的低下，许多女性称谓词不具有和对应的男性称谓词完全对等的涵义[1]。相比而言，男性称谓词的内涵意义往往是积极的，肯定的，大多数保持中性或褒义色彩。而女性称谓词的内涵意义往往是消极的，歧视诋毁色彩比较明显，反映出世俗对女性的偏见和歧视。封建时代虽然早已结束，但是男女社会地位的不平等，重男轻女、男尊女卑的现象依然通过语言表现出来，一方面体现了语言的继承性，另一方面也体现

了传统文化、思维定势的稳固性和生命力。汉语称谓语由于男女在社会地位、社会作用以及生理特点上的差异而表现出很强的性别歧视性，如何消除这种性别歧视所带来的语言畸形现象是值得进一步研究和解决的。

References:

1. 戴庆夏. 社会语言学概论 / 庆夏戴. 北京: 商务印书馆, 2004. 138 p.
2. 杨永林. 社会语言学研究; 功能·称谓·性别篇[EB/OL]. <https://max.book118.com/html/2018/1119/6214121220001231.shtm> 日期 17.04.2020
3. *Trudgill, P* (2017). Sociolinguistics: an introduction to language and society [EB/OL]. https://kupdf.net/download/peter-trudgill-sociolinguistics-an-introduction-to-language-and-society_5af61f5fe2b6f5af7a3c6b95_pdf 日期 15.04.2020
4. 陈原. 社会语言学[EB/OL]. <https://max.book118.com/html/2017/0604/111568690.shtm> 日期12.04.2020
5. 游汝杰, 邹嘉彦. 社会语言学教程[EB/OL]. <https://max.book118.com/html/2018/0510/165808877.shtm> 日期 17.04.2020
6. 徐丽华. 试论称谓语中的性别歧视[EB/OL]. [/https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=ff30517d575d84ca51b7712d7996c411&site=xueshu_se](https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=ff30517d575d84ca51b7712d7996c411&site=xueshu_se) 日期14.04.2020
7. 张晓勤, 鲁本芹. “小姐”称谓的社会认知度和使用度考察[EB/OL]. https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=bad0e912a79b5504818d2da55f65d7c0&site=xueshu_se 日期17.04.2020

М.В. Ступкина,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков;
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
А.М. Кубарич,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков;
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Е.С. Яковлева,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск),
учитель иностранного языка
МБОУ «Гимназия №2» (г. Бийск)

秦汉王朝“大一统”

公元前221年，秦始皇统一了中国的中原地区，建立了秦王朝。这一王朝与一百多年后欧洲出现的罗马帝国大相径庭，这是一个内向统一的王朝，而非外向扩张的帝国。秦王朝针对战国时期“田畴异亩、车涂异轨、律令异法、衣冠异制、言语异声、文字异形”的社会异质性，实行了一系列社会整合整合的制度和政策，如“书同文”“车同轨”、统一度量衡、制定统一的国家律法等，开启了中国统一的国家历史，加速了中原地区华夏群体的整合整合，其中文字的统一对中国社会产生的影响尤为深刻。从古至今，构成中国人口主体的汉族（Han）就是在此基础上形成的 [1]。

然而，通过对外军事征服建立的罗马帝国，虽然先后建立了数以百计的行省，但是它“摧毁所有的城邦制度，同时又不设立任何的组织。它取消各处的制度，却又不给当地带去制度。他们甚至没有想过为当地人创立可用的新制度。罗马没有用于帝国全体民众的宪法，也没有订立一些固定的条例来治理他们” [2: 317]

秦王朝奠定的皇权统治制度，为其后继者汉代所承袭、发展和完善，成为中国封建王朝传承的稳定国家制度体系。而罗马帝国崩解之后，虽然留下众多的露天剧院、引水渠、凯旋门、罗马柱等物化标志，但是却没有直接的王朝继承者，从东、西罗马帝国到神圣罗马帝国，不过是欧洲列强竞争中交相攀附的“罗马化”标签，罗马帝国治下的臣民没有整合整合为一个“罗马民族”。

秦王朝统一中国及其对社会的一体化统治，对形成中国的主体文化产生了重大作用。对这种文化主体性特别是以儒家学说为核心的政治文化的认同认同、传承和维护，成为中国王朝继承的合法性标志。在这一历史过程中，周边的“四夷”“四夷”所包含的各类群体，也经历着从氏族、部落到民族

共同体的整合过程，并在中原农业文明的扩散性影响下，在经济文化生活的互动中，不断融入农业社会、融入汉族之中，这一现象历朝历代从未中断。中国的传统文化产生了在礼教、制度、政令、法律统一条件下包容多样包容多样性的观念。

秦王朝是建立在农业文明基础上的皇权至上封建王朝，它开启了中国“大一统大一统”的国家历程。几乎与此同时，公元前209年，北狄北狄之属的匈奴以冒顿为单于，统一了北方草原各个游牧部落，建立了草原帝国。自此以后，中国北方游牧民族与中原农业民族之间的互动关系，成为中国封建王朝兴衰嬗替进程中最重要因素。农业社会对役畜（牛、马、骆驼）和皮革、羊毛、肉食等畜牧业产品的需求，游牧社会对铁器、布帛、粮食和手工业产品的渴望，使这两种文明之间形成了经济、社会发展相互依存的互补关系，尽管这种互补关系往往伴随着战争的形式，但这是那个时代必然的特征。秦朝及其后继者大规模地修筑长城，目的就是防御北方游牧民族的侵扰。

中国的万里长城，作为世界文明的奇迹几乎无人不晓。这条源自春秋战国、完善于秦汉时期、延续到明代修建的防御工事，横贯中国北方、蜿蜒万里、历经岁月沧桑。在国外对中国历史的研究中，存在所谓“长城之外非中国”的观点，这种以现代国家的边界观念去认识古代中国历史疆域的看法，是对中国形成统一的多民族国家的误解。其实，差不多与中国秦汉长城同一时代，欧洲也出现了防御蛮族侵袭的哈德良长城、上日耳曼—雷蒂安边墙。不过，在欧洲史的研究中不会有人把这些古代军事设防与现代意大利或者英国、德国的领土边界混为一谈。这些罗马帝国扩张时期的军事防御设施，随着帝国的崩解而留在了异国他乡。中国的长城，随着北方游牧民族入主中原而永存于中国。这就是中国不同于其他国家的史证之一。

中国的国家形成过程，是一个以中原地区农业社会为中心、周边“四夷”“四夷”不断融入的过程。所谓周边“四夷”“四夷”的“内附”之说，就是一个内向吸引、凝聚的过程。所以，西方世界对中国的认识，也是建立在经济贸易和文化交流基础之上，而非穷兵黩武、对外扩张的声威。公元1世纪的中国东汉时期，从中国古都长安（今西安）起步的“丝绸之路”（Silk Road），成为最早连接东方和西方的经济文化纽带。当时，希腊人克劳狄斯·托勒密（Claudius Ptolemaeus）所撰《地理书》中的东方秦尼国（Sinae）、赛里斯国（Serice），就是指中国之地。汉朝是中国封建王朝体制趋于完善、定型的时代，它最终消除了北方匈奴游牧帝国的长期挑战，匈奴南北分裂，南匈奴归附汉朝，内徙汉地，逐步融合于汉族之中；北匈奴遁走西方，推动了欧亚草原的民族大迁徙。有人认为，公元5世纪出现在东、西罗马城下的“上帝之鞭”——阿提拉（Attila）所统领的匈人（Hun），属于西迁匈奴的后裔。

汉朝之后的中国，经历了几个世纪的群雄争霸，除了举世闻名的“三国演义”外，魏晋南北朝的“六朝”格局伴随着五胡十六国，掀起了争夺中国

王朝权力的大动荡，揭开了中国“五方之民五方之民”新一轮激烈互动“争天下”的历史。越过长城、内徙中原的北狄北狄、西戎西戎等族系的游牧民族，竞相打出汉室宗亲的旗号，加入了争夺天下统一的行列。作为北方游牧帝国的继承者，鲜卑人占据了匈奴留下的空旷草原，进而统治了中国北方，建立了北魏王朝。避祸南迁的中原汉族士绅、商贾、手工业者和农民，在定都于建康（今南京市）的南朝（宋、齐、梁、陈四朝）统治下，对长江以南的经济、文化和社会发展产生了重大推动作用，其中包括对“五方之民五方之民”南蛮南蛮族系各群体的政治、经济、文化和社会生活影响。

中国南北朝时期，也是欧洲的东、西罗马时代。不过，中国在经历近4个世纪的割据分裂状态后，出现了隋唐的大统一。而在欧洲，西罗马帝国的疆域已经被日耳曼族系的部落所瓜分，如同伏尔泰（Voltaire）的生动描述：

“优美的拉丁语被20种蛮族的土语所取代。……各行省的竞技场、圆形剧场换成了茅屋。”同时，伊比利亚半岛大部陷于摩尔人统治，拜占庭帝国则因伊斯兰哈里发帝国的崛起而丧失了对北非的统治 怕 [3: 308]

References:

1. (汉)许慎.说文解字(R), 中华书局1963年版, 第315页。
2. 许慎.说文解字(R), 中华书局1963年版, 498页。
3. 伏尔泰.风俗论(R)上册, 梁守锵译, 商务印书馆1995年版, 397页。

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

А.Я. Вейберт,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск),
преподаватель иностранных языков
КГБПОУ «Бийский государственный колледж» (г. Бийск);
Е.А. Мошкина,
преподаватель иностранных языков
КГБПОУ «Бийский государственный колледж» (г. Бийск)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ (ОПЫТ КГБПОУ «БИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОЛЛЕДЖ»)

Одной из наиболее приоритетных задач современного образования в условиях модернизации является подготовка молодежи к осознанному про-

фессиональному выбору. Стремительный переход российского общества к новым формам хозяйственной деятельности привел к возрастанию потребности в инициативных, предприимчивых, компетентных и ответственных специалистах. Для успешной реализации профессиональных задач необходим научно обоснованный подход к организации процесса профессиональной ориентации обучающихся [1]. В данном подходе необходимо учитывать специфику профессиональных организаций, изменяющиеся социально-экономические условия, а также индивидуальные особенности каждого, вовлеченного в процесс профориентации.

Гипотеза: управление непрерывным профессиональным образованием школьников будет эффективным, если выделен, теоретически обоснован и экспериментально проверен комплекс организационно-управленческих мер, позволяющих осуществлять развитие профессиональных компетенций лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях.

Данный комплекс мер для КГБПОУ «Бийский государственный колледж» представлен в проекте «Мир профессий БГК».

Цель: разработка, теоретическое обоснование и экспериментальная проверка организационно-управленческих условий формирования системы непрерывной профессиональной ориентации обучающихся в общеобразовательных организациях.

Объект: система профессиональной ориентации как компонент системы непрерывного профессионального развития обучающихся.

Предмет: профориентационное сопровождение обучающихся с учетом особенностей личности и социально-экономической ситуации на рынке труда.

Задачи:

- выделить и теоретически обосновать комплекс организационно-управленческих условий, позволяющих осуществлять профориентационное взаимодействие с образовательным социумом;

- познакомить подростков со специальностями и профессиями Бийского государственного колледжа в живой интерактивной форме, предоставить возможность «примерить» их на себя;

- способствовать формированию навыков самостоятельного выстраивания образовательной и карьерной траектории с учетом перспективности той или иной профессии/специальности и собственных предпочтений;

- способствовать созданию привлекательного образа колледжа в городе, крае, возможностей трудоустройства выпускников на предприятиях города и края;

- способствовать установлению и укреплению постоянных контактов с коллективами школ, а также работодателями и вузами.

Основные целевые группы - подростки в возрасте 15-18 лет, обучающиеся в общеобразовательных организациях г. Бийска, Бийского, Целинного, Троицкого, Смоленского, Советского, Быстроистокского, Петропавловского,

Алтайского и Красногорского районов Алтайского края. Предполагается охват не менее полторатысяч школьников ежегодно.

Ход реализации проекта

- Анализ проблемы.
- Разработка проекта.
- Формирование и обучение кадровых ресурсов.
- Привлечение партнеров для реализации проекта.
- Презентация проекта.
- Апробация проекта (сентябрь 2018 по май 2021 года).
- Проведение PR-кампании в СМИ, включая предоставление информации о проекте на официальном сайте колледжа (www.bgtc.su) и группе в контакте (<http://vk.com/join.bgtc>).
- Диссеминация положительного опыта на муниципальном и краевом уровне.
- Ежегодный анализ результатов профориентационных взаимодействий по показателям набора в 2018-2020 гг.
- Подведение итогов проекта (май 2021 г.).

Инновационная составляющая проекта

Современному подростку трудно перенести себя в пространство практики, взять ответственность за собственные решения, прогнозировать собственное будущее, поэтому требуются новые методы профессиональной ориентации [2]. Проблему выбора будущей профессиональной деятельности школьнику помогут решить инновационные технологии, активно применяемые в профориентационной работе КГБПОУ «Бийский государственный колледж».

Инновационные технологии, применяемые в процессе реализации проекта «Мир профессий БГК»:

1. Переход от информационных методов работы к практикоориентированным.
2. Использование современных игровых технологий.
3. Информационное сопровождение профориентационной деятельности.
4. Использование в профориентационной деятельности ресурсов сети интернет [3].

Переход от информационных методов работы к практикоориентированным

Подростку недостаточно только получить информацию, какие специальности ему наиболее близки. Необходимо также сориентировать его в потребностях рынка труда в ближайшие 7-10 лет, чтобы он сумел грамотно совместить свои профессиональные предпочтения и сферу их приложений.

С этой целью КГБПОУ «Бийский государственный колледж» ежегодно проводит профессиональные пробы. Профессиональная проба – профессиональное испытание или профессиональная проверка, моделирующая элементы конкретного вида профессиональной деятельности, имеющая завершённый вид, способствующая сознательному, обоснованному выбору профессии.

Профессиональные пробы осуществляются непосредственно в мастерских и лабораториях колледжа. Они направлены на приобретение обучающимися самостоятельного опыта деятельности в той или иной сфере. В рамках знакомства со специальностью 19.02.03 Технология хлеба, кондитерских и макаронных изделий колледж приглашает школьников в учебно-производственную мастерскую специальности, где каждый желающий может попробовать свои силы в формовке и декорировании хлебобулочных и кондитерских изделий.

На базе колледжа создана учебно-имитационная фирма «Дельта», которая совместно с Бизнес-инкубатором г. Бийска проводит мероприятия по Финансовой грамотности для обучающихся школ. Модераторами мероприятий выступают студенты специальности 38.02.01 Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Одним из мероприятий является турнир по «Настольным экономическим играм», где в игровой форме участники могут научиться рационально расходовать деньги и планировать свой бюджет.

В 2018 году колледж провел обучение группы школьников по рабочей профессии «Сварщик» в рамках краевой программы по профессиональному обучению школьников. В сварочных мастерских колледжа у обучающихся была возможность поработать на тренажере, а затем применить полученные навыки в работе с реальным сварочным оборудованием.

Преподаватели и студенты специальности 54.02.01 Дизайн (по отраслям) регулярно принимают участие в мастер-классах и выставках в рамках городских мероприятий, организуемых Управлением образования, спорта и молодежной политики администрации г. Бийска. Мастер-классы дизайнеров показывают, как из простых материалов каждый школьник может изготовить памятный подарок своим друзьям и близким к таким праздникам как Новый год, Рождество, Пасха, День Победы др.

С 2017 г. колледж принимает участие в конкурсах и олимпиадах профессионального мастерства. В 2018 г. в Бийском государственном колледже прошли окружные отборочные соревнования регионального чемпионата профессионального мастерства «Молодые профессионалы» WorldSkills Russia по компетенциям: «Ремонт и обслуживание легковых автомобилей» и «Эксплуатация сельскохозяйственных машин». В декабре 2018 г. студент колледжа Овинов Дмитрий занял 1 место на краевом чемпионате WorldSkills Russia по компетенции «Сухое строительство и штукатурные работы». В 2019 г. на базе колледжа состоялась региональная олимпиада профессионального мастерства по укрупненной группе специальностей 35.00.00 Сельское, лесное и рыбное хозяйство.

Использование современных игровых технологий

Со школьниками в колледже проводится интерактивная игра «Мир профессий БГК» по типу телевизионного шоу «Своя игра». Игра содержит 24 вопроса – по количеству профессий и специальностей КГБПОУ «БГК» и включает в себя вопросы профессиональной направленности, а также оригинальные задания-перевертыши, загадки, ребусы, головоломки, т.е. задания на

логику, эрудицию и широкий кругозор. По результатам игры победу одерживают все участники – те, кто набирает максимальные баллы за правильные ответы, получая небольшие подарки от колледжа, и те, кто оценивает свои возможности, примеряя себя в той или иной профессии и специальности колледжа.

Одной из эффективных интерактивных технологий профессионального самоопределения современных школьников является квест. Цель квест-технологии в профориентации – формирование представления о мире профессий и специальностей, представления в профессиональном самоопределении, знакомство учащихся с принципом обоснованного выбора с учетом интересов, способностей, образовательных возможностей города и близлежащих районов, особенностей современного рынка труда.

Преподаватели КГБПОУ «Бийский государственный колледж» разработали в 2018 г. авторский квест «Где логика?». Игра проводится по линейному принципу, т.е. по цепочке: разгадав одно задание, участники получают следующее, и так до тех пор, пока не пройдут весь маршрут. На каждом этапе квеста за правильно выполненное задание участники получают часть пазла с изображением логотипа БГК и приносят его ведущему. В конце игры команда участников собирает пазл и игроки получают призы за победу. Задания-карточки напечатаны на листах разного цвета, что помогает участникам быстро сориентироваться, по какому маршруту им следует двигаться дальше. Принимая участие в различных заданиях квеста, учащиеся 7-11 классов могут попробовать себя в роли дизайнеров и юристов, химиков и строителей, экономистов и бухгалтеров, газовщиков и кондитеров, товароведов и деревообработчиков, КИПовцев и механиков.

Информационное сопровождение профориентационной деятельности

С целью информирования школьников и их родителей о профессиях и специальностях КГБПОУ «Бийский государственный колледж» ежегодно обновляет содержание буклетов, ориентируясь на современные потребности общества. С 2019 г. на буклете имеется QR-код для быстрого доступа к информации о приемной комиссии. Данные буклеты распространяются в школах г. Бийска и близлежащих районов и пользуются популярностью среди молодежи.

Учащиеся старших классов школ вместе с обучающимися колледжа активно участвуют в Неделе финансовой грамотности, Дне открытых дверей, в летней и зимней каникулярной школе, организуемой КГБПОУ «Бийский государственный колледж». Участие в мероприятиях колледжа способствует профессиональному самоопределению учащихся.

С 2017 г. на базе Бийского государственного колледжа проходит Ярмарка специальностей и профессий «Траектория будущего», в которой принимают участие учащиеся школ г. Бийска и близлежащих районов. Ежегодно Ярмарку посещают более 400 обучающихся общеобразовательных учреждений и их родители. Цель данного мероприятия - реклама и продвижение об-

разовательных услуг учреждений СПО и ВПО. На торжественном открытии выступают руководители крупнейших образовательных учреждений и представители администрации г. Бийска. Церемонию открытия украшают выступления творческих коллективов города. Школьникам предлагаются демонстрационные площадки профессиональных образовательных организаций. Каждый участник ярмарки выбирает различные формы продвижения – лекции, презентации, мастер-классы, демонстрационные эксперименты, деловые игры, выставки.

Использование в профориентационной деятельности ресурсов сети интернет

Общеизвестным является тот факт, что молодежь активно пользуется ресурсами сети интернет. Всемирная сеть позволяет комплексно решать задачи профессионального самоопределения. Бийский государственный колледж, используя эту тенденцию, дает возможность молодежи «покорять» глобальную сеть с пользой, создавая условия, позволяющие максимально заинтересовывать будущих абитуриентов и их родителей. На официальном сайте колледжа www.bgtc.su размещена информация об особенностях поступления и обучения. Здесь можно пройти профориентационное тестирование, получить рекомендации по приоритетным специальностям и профессиям с целью определения своих способностей и личных качеств, познакомиться с жизнью колледжа, буднями и праздниками студентов БГК.

В Приемной кампании-2019 была запущена группа приемной комиссии в социальной сети ВКонтакте (<http://vk.com/join.bgtc>) для удобства информирования школьников и их родителей. В группе у поступающих была возможность ежедневно просматривать свой рейтинг и получать ответы на интересующие вопросы в режиме он-лайн. За время работы приемной комиссии в группу вступило более 600 человек.

В 2018 г. на базе КГБПОУ «Бийский государственный колледж» проводилась краевая научно-практическая конференция «Профориентационные взаимодействия профессионального образования с образовательным социумом: опыт и перспективы развития». В конференции приняли участие работодатели, сотрудники управления социальной защиты населения по г. Бийску, Бийскому и Солтонскому районам, комитета по образованию Бийского района, а также представители образовательных организаций региона. В ходе мероприятия они поделились опытом работы с молодежью, обсудили особенности выбора профессии и становления в современном обществе. Кроме того, были рассмотрены вопросы повышения эффективности профориентационной деятельности, ее психологические аспекты.

Таким образом, в ходе реализации проекта «Мир профессий БГК» разработан, теоретически обоснован и экспериментально проверен комплекс организационно-управленческих мер, позволяющих осуществлять развитие профессиональных компетенций лиц, обучающихся в общеобразовательных организациях, создана система профессионального развития и становления, профессиональной ориентации, мотивирующей молодежь на освоение рабо-

чих профессий и специальностей, востребованных на рынке труда; наблюдается повышение привлекательности КГБПОУ «Бийский государственный колледж». Эффективность подтверждается контрольными цифрами приема. Средний конкурс при поступлении в 2019 г. составил 1,7 человека на место, что на 0,2 больше, чем в 2018 г.

Анкетирование, проведенное студенческим отделом мониторинга КГБПОУ «Бийский государственный колледж», показало, что

46% респондентов выбрали образовательное учреждение по совету родителей, родственников и друзей;

31% респондентов выбрали образовательное учреждение, получив информацию из СМИ (из них 62% получили информацию в сети интернет, 28% узнали о колледже из рекламной продукции);

17% респондентов выбрали образовательное учреждение, принимая участие в профориентационных мероприятиях;

6% респондентов изменили свои планы поступления во время профориентационной кампании.

Необходимо отметить, что 72,1% обучающихся в КГБПОУ «Бийский государственный колледж» мотивированы на получение конкретной профессии и специальности колледжа, 54,3 % посоветовали бы своим друзьям поступать в БГК.

Разумное сопровождение профессионального самоопределения обучающихся способствует формированию диалоговой среды для школьников, профессиональных образовательных организаций и работодателей. Четко продуманный комплекс организационно-управленческих мер в профориентационной работе дает возможность выстроить правильную профессиональную траекторию с учетом кадровой политики предприятий города и края.

Библиографический список:

1. Отчет о профориентационной работе в колледже за 2017-2018 учебный год. – URL: http://www.nekrasovspb.ru/doc/otchet_prof.pdf (дата обращения: 23.02.2020). – Текст: электронный.

2. **Трондина, А.** Основные подходы по организации профориентационной работы в колледже / А. Трондина. – URL: <https://infourok.ru/osnovnie-podhodi-po-organizacii-proforientacionnoy-raboty-v-kolledzhe-1441958.html> (дата обращения: 21.02.2020). – Текст: электронный.

3. **Шалабанова, Е.Д.** Использование инновационных форм профориентационной работы с обучающимися на уроках информатики и ИКТ / Е.Д. Шалабанова. – URL: https://nsportal.ru/sites/default/files/2019/02/24/innovatsionnye_formy_proforientacionnoy_raboty_na_urokah_informatiki.pdf (дата обращения: 23.02.2020). – Текст: электронный.

Н.А. Швец,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

FORMING OF STUDENTS' SELF-MANAGEMENT SKILLS IN ORGANIZING ON-LINE TEACHING

The pandemic triggered the large-scale digital transformation of the educational process at all the levels, and it is happening much faster than it was planned for the past few years as part of various national projects.

Are universities ready to introduce distance learning? It is different for every educational establishment. We are ready to handle some organizational issues, but not for some others. This can concern both teachers and students. It immediately became clear to everyone what risks we were not prepared for: the lack of equipment for all students, the lack of communication among all participants in the educational process, the restructuring of traditional classes with various possibilities of using Internet resources and forms of control, the organization of informing students where, when and how to perform and hand-over tasks, etc. Students' self-management depends on several factors:

- the accuracy and clear regulation of receiving assignments;
- the specific deadlines and forms of handing over completed tasks;
- the full coverage of the student group, their informing about the details of online learning, control through all possible communication channels;
- the individual approach to every student (his technical capabilities, psychological difficulties and learning time-management skills).

Some issues and solutions should be detailed.

1) The organization and clear planning of the course material.

In our opinion, a teacher should start by drawing up an individual planning for the student's work of the course. This course plan is easy to submit in electronic form, breaking the volume of educational material into substantive blocks by topics or by weeks, presenting in a table or any other form. The main thing is that the student clearly understands the volume and timing of all tasks. All this can be laid out in any form convenient for the student (Moodle, personal account in the university site, social networks). The main thing is to let a student understand what types of tasks a student need to perform, where, how and by what time to hand over to the teacher),

2) The involvement of all students in the educational process.

In order not to stray the class schedule, students should not be given the opportunity to think that distant learning is a temporary vacation and then they will have time to finish everything. Classes should be conducted with maximum coverage of the group through video conferencing and other forms of work. Teachers can focus on the fact that students may not be able to connect cameras or a microphone; maybe they will have interruptions in communication or network failure,

but teacher need to make them feel the classes are on schedule and the learning process does not stop for a day.

When organizing classes online, several points should be clarified.

- conducting lectures online in the same mode for an hour and a half puts an enormous load on the vocal cords of the teacher, on the one hand, and it does not allow receiving effective feedback from students, on the other. In the classroom, the teacher can control and direct the attention of students, adjusting its content depending on various circumstances (time, fatigue of students, information already known to them on this topic, etc.). Students' online attention begins to dissipate within 15-20 minutes after the start of the webinar [1]. Theoretical material should be divided into small parts for 15-20 minutes, and then the teacher can give assignments for its assimilation. In our opinion, theoretical material should be issued in different forms (audio, video, text), so that students have more opportunities for its acquirement. It is not necessary to give a lecture online, that is, in real time. It will be enough to record videos that students can watch at any time convenient for them and review if they do not understand something. In the format of a webinar, you can conduct a further survey on some problematic aspects, difficult places in theory.

- the changes affected not only lectures, but also practical classes, which, in the classical form of training, are aimed at developing the students' practical skills. Practical classes are difficult to organize with the help of distance learning technologies. The system of most universities is as follows: the teacher issues tasks, students complete them, the teacher checks and evaluates them. In the best case scenario, several interested students will ask questions via video conferencing to resolve the difficulties they encountered in completing assignments. In reality, the teacher is overwhelmed with a mass of student work. He spends a tremendous amount of time checking students' tasks. That is exceeding the limits of his physical capabilities. Therefore, in practical classes, the use of various online simulators to consolidate acquired knowledge and develop skills would be more effective. However, such simulators are necessary to be adequately chosen or created for every discipline.

- independent work is an effective means of enhancing students' creative independence. The independence and activity of students are closely related, since independence is the highest form of activity, which is determined by the nature and mode of students' thinking. The basis of students' independent work is the student's conscious approach to the learning process, that is, the highest degree of thinking. Interesting forms of students' independent work include the following:

- creation of videos, slide shows on the topics studied;
- preparation of reports and essays not in the form of texts or presentations, but in the form of "hot" reports, interviews, discussion talk-shows;
- presentation of a video or audio essay on problematic topics;
- participation in the preparation of on-line tests and their version of the lesson plan or part thereof;

- preparing a video fragment of a practical lesson “How would I conduct this lesson” or preparing a situational analysis (in a modern format with likes and comments) for a lesson prepared by a student of his group;

- working-out thematic web-pages, web-quests, web-simulators, educational games etc.

3) Monitoring and checking students' completed assignments.

At each stage of students' independent work, a clear, timely and effective control and checking of knowledge, as well as the level of skills formed, is necessary. Control measures allow teachers to determine how successful the student was in trying to solve certain learning problems on his own. Control forms should also be reviewed. Assignments that students complete and submit for review should have feedback. Often students do not even know if their assignments are checked, how correctly they are completed, what is necessary to be done if they are not completed in full or incorrectly.

One of the most important points is the communication between teachers and a group of students, between the administration of the faculty, institute and each student. There are a lot of communication channels, you need to consider exactly those that students are used to - social networks and instant messengers (VK, Facebook, Whatsap, Viber, etc.)

Social networks (VK, Facebook) and instant messengers (WhatsApp, Viber, etc.) also turned out to be good help for teachers when working in new conditions. Having analyzed our work and the work of our colleagues, we can understand that almost all students use social networks and instant messengers as the most familiar communication tools. These platforms, which are popular and used by almost everybody, allow students and teachers to send study assignments, completed homework, lecture notes, and other study materials without the need for additional fees for using them.

When the work of the student groups is generally organized, teachers also need to deal with individual students who drop out of the educational process for various reasons. It is necessary to find out what kind of problems the dropped-out student has - technical, psychological, physiological, timeline. An individual trajectory of mastering the educational material should be selected (choosing tasks for specific technical means or health opportunities, other forms of completing and handover over the assignments, etc.) Thus, the technical, psychological and methodological support of the entire student group as well as individual students can teach them organize effective learning, master time-management techniques, avoid psychological and physical exertion and will allow students to acquire all the educational material, perhaps even more effectively than in classrooms.

All these actions at the level of teachers or administration allow students to identify the ability to organize, plan, regulate their own educational activities, carry out self-monitoring and evaluation of their own actions and results. Everything in the complex allows developing self-management of students' activities. By independently managing educational activities, any student acts as a self-governing

system. He organizes and regulates his educational activities, reflects his time, thinking, actions and understands his goals and success.

References:

1. **Шмурыгина, О.В.** Образовательный процесс в условиях пандемии / О.В. Шмурыгина // Профессиональное образование и рынок труда. – 2020. – № 2. – С. 51-52. – Текст: непосредственный.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Н.Г. Виноградова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

THE IMPORTANCE OF CROSS CULTURAL STUDYING

Starting a conversation about the importance of intercultural communication we should focus on the definition of Vereshchagin E. M. He says that intercultural communication is an adequate understanding of two participants of a communicative act belonging to different national cultures [1].

Dialogue among civilizations is regarded as one of the forms of intercultural communication. Interaction between people belonging to different ethnic groups suggests some of the difficulties of intercultural communication, and sometimes the conflicts between different cultures. Intercultural communication aims to define a tool to overcome such negative aspects in achieving understanding.

According to S.G. Ter-Minasova, communication rules the people, their life, their behavior, their knowledge of the world and ourselves as a part of this world. And any attempt to understand communication between people, to understand what facilitates it and what hinders is important and justified, because communication is a modus of human existence [2].

When talking about intercultural communication, it is not always possible to draw clear boundaries between the psychological, sociological, and linguistic spheres. Representatives of these scientific fields - psychologists, sociologists, and linguists are dealing with complex categories emerging in the communication process – values, motives, attitudes, mentality, concepts, stereotypes, prejudices etc.

In the modern world it is clear that people are not free from the influence of culture. It would be wrong to say that the component of culture is not just some cultural information reported by different languages. S. G. Ter-Minasova compares language with a kind of treasure, a pantry, a bank of cultures. It holds cultural val-

ue – in vocabulary, in grammar, in idioms, proverbs, sayings, folklore, art and literature in forms of written and oral speech" [2].

Language can be measured up to a mirror of culture, which reflects not only the social consciousness of people, but their mentality, national character, lifestyle, values, customs, traditions, morals, attitude, vision of the world.

The task of linguists working in the field of intercultural communication is to solve the problem as all the cultural categories are reflected in language and how they affect the process of intercultural communication. Language is inextricably linked with ethnic group, shaping it through the storage and transfer of culture, traditions and social awareness of a given speech group [2]. This means that knowledge of one language does not guarantee understanding between people. The cause of the conflict may be a difference of cultures.

Here the main reason is the poor command of one of the communicants knowledge of the culture of the other. Barriers of this type are due to the characteristics of ethnic consciousness, prevailing values and stereotypes manifested in communication. Each subject of communication is a carrier of a certain mentality and therefore interacts with other people in accordance with the norms, traditions, attitude of culture, the carrier of which he acts.

Overcoming the language barrier is not enough to ensure effective communication between representatives of different cultures. To do this, people should overcome the cultural barrier.

It becomes obvious that the language barrier is not the only obstacle to mutual understanding. National-specific features of the various components of communicative cultures can impede the process of intercultural communication.

In intercultural communication, it is necessary to take into account the peculiarities of the national character of the communicants, the specifics of their emotional structure, the national-specific characteristics of thinking, which emphasizes the importance of studying intercultural communication as an educational discipline.

References:

1. **Верещагин, Е.М.** Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // studmed.ru [сайт] – URL: <https://www.studmed.ru/vereschagin-e-m-kostomarov-v-g-yazyk-i-kultura-lingvostranovedenie-v-prepodavanii-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-8beecb2e6d9.html> (дата обращения 20.04.2020). – Текст: электронный.

2. **Тер-Минасова, С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова // Avidreaders.ru [сайт] – URL: <https://avidreaders.ru/book/yazyk-i-mezhkulturnaya-kommunikaciya> (дата обращения: 16.04.2020). – Текст: электронный.

П.Е. Власов,
магистрант института гуманитарного образования
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);

Т.И. Щелок,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ ЭКСКУРСИИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Немаловажным фактором при обучении иностранному языку является приобщение обучающихся к иноязычной культуре. Современные технологии и средства предоставляют нам массу возможностей для такой деятельности. Это, например, фильмы, аудиотексты, книги на изучаемом языке. Однако они чаще всего не включают или не в полной степени содержат ту наглядность, которая может быть, в частности, передана посредством виртуальных туров и экскурсий, отражающих все особенности, детали изучаемого объекта или явления и одновременно транслирующих полезную информацию о стране изучаемого языка, создающих у зрителя полную иллюзию присутствия. Все сказанное обуславливает причины использования преподавателями виртуальных экскурсий на своих учебных занятиях. «*Виртуальная экскурсия* - это организационная форма образовательной деятельности, отличающаяся от реальной экскурсии виртуальным отображением реально существующих объектов» [1]. О некоторых особенностях применения данной формы взаимодействия с аудиторией и пойдет речь далее.

Итак, с появлением и развитием Интернета стало возможным осуществить путешествие любую точку мира, не выходя из комнаты или учебного кабинета. Именно для этого и предназначена виртуальная экскурсия и этим она отличается от реальной. Ее можно использовать на уроке в образовательных целях, посещая страны, города и отдельные объекты культуры.

Виртуальные экскурсии можно применять не только на серии уроков по определенной теме, но также и фрагментарно. Учащимся будет интереснее рассмотреть своими глазами реалистичное – с помощью 3D-технологий - отображение определенного объекта или достопримечательности и т.п., нежели прочитать о них информацию, даже не имея представления о том, как они выглядят. Кроме того, виртуальную экскурсию можно дополнить различными звуковыми файлами.

Обучающимся интересна наглядность. Это основной плюс использования виртуальных экскурсий. Наряду с этим данная форма работы способствует развитию познавательной активности учащихся и их эстетического вкуса.

При использовании виртуальной экскурсии на уроке активизируется внимание всех учащихся, повышается их интерес к происходящему на

экране. Кроме этого, еще одним достоинством данной формы обучения является сила эмоционального воздействия на обучающихся и побуждение их к речевой деятельности. Поскольку виртуальное посещение достопримечательностей стран изучаемого языка позволяет не только прочитать информацию о них, но и увидеть, как они выглядят в реальной жизни.

При применении виртуальных экскурсий на уроке рождается атмосфера совместной познавательной деятельности, а также происходит развитие внимания и памяти. Интенсивность такого развития оказывает большое влияние на процесс запоминания предоставляемого в экскурсии материала, поскольку присутствует визуализация материала, вследствие чего информация усваивается и запоминается лучше. Отсюда можно сделать вывод о том, что данная форма работы с учащимися создает благоприятные условия для формирования коммуникативной компетенции, владения которой и требует от учащихся современное общество в условиях глобализации.

Визуальный ряд, предоставляемый в экскурсиях, помогает закрепить фактическую информацию о стране изучаемого языка, а также ее особенностях.

Виртуальные туры можно использовать на серии уроков, посвященных одной теме. Так, для знакомства с Лондоном, его достопримечательностями и культурой может быть выбрана программа «LONDON Virtual Tour» [2].

Данная программа – это приложение, в котором имеются панорамы Лондона в интерактивном режиме. Их можно рассмотреть со всех сторон, приблизить или отдалить. То есть программа представляет своего рода виртуальную реальность, только без использования специальных приспособлений, а из помощников есть только мышка и клавиатура.

Использование данного варианта виртуальной экскурсии способствует улучшению и углублению знаний обучающихся о достопримечательностях британской столицы, поскольку помимо детальной визуальной информации в хорошем разрешении на сайте также имеется краткая информация о посещаемом объекте, открыв которую можно перейти на ресурс с более подробным описанием культурных объектов, их истории, интересных фактах, а также стоимости посещения, как если бы учащиеся находились там по-настоящему. Наличие такого рода ссылки будет весьма полезно для обучающихся.

Ссылки привязаны напрямую к сайту, поэтому, кликая на них, учащиеся не рискуют попасть на посторонние сайты с недостоверной информацией. Например, при открытии программы можно оказываться на колесе обозрения «London Eye», с которого открывается прекрасный вид на Лондон. Данное строение относится к достопримечательностям этого города, поэтому на главной странице можно увидеть краткую информацию о нем, при нажатии на которую произойдет переход на страницу с той же самой информацией, а также временем работы и стоимостью входа. Кроме этого на странице будут отображены отзывы посетивших ее ранее людей.

Программа предлагает путешественникам рассмотреть более 55 различных достопримечательностей, таких, как The London Eye, Westminster Abbey, Tower of London и т.д.

При нажатии на левую кнопку мышки и проведении по экрану курсором появляются различные активные точки с названиями культурных объектов. При нажатии на любую понравившуюся программа перенесет посетителя на страницу с панорамой выбранной достопримечательности. Например, нажимая на метку с названием Tower of London, мы переходим к Тауэру.

В период педагогической практики на базе МБОУ «СОШ №3» г. Бийска в 10Б классе на уроках английского языка использовалась именно эта программа. Ребята в данной учебной группе обладают разной успеваемостью по изучаемому предмету. При этом более способные ученики помогают более слабым, и атмосфера в таком классе более рабочая и результаты деятельности более продуктивные. На уроках некоторые учащиеся выступали в роли представителей иностранных турагентств и рассказывали о некоторых достопримечательностях Лондона с проведением виртуальной экскурсии, а остальные в это время играли роль экскурсантов.

После проведения серии уроков с применением означенной технологии обучающимся было предложено пройти тест на проверку усвоения полученных знаний. В нем были вопросы о достопримечательностях, картинки с вопросами к ним. Кроме того, предлагалось написать эссе об уроках, на которых использовалась виртуальная экскурсия, описать свои ощущения. Тема для эссе звучала так: «Моя экскурсия по Лондону». После написания эссе было проведено обсуждение экскурсии на английском языке, учащиеся делились своими впечатлениями и полученными знаниями о достопримечательностях Лондона. Участвовали все дети. Каждый из них рассказывал о своих впечатлениях и если присутствовали какие-либо ошибки, то остальные их исправляли.

Таким образом, использование на уроке виртуальной экскурсии оказалось полезным, поскольку дети сами увидели достопримечательности, осмотрели их со всех сторон, прочитали информацию о них, дополнив тем самым свои знания об этих объектах и расширив свой кругозор. Во время дискуссии учащиеся развивали свои речевые навыки, что очень полезно в изучении иностранного языка.

Библиографический список:

1. Виртуальная экскурсия (консультация для педагогов). – URL: <https://www.maam.ru/detskijsad/virtualnaja-yekskursija-konsultacija-dlja-pedagogov.html> (дата обращения 03.04.2020). – Текст: электронный.
2. London Virtual Tour. – URL: <https://360.visitlondon.com> (дата обращения 27.03.2020). – Текст: электронный.

Н.А. Гузь,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
В.Г. Федорова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИН «РИТОРИКА», «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»

Коммуникативная деятельность – одна из знаковых сфер современности. Подавляющее большинство специальностей требуют высокого уровня коммуникативной культуры. Если же говорить о педагогах, то здесь коммуникация является стержнем профессии. Поэтому в подготовке будущих учителей формирование коммуникативных компетенций играет ключевую роль и де-факто приобретает статус социального заказа. Это создает проблемную ситуацию, порожденную противоречием между необходимостью овладения студентами педагогического вуза коммуникативными качествами, с одной стороны, и низким уровнем сформированности этих качеств, с другой.

Последний негативный факт вызван внешними обстоятельствами. Еще К.Д. Ушинский, задолго до современного понятийного аппарата, обозначил и прокомментировал ключевую роль языка в развитии личности, подчеркнул его значимость для процесса общения. По мнению великого педагога, владение родным языком приобщает ребенка к национальной и мировой культуре. Сейчас это проблематично, так как произошло (и еще не закончилось) снижение речевой культуры, связанное с рядом причин: многократно возросло количество участников массовой коммуникации (различные Интернет-сообщества, социальные сети и т.д.) с одновременным ослаблением автоцензуры, что привело к массе речевых ошибок, использованию жаргонизмов, слов-паразитов, сленга и т. д. Речь радио- и особенно телеведущих перестала быть образцом, так как в ней стали допускаться орфоэпические и грамматические ошибки, сниженная и разговорная лексика, неоправданное засилье заимствованных слов. Публичные выступления, интервью представляют собой «живую», а не подготовленную речь, что также способствует отступлению от речевых норм. Маргинализация отдельных общественных групп влечет нарушение литературных языковых правил. Конечно, сказалось и общее снижение культурного уровня.

«Продолжение совершенствования речевой культуры обучающихся вузов ... должно быть направлено, прежде всего, на формирование таких общекультурных компетенций, как умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; обладание навыками публичной и

научной речи; владение письменной и устной речью на русском языке; способность использовать профессионально ориентированную риторику; продуцирование текстов разных стилей, а также свободное владение литературной и деловой письменной и устной речью на русском языке, навыками публичной и научной речи, умение создавать и редактировать тексты профессионального назначения» [1: 114].

Совершенствовать свои коммуникативные умения и навыки будущие учителя должны на всех занятиях. Но две дисциплины ставят эту деятельность во главу угла: это Риторика и Русский язык и культура речи. Основная цель Риторике – обучить успешному речевому общению. Задачи предмета «Русский язык и культура речи» включают обучение орфоэпическим, грамматическим, лексическим нормам, изучение языковых стилей, способность создавать устный и письменный тексты для учебной и социальной коммуникации. Обе эти дисциплины призваны развивать коммуникативную компетентность для использования ее в профессиональной, социокультурной сферах и для межличностного контакта.

Цель данной статьи – рассмотреть способы формирования коммуникативной компетентности в рамках изучения дисциплин «Риторика», «Русский язык и культура речи» будущими педагогами.

Методологическую основу работы составили идеи теоретических и экспериментальных исследований В.И. Байденко, С.Г. Воровщикова, Э.Ф. Зеера, И.А. Зимней, О.Е. Лебедева, Л.М. Митиной, А.В. Мудрика, Л.А. Петровской, Г.К. Селевко, Д.В. Татьянченко, А.В. Хуторского, В.Д. Ширшова и других.

Коммуникативная компетентность – это комплексное понятие, включающее развитые коммуникативные способности и качества личности, коммуникативные умения и навыки, успешную коммуникативную деятельность, речевые умения и навыки. Отдавая себе отчет в парадигмальной структуре коммуникативной компетенции, в данной работе основное внимание уделяется коммуникативным умениям и навыкам, что более соответствует целевым установкам вышеназванных дисциплин и проекции на педагогическую деятельность.

Ясная, логически структурированная, стилистически выдержанная, понятная для адресата речь и способность адекватного восприятия информации в обратной связи, выбора стратегии в конкретной ситуации – вот признаки коммуникационных навыков и умений. Их классификация весьма вариативна, потому что базируется на разных критериях: психологических особенностях, поведенческих показателях, видах или источниках информации и др.

В проекции на изучение дисциплин «Риторика» и «Русский язык и культура речи» нам представляется наиболее продуктивным информационный подход Г.К. Селевко, рассматривающего в качестве коммуникативных умений работу с устными и письменными текстами, а также с такими источниками информации, как реальные объекты. Работа с письменными текстами предполагает, в процессе освоения Риторике и Русского языка и культуры речи, грамотный пересказ текста, выявление основного смысла текста, его

интерпретацию и преобразование, освоение жанров реферата, рецензии. Коммуникативные умения и навыки будут вырабатываться при этом, если использовать интерактивные формы работы.

При изучении дисциплин «Риторика» и «Русский язык и культура речи» основное внимание уделяется, конечно же, развитию речевых умений и навыков. Но ограничиваться только ими нельзя. Надо использовать такие формы работы, которые будут формировать умения выбирать наиболее целесообразную стратегию и тактику общения, адекватно воспринимать позиции участников общения, согласовывать с ними свои действия. Другими словами, у будущих педагогов необходимо формировать не только речевые, но и социально-психологические, коммуникативно-организаторские, интегративные коммуникативные умения и навыки.

Формирование коммуникативной компетентности при освоении дисциплин «Риторика» и «Русский язык и культура речи» – это процесс, следовательно, его можно разбить на следующие этапы. На первом проводится вводный мониторинг и выявляется уровень владения коммуникативными речевыми и иными нормами. Для этого можно использовать различные упражнения, тесты, творческие задания, анкетирование. Результаты мониторинга позволяют наметить индивидуальную траекторию в развитии коммуникативных умений и навыков, а также дают возможность скорректировать содержательные акценты учебной программы. Кроме того, на завершающем этапе они понадобятся для выявления динамики в освоении дисциплин. Второй этап – это усвоение в составе лекционного курса теоретических базовых знаний для понимания аспектов и направленности коммуникативной компетентности и закрепление (проверка) их на практических занятиях. Наконец, третий, завершающий этап реализуется исключительно на практических занятиях, носит творческий и интерактивный характер, отличается самым высоким уровнем сложности.

При формировании коммуникативных умений и навыков наиболее продуктивными являются системно-деятельностный, личностно-ориентированный, компетентностный подходы. Какие способы, формы и приемы работы предпочтительнее использовать на занятиях? Пожалуй, ключевым и объединяющим будет диалог как принцип обучения, позволяющий оценивать участников общения сразу по нескольким параметрам и обеспечивающий хотя бы формально субъект-субъектные отношения. Лекция-диалог, когда студенты должны отвечать на вопросы по ходу изложения преподавателем материала, активизирует внимание и мышление, позволяет сопоставлять различные позиции и мнения.

Из современных активных методов обучения самым популярным сегодня остается проектный: он позволяет формировать коллективное взаимодействие в целеполагании и планировании работы, поисках вариантов решения задач, установлении баланса между коллективной и индивидуальной точками зрения. Проектная деятельность воспитывает взаимопомощь и сотрудничество, толерантность и самостоятельность. Необходимость создавать

мультимедийный продукт в коллективном взаимодействии способствует использованию в формировании коммуникативной компетентности современных информационных технологий. Беседа является достаточно традиционным методом, но без нее не обойтись при формировании коммуникативных умений и навыков: она учит диалоговому общению, умению не только говорить, но и слушать, правильно интерпретировать информацию. Метод дискуссии, технология «дебатов» учат публично и аргументировано отстаивать свою точку зрения, многосторонне рассматривать проблему, воспитывают толерантность и уважение к участникам дискуссии (дебатов). Деловые игры моделируют ситуации реальности. Они могут носить точечный характер, например, надо погасить конфликт между двумя участниками, а могут моделировать событие, носящее коллективный характер, например, конференцию с подробным распределением ролей и функций. Деловые игры повышают профессиональную мотивацию и формируют профессиональные умения и навыки, моделируют профессиональное общение.

Коммуникативные умения и навыки формируются также при проведении мозгового штурма с его табу на критику и поощрением самых неожиданных идей, с определением функционала участников, с выявлением в финале слабых и сильных сторон выдвинутых идей. Относительно недавно получило распространение решение риторических задач. Изредка можно проводить коммуникативный тренинг с различными стилистическими или лексическими заданиями. Практически все вышеназванные формы коммуникативной деятельности органично сопрягаются с использованием информационных технологий (поиски информации, использование фрагментов готовых мультимедийных занятий для обсуждения, создание своих коллективных мультимедийных проектов и т.д.).

Процесс формирования коммуникативных умений и навыков не ограничивается при использовании вышеназванных приемов и форм работы только речевыми умениями и навыками. Попутно развиваются такие коммуникативные умения и навыки, как способность ориентироваться в ситуации, управлять своими эмоциями, слушать других, корректировать ситуацию, использовать невербальное общение, быстро реагировать.

«Методологической основой для построения показателей оценки письменной и устной коммуникации выступает классический канон риторики – разработанная классическая модель порождения ораторского выступления, прослеживающая весь путь коммуникации от возникновения и осмысления темы до выступления перед слушателями. Классический канон риторики состоит из пяти частей: 1) изобретение; 2) расположение; 3) словесное выражение; 4) запоминание; 5) произнесение текста» [2: 33].

Условия реализации целевых установок в формировании коммуникативных умений и навыков при изучении дисциплин «Риторика» и «Русский язык и культура речи» включают в себя несколько требований. Помимо современного технического и информационного обеспечения эти требования связаны с личностными и профессиональными качествами педагога. Как

профессионал он должен использовать инновационные и активные методы обучения, понимать и реализовывать механизмы дидактического воздействия, обладать высоким когнитивным уровнем, педагогической эмпатией и способностью выбирать наиболее эффективные методы взаимодействия, речевой стиль общения, он должен обладать высокой этической культурой. Организаторские способности педагога рядом исследователей выделяются как основные в его деятельности. Педагог также должен уметь снимать различного рода коммуникативные барьеры (темповые, семантические, стилистические, смысловые и т.д.). Информационной и методической основой формирования коммуникативных умений и навыков в изучении дисциплин «Риторика» и «Русский язык и культура речи» служат многочисленные учебные пособия и разработки. В них содержится квалифицированно и системно подобранный материал по самым проблемным темам орфоэпии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики в подходящих для интерактивной работы формах. Многочисленная группа упражнений и заданий стимулирует развитие речевых и письменных жанров, стилистической зоркости, навыков публичной речи.

Итак, формирование коммуникативных умений и навыков является одной из основных целевых установок дисциплин «Риторика» и «Русский язык и культура речи», осуществляется при реализации принципов диалогичности и проблемности, использовании активных методов обучения и ряда вышперечисленных конкретных форм и приемов работы. Успешность процесса напрямую зависит от коммуникативных качеств самого педагога.

Библиографический список:

1. Прохоцкая, С.А. Формирование языковой культуры обучающихся высших учебных заведений (на примере преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи») / С.А. Прохоцкая // Вестник Поволжского института управления. – Т. 17. – 2017. – № 6. – С. 113-118. – Текст: непосредственный.
2. Игнатенко, А.А. Показатели оценивания коммуникативных компетенций студентов педагогических специальностей / А.А. Игнатенко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып 4. № 2. – 2013. – С. 31-38. – Текст: непосредственный.

И.П. Зырянова,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
АГГПУ им. В.М. Шукшина (г. Бийск),
учитель иностранного языка
МБОУ «Гимназия №2» (г. Бийск);
Е.П. Нетреба,
учитель иностранного языка
МБОУ «Гимназия №1» (г. Бийск)

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РИТМИКО-ИНТОНАЦИОННЫХ НАВЫКОВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ

Интонация выполняет важную функцию в процессе общения. Умение оформлять свою речь интонационно правильно – это необходимое условие успешной коммуникации. Порой только за счет интонации участники диалога могут определить: доброжелателен ли партнер, заинтересован ли он в общении. Тем не менее, интонации и ритму не всегда уделяется должное внимание в практике преподавания иностранного языка.

Определить является ли язык, на котором говорит человек для него родным, легче всего по наличию акцента, который складывается из артикуляции звуков иностранного языка по аналогии со звуками родного языка и использования мелодики, не характерной для изучаемого языка.

Произносительные навыки считаются наиболее трудными для формирования и наименее устойчивыми, поэтому формированию и закреплению этих навыков следует уделять достаточно времени.

Анализ современных отечественных и зарубежных УМК показал, что систематическая работа над произношением, как правило, ведется на начальном этапе, при этом в основном она связана с обучением чтению, то есть максимальное количество упражнений на произношение сосредоточено в учебниках для младших школьников или в учебниках уровня А1. Однако опыт показывает, что работа над произношением должна вестись на протяжении всех этапов обучения в общеобразовательном учреждении.

Несмотря на очевидную справедливость данного утверждения, упражнений на фонетику в уроках становится все меньше и меньше по мере продвижения учащихся в изучении языка. Современные учебники задают быстрый темп работы над языковым материалом, и учителю трудно найти время для работы над произношением. Что касается интонации и ритма, то заданий на тренировку этих аспектов в учебниках минимально. Так, в учебнике Spotlight для 6 класса (базовый уровень) из 15 упражнений на формирование фонетических навыков только одно посвящено интонации: предлагается отработать восклицательные предложения на 4 примерах [1]; в учебниках линии Starlight 5 и 6 (углубленный уровень) также по одному упражнению на интонацию. Для 5 класса это интонация вопросительных предложений (общий и

специальный вопросы): всего 6 предложений для тренировки (4 специальных вопроса и 2 общих) [2]; в учебнике для 6 класса предлагается отработать словесное ударение [3]. Для учащихся 11 класса фонетические упражнения не предусмотрены [4].

Таким образом, перед учителем, осознающим необходимость формирования у обучающихся не только слухо-произносительных навыков, но также и ритмико-интонационных, стоит сложная задача. Учителю практически самостоятельно нужно решить чему учить, как учить, когда учить и как мотивировать учащихся, поскольку данный аспект слабо разработан и почти не представлен в учебниках.

Первый вопрос – чему учить, то есть определить содержание минимума, необходимого и достаточного для конкретной ступени обучения. Главным принципом отбора фонетического минимума должен быть принцип соответствия потребностям общения, несомненно, учащиеся должны овладеть нисходящим и восходящим тоном, знать, когда применять каждый из них в соответствии с коммуникативным типом предложений.

Когда учить? Фонетическая зарядка уместна не на каждом уроке, ее содержание всегда подчинено главной цели урока, продолжительность в среднем не превышает 10 минут. Правильный ответ – всегда. Как известно, методика работы по формированию грамматических и лексических навыков предполагает последовательное выполнение имитационных, подстановочных, трансформационных, условно-речевых, и собственно речевых упражнений [5]. На этапе имитационных упражнений легче всего организовать тренировку интонации, последовательное закрепление сформирует у обучающихся как минимум адекватное представление об интонационном рисунке изучаемого языка.

Как учить? Как известно, при работе над формированием фонетических навыков в общеобразовательных учреждениях используются два подхода: имитационный и сознательно-имитационный [5]. В обучении интонации преобладает имитационный подход, что обеспечивает хороший результат только при работе с «простыми» интонемами, не вызывающими трудности у обучающихся. Сознательно-имитационный подход чаще применяется для постановки произношения, так как произносительным навыкам уделено значительно больше внимания в любом курсе обучения английскому языку. Тем не менее, эффективные приемы работы над интонацией хорошо известны учителям, например: повышающий или понижающий тон можно показать руками, так же как основное и второстепенное ударение. При отработке ударения часто используются символы для ударных и неударных слогов: большие круги или квадраты для ударных, маленькие – для неударных, например, в учебнике Starlight 6 используются круги [3: 49]. Эффективным будет применять дирижирование, отстукивание ритма (можно использовать метроном), поможет интонационная разметка фраз. Положительному эффекту будет способствовать запись речи учащихся при помощи различных приложений и онлайн сервисов: vocaroo.com позволяет записывать речь, загружать полученный

файл на свой ПК или делиться им онлайн; приложение для смартфонов Vocal Pitch Monitor предназначено для музыкантов, но может быть использовано для фиксации речи и тренировки мелодики.

Следующая проблема в обучении интонации – это вопрос контроля. Как контролировать и оценивать сформированность ритмико-интонационных навыков, если в отличие от грамматических, лексических и произносительных навыков критерии оценки навыков интонирования практически не зафиксированы. Так, например, в критериях оценивания выполнения заданий устной части ЕГЭ задание 1 (чтение текста вслух) мы находим следующее: «Речь воспринимается легко: необоснованные паузы отсутствуют; фразовое ударение и интонационные контуры, произношение слов – без нарушений нормы: допускается не более пяти фонетических ошибок, в том числе одна-две ошибки, искажающие смысл» [6]. При этом, что считать нормой не описано; следует ли из этого, что учителю следует придерживаться принципа аппроксимации?

Пока вопрос остается открытым, однако совершенно очевидно, что интонация для успешной коммуникации играет одну из ключевых ролей. Слабое владение грамматикой и лексикой может быть компенсировано правильной интонацией и наоборот, несоответствующая мелодика мгновенно выдает акцент и может привести к нарушению смысла высказывания, даже если оно грамматически и лексически безупречно.

Библиографический список:

1. **Быкова, Н.И.** УМК «Английский в фокусе» для 6 класса / Н.И. Быкова, Д. Дули, М.Д. Пospelова, В. Эванс. – М.: Express Publishing: Просвещение, 2018. – 144 с. – Текст: непосредственный.

2. **Баранова, К.М.** УМК «Звездный английский» для 5 класса / К.М. Баранова, Д. Дули, В.В. Копылова, Р.П. Мильруд, В. Эванс. – М.: Express Publishing: Просвещение, 2013. – 184 с. – Текст: непосредственный.

3. **Баранова, К.М.** УМК «Звездный английский» для 6 класса / К.М. Баранова, Д. Дули, В.В. Копылова, Р.П. Мильруд, В. Эванс. – М.: Express Publishing: Просвещение, 2014. – 184 с. – Текст: непосредственный.

4. **Быкова, Н.И.** УМК «Английский в фокусе» для 11 класса / Н.И. Быкова, Д. Дули, М.Д. Пospelова, В. Эванс. – М.: Express Publishing: Просвещение, 2019. – 244 с. – Текст: непосредственный.

5. **Соловова, Е.Н.** Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е.Н. Соловова, Н.Д. Гальскова. – М., 2000. – 336 с. – Текст: непосредственный.

6. Демонстрационный вариант устной части контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена по английскому языку 2020 г. URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-11> (дата обращения 21.04.2020) – Текст: электронный.

О.П. Казанцева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры и русского языка и литературы
АГГПУ им. В.М. Шукшина;
Т.В. Жукова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры и русского языка и литературы
АГГПУ им. В.М. Шукшина;
А.О. Терентьева,
магистрант института гуманитарного образования
АГГПУ им. В.М. Шукшина (г. Бийск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

В III разделе ФГОС «Требования к структуре основной образовательной программы основного общего образования» прописано, что программа развития универсальных учебных действий (программа формирования общеучебных умений и навыков) на ступени основного общего образования должна быть направлена на формирование и развитие компетенции обучающихся в области использования информационно-коммуникационных технологий на уровне общего пользования, включая владение информационно-коммуникационными технологиями, поиском, построением и передачей информации, презентацией выполненных работ, основами информационной безопасности, умением безопасного использования средств информационно-коммуникационных технологий (далее - ИКТ) и сети Интернет [1].

Современный урок уже невозможно представить без использования ИКТ. Существует много сайтов, платформ и приложений для получения знаний по русскому языку, но не все содержательно наполнены. Что же делать современному учителю? Искать новые возможности и изучать различные готовые платформы.

Давно уже всем известные сайты такие, как Грамота.ру, Филология.ру, Национальный корпус русского языка, для современных школьников практически бесполезны, так как не оснащены картинками, которые бы привлекали внимание обучающихся. Как утверждают психологи, у большинства учеников подросткового возраста развита зрительная память, поэтому важно, чтобы информация подавалась графически красиво оформленной, и только тогда материал будет усвоен. Вышеперечисленные сайты лишены этой наглядности (клиповости), не имеют четкой структуры, поэтому их используют в большей степени как справочники.

Рассмотрим современные платформы, обладающие широкими возможностями в обучении русскому языку. Например, такие платформы, как Stepik, LearningApps, позволяют школьникам изучить материал самостоятельно, выполнить задания и даже получить сертификат.

Stepik – это образовательная платформа и, одновременно, конструктор онлайн-курсов. Как показывает практика преподавания, в процессе изучения определенной темы учитель может создать свой курс, и ученики самостоятельно будут его изучать, выполнять задания, а учитель-предметник смотреть мониторинг успеваемости всей группы обучающихся. Тем самым у учителя появляется возможность выявлять у школьников пробелы (недочеты) в усвоении темы и на уроке эти пробелы устранять (рис. 1).

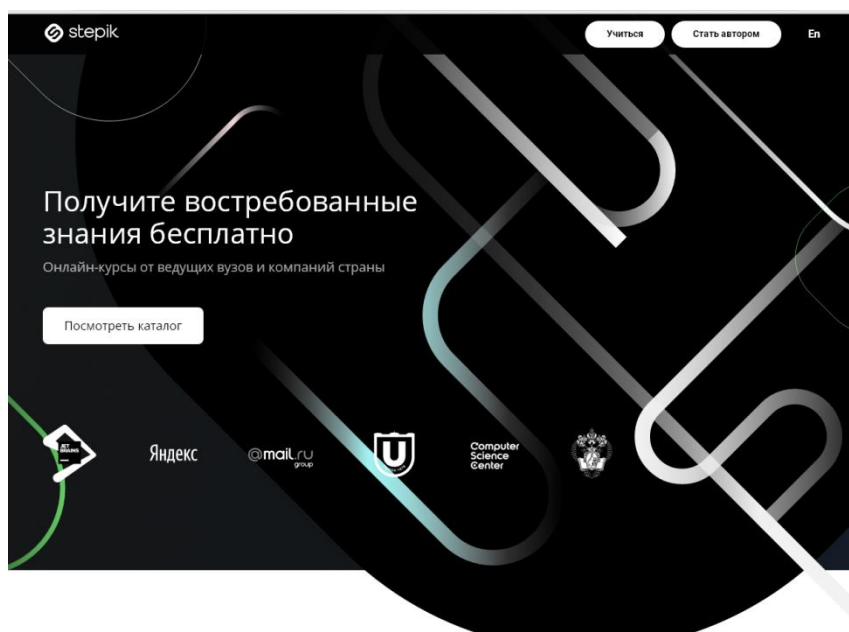

Рисунок 1. Stepik

Платформа **LearningApps** является приложением Web 2.0 для поддержки обучения и процесса преподавания с помощью интерактивных модулей. На сайте в свободном доступе есть интерактивные игры по предмету и есть возможность создавать свои модули, которые будут использовать другие учителя (рис. 2).

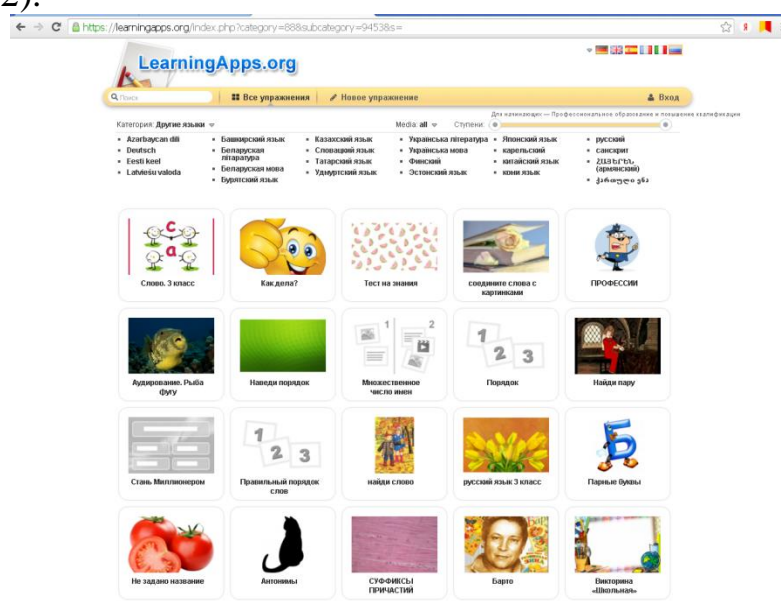

Рисунок 2. LearningApps

Современная нормативная база предполагает достаточное количество форм и способов обучения. В настоящее время особенно актуальны статьи ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации», регламентирующие использование в школе дистанционных образовательных технологий. Сегодняшнему ученику, достаточно легко ориентирующемуся в интернет-пространстве, легче посетить урок без учителя, самостоятельно овладеть новым материалом и проверить свои знания. Широкие возможности для подобного обучения предоставляют многочисленные образовательные платформы. Особую ценность для обучения русскому языку представляет такой ресурс, как Российская электронная школа <https://resh.edu.ru> (далее – РЭШ). Данная платформа предполагает взаимодействие учителя и ученика практически по всем предметам учебного плана с 1 по 11 класс. После регистрации в РЭШ учитель может создать виртуальный класс и предлагать школьникам самостоятельно заняться изучением темы. Тематическое планирование, учебные материалы в большинстве своем представлены в соответствии с УМК школ России. После привязки детей к классу учитель может предложить детям самостоятельно в удобном темпе и временном режиме изучить новый материал. Так, например, урок по теме «Синтаксический и пунктуационный разбор предложений с обособленными членами» может быть организован в соответствии со структурой (рис. 3).

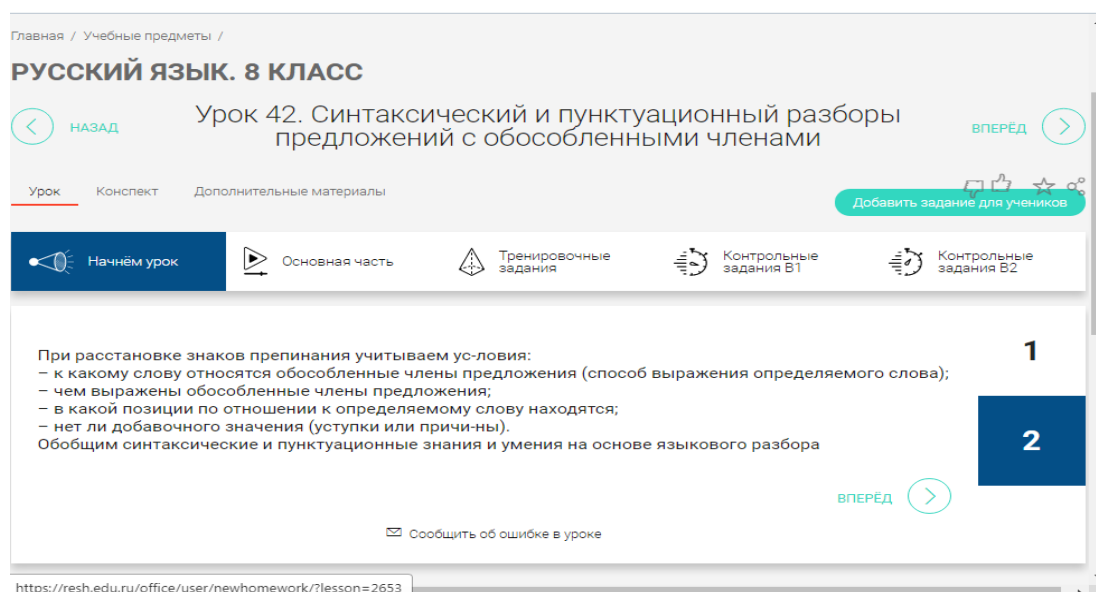

Рисунок 3. Российская электронная школа. Урок русского языка

После актуализации знаний по изучаемой теме школьникам предлагается посмотреть видеофрагмент продолжительностью 5-8 минут, в котором доступно объясняется новая тема. При необходимости видеофрагмент можно ставить на паузу и записывать самую важную информацию (рис. 3.1).

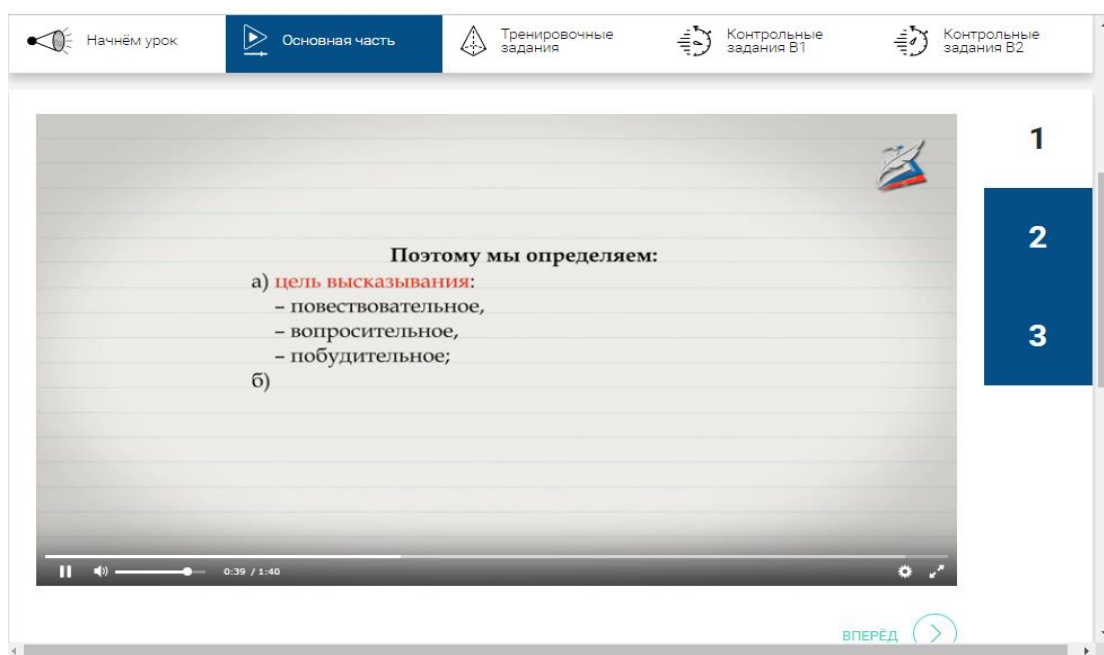

Рисунок 3.1 Российская электронная школа. Урок русского языка

Наиболее значимым в данном ресурсе представляется включение в урок блока тренировочных и контрольных заданий, которые не являются формальными и не имеют облегченного характера. Блок тренировочных заданий обычно включает себя ряд вопросов теоретического и практического характера. Для того, чтобы их выполнить, нужно разобраться в новой теме, при необходимости воспользоваться дополнительными источниками (рис. 3.2).

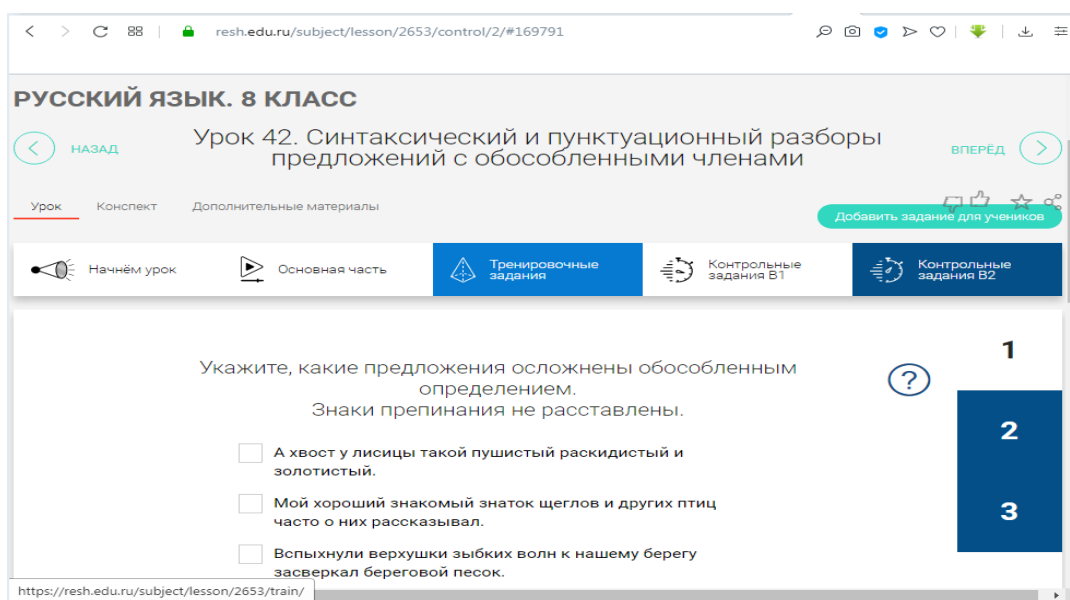

Рисунок 3.2 Российская электронная школа. Урок русского языка

Несомненным достоинством данной образовательной платформы является встроенный сервис проверки и оценивания ответов школьников, который позволяет учителю объективно и без больших временных затрат определить степень усвоения темы каждым школьником.

Чтобы быстро проверить знания учеников и не пересчитывать результаты вручную, можно использовать бесплатный многофункциональный сервис для проведения тестирования и обучения **Online Test Pad**. На этом сайте можно создавать как тесты, так и кроссворды, логические игры, опросы, комплексные задания. Таким образом, учитель видит результаты всех учеников и может отправлять дополнительные задания. Создавать тесты самому лучше, так как если брать чужой контент, то невозможно узнать результаты, они будут лишь у учеников и создателя теста (рис. 4).

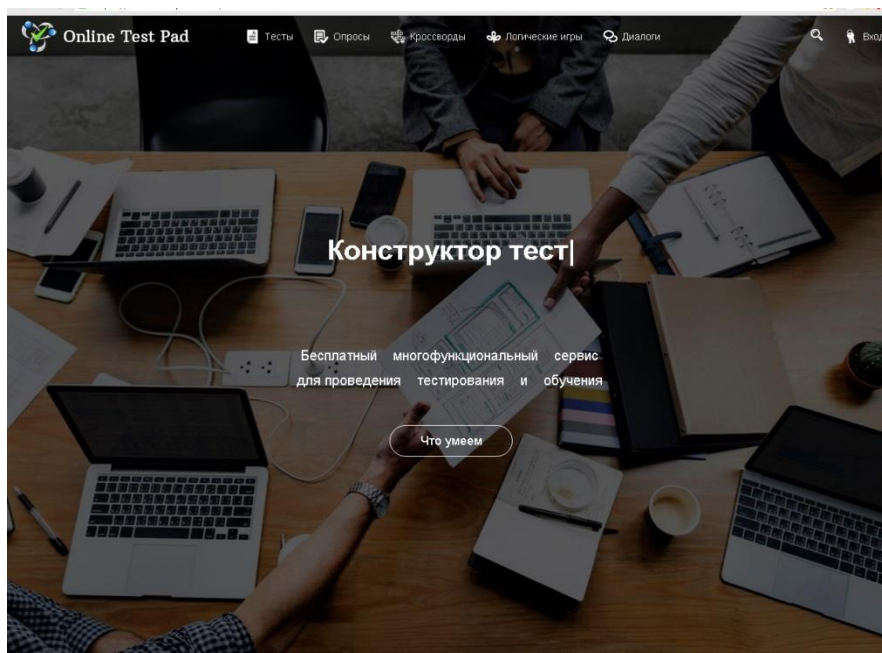

Рисунок 4. Online Test Pad

Использовать данные сайты и платформы можно на уроке, но в каждом классе свои ограничения по времени, которые прописаны в СанПиН – не более 10-15 минут, если используется только компьютер, без использования аудио. Если же подключаем к работе слуховые рецепторы, то работаем не 15, а 10 минут, чтобы не перенапрягать обучающихся.

Если при стандартном построении урока по ФГОС ученики работают самостоятельно, то с использованием различных платформ есть возможность разнообразить подачу материала, задействовать все виды памяти (зрительную, слуховую) и при этом формировать у учеников ИКТ-компетентность.

Тем не менее существуют определенные сложности в использовании ИКТ в процессе обучения. К ним обычно относят следующие. 1. Считать, что развитием ИКТ-компетентности у обучающихся должен заниматься учитель информатики, неправильно, так как, изучив рабочую программу, мы можем сделать вывод, что у информатики, как дисциплины, совершенно другие задачи. Обучающийся учится использовать различные Приложения, создавать картинки и прочее, но искать материал и использовать его может только учитель-предметник. 2. Следует помнить, что обучающимся лучше показать уже проверенные платформы, сайты и Приложения, в противном случае ученик са-

мостоятельно будет брать то, что попало под руку. 3. Приложение Stepik предполагает собой дистанционное обучение, поэтому на уроках русского языка мы не можем его использовать в качестве дополнительного задания.

Что же касается LearningApps, то здесь мы можем сделать различные задания и предложить ученикам пройти его, но данных мы не получим, так как эта платформа не предполагает никакого мониторинга знаний. Платформа Online Test Pad является более удобным сайтом для проверки знаний, потому что у учителя есть возможность самостоятельно регулировать тесты и получать сведения о прохождении заданий обучающимися (полученных оценках).

Существуют сайты, где можно приобрести электронные учебники. Многие методисты, учителя против такой формы занятий, но у нее есть свои преимущества: 1) с таким учебником ребенок может заниматься самостоятельно, впечатывая пропущенные буквы, слова, слушать лекции, пользоваться гиперссылками; 2) каждый обучающийся работает в своем темпе и сразу же видит, где допустил ошибки. Электронные учебники по русскому языку любого автора или демоверсию их можно приобрести на сайте **Lecta.ru** за определенную сумму на 500 дней, и этого достаточно на учебный год (рис. 5).

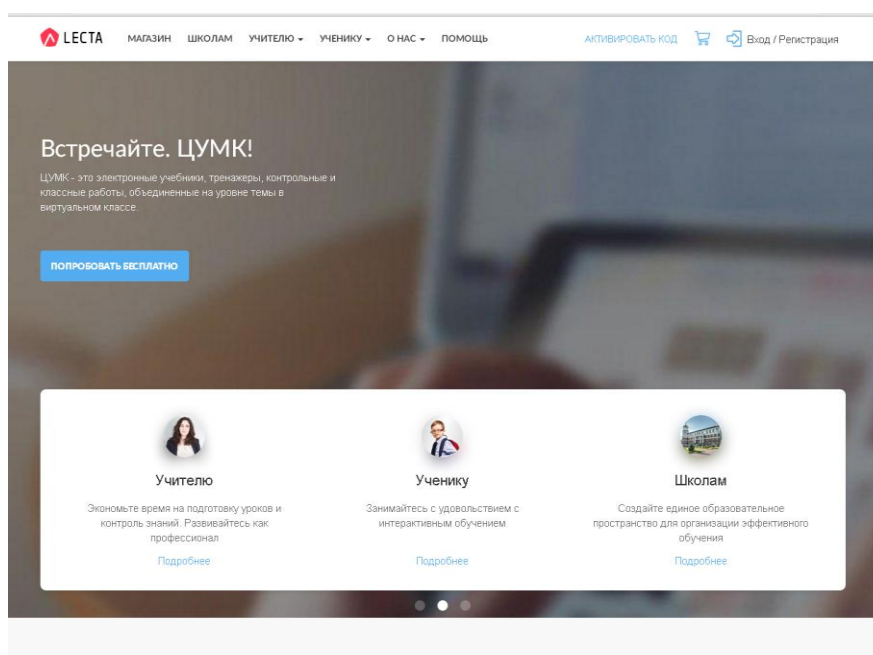

Рисунок 5. Lecta.ru

В сложных ситуациях, например, карантин, для организации процесса обучения, чтобы избежать отставания, можно договориться с родителями и использовать такую форму дистанционного обучения, как вебинар. Это возможно сделать через сайты **Webinar** и **TrueConf** – они просты в управлении и доступны каждому, у кого есть Интернет. Для всего мероприятия нужен компьютер с выходом в Интернет, вебкамера с микрофоном. Ученикам достаточно Интернета и компьютера. Через окно, где проходит вебинар, мы можем в чат скинуть ссылки на задания в **Online Test Pad** и проверить, как

ученики поняли тему. Мониторинг знаний будет в вашем личном кабинете на этом сайте.

Таким образом, на современном этапе образования использование информационно-коммуникационных технологий упрощает передачу сложной информации на расстоянии, проверку знаний, важно лишь педагогу самому овладеть этими технологиями и научить обучающихся выбирать надежные Интернет-источники.

Библиографический список:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // Федеральные государственные образовательные стандарты. – М.: Институт стратегических исследований в образовании РАО. – URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=959> (дата обращения: 20.03.2020). – Текст: электронный.

Н.И. Нос,
аспирант кафедры педагогики и психологии
АГППУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

BESONDERHEITEN DES BERUFSBEZOGENEN FREMDSPRACHENUNTERRICHTS AN DEN NICHTSPRACHLICHER FACHRICHTUNGEN

Der Fremdsprachenunterricht für die Studenten der nichtsprachlichen Fachrichtungen muss heute dem modernen Konzept des Sprachunterrichts entsprechen. Der staatliche Bildungsstandard der Hochschulbildung erfordert daher die Berücksichtigung der beruflichen Besonderheiten beim Unterrichten einer Fremdsprache, wobei der Schwerpunkt auf der Umsetzung der Aufgaben der künftigen beruflichen Tätigkeit der Absolventen liegt [1].

Viele Forscher bemerken, dass die Besonderheit beim Unterrichten einer Fremdsprache an den nichtsprachlichen Fachrichtungen darin besteht, dass die Fremdsprache hier nicht als ein Schwerpunkt gilt, sondern als ein angewandtes Fach.

Bedingt durch Reformprozesse gewinnt die Disziplin „Fremdsprache“ bei der Ausbildung von Fachkräften jedoch zunehmend an Bedeutung. Wenn man davon spricht, den Studenten berufsbezogene Kommunikation beizubringen, wird damit gemeint, dass ihre Bedürfnisse beim Erlernen einer Fremdsprache berücksichtigt werden sollen, die von den Merkmalen ihres zukünftigen Berufs bestimmt werden.

Bis vor kurzem war der berufsbezogene Fremdsprachenunterricht hauptsächlich daran orientiert, dass Studierende bestimmte Fachwörter entsprechend ihrer Fachrichtung lernen sollten. Infolgedessen waren die Absolventen häufig nicht imstande, an einer beruflichen interkulturellen Kommunikation teilzunehmen.

men. Es wurde deutlich, dass angesichts der steigenden Anforderungen an die Ausbildung eines Spezialisten andere Arten von Sprachaktivitäten auf einem höheren Niveau entwickelt werden sollen als bisher angenommen [2].

Daher besteht die Herausforderung für die Hochschullehrer, die Fähigkeiten und Fertigkeiten der Studierenden im Umgang mit einer Fremdsprache als Kommunikationsmittel im Bereich ihrer künftigen beruflichen Tätigkeit zu entwickeln [3]. Der Fremdsprachenunterricht für die Studenten der nichtsprachlichen Fakultäten erfolgt derzeit in der Regel folgenderweise. Das erste Studienjahr im Fach "Fremdsprache" ist auf die Lösung allgemeiner Bildungsprobleme gezielt, während das zweite Studienjahr durch die Einführung der Disziplinen "Fremdsprache im Berufsfeld", "Fremdsprache im Rechtsbereich" usw. auf die Lösung spezieller beruflicher Probleme konzentriert ist. Bei dieser Ausbildung wird davon ausgegangen, dass die Studierenden zu Beginn des zweiten Studienjahres bereits über bestimmte Kommunikationsfähigkeiten verfügen sollen, um die Fähigkeiten der professionellen Fremdsprachenkommunikation zu beherrschen [4].

Es sei betont, dass beim Unterrichten einer Fremdsprache an einer nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule folgende Merkmale beachtet werden sollen: die Lehrer haben fast immer mit Studenten zu tun, die zu Beginn ihres Studiums an der Universität über ganz unterschiedliche Sprachniveaus verfügen. So führen mangelnde grammatische und lexikalische Sprechfertigkeiten der Studierenden dazu, dass sie nicht imstande sind, in einer Fremdsprache zu kommunizieren und aufgrund des unterschiedlichen Sprachniveaus sich häufig unwohl fühlen und sogar Angst vor der Kommunikation haben.

Um dieses Problem zu lösen, übt man häufig im Fremdsprachenunterricht die Arbeit in Mikrogruppen, die innerhalb einer Gruppe von Studenten aufgrund ihrer Fremdsprachenkenntnisse gebildet werden. Darüber hinaus bereitet das Erlernen des Fachvokabulars in einer Fremdsprache besondere Schwierigkeiten. Dabei ist der Anteil des Präsenzunterrichts zum Erlernen einer so großen Menge an Lernstoff derzeit begrenzt und der Anteil des außerschulischen Unterrichts hat im Gegenteil zugenommen. Infolgedessen wird die Interaktion zwischen dem Lehrer und den Studenten rein formal.

Ein weiteres Merkmal des berufsbezogenen Fremdsprachenunterrichts an einer nichtsprachlichen Fakultät ist, dass der Lehrer einer Fremdsprache kein Spezialist in einem bestimmten Fachgebiet ist. Um den Studierenden berufsbezogene fremdsprachliche Kommunikation beizubringen, muss er mindestens über Grundkenntnisse in einem bestimmten Fachgebiet verfügen. Aufgrund der Unkenntnis der Besonderheiten des Fachs stoßen Lehrer häufig auf Schwierigkeiten.

Aber das Hauptproblem beim Unterrichten von der berufsbezogenen fremdsprachlichen Kommunikation ist unserer Meinung nach die geringe Motivation der Studenten zum Beherrschen einer Fremdsprache. So charakterisieren die Psychologen den ersten und den zweiten Studiengang als eine Zeit der sozialpsychologischen Anpassung, d. h. Anpassung der Studierenden an den Bildungsprozess sowie Eintritt in eine neue Gemeinschaft [5].

Daher können die Studierenden des 1. und 2. Studiengangs nicht richtig verstehen, welche beruflichen Aussichten sie durch die Beherrschung einer Fremdsprache in der Zukunft haben können. In dieser Hinsicht stimmen wir der Meinung von E.I. Passov zu, der glaubt, dass das Unterrichten unter „anti-motivationalen“ Bedingungen nicht wirksam ist [6].

Zusammenfassend sei es gesagt, dass nicht nur sprachliche Gründe den Lernprozess der Kommunikation in einer Fremdsprache behindern, sondern auch psychologische Gründe, nämlich: fehlende Motivation, Angst, Fehler zu machen, mangelnde Bereitschaft, Themen in der Gruppe zu diskutieren u.a. Angesichts der Tatsache, dass die Fremdsprache nur im 1. und 2. Studiengang erlernt wird, vergessen die Studenten normalerweise die Fremdsprache zum Ende der Ausbildung, wenn sie systematisch nicht geübt wird.

Deshalb stehen die Fremdsprachenlehrer vor folgenden Herausforderungen, und zwar Verbesserung des Lernprozesses, Entwicklung geeigneter Lehr- und Lernmaterialien, Organisation außerschulischer Aktivitäten von Studierenden zur Entwicklung von Kommunikationsfertigkeiten und vor allem die Verstärkung der Motivation der Studierenden, eine Fremdsprache zu beherrschen.

References:

1. Булатова, Д.В. Теоретические основы курса обучения иностранному языку внеязыковом вузе: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Д.В. Булатова. – М., 1999. – 521 с. – Текст: непосредственный.

2. Евтушенко, О.А. Специфика преподавания иностранного языка для студентов неязыковых вузов PR-отделений / О.А. Евтушенко, О.В. Топоркова // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2013. – Т. 14. – № 16 (119). – С. 99-102. – Текст: непосредственный.

3. Матухин, Д.Л. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку студентов лингвистических специальностей / Д.Л. Матухин // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 121-124. – Текст: непосредственный.

4. Осадчая, О.В. Специфика работы в разноуровневой группе студентов неязыкового вуза / О.В. Осадчая // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2010. – № 10 (111). – С. 102-106. – Текст: непосредственный.

5. Пассов, Е.И. Программа – концепция коммуникативного иноязычного образования «Развитие индивидуальности в диалоге культур» / Е.И. Пассов. – М.: Просвещение, 2000. – 154 с. – Текст: непосредственный.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.03 Гостиничное дело (Приказ Министерства образования и науки РФ от 08.06.2017). Режим доступа: <https://www.fgos.ru> (дата обращения: 10.03.2020). – Текст: электронный.

Д.С. Орлов,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Н.Н. Чусова,
старший преподаватель
кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск),
учитель истории и права
МБОУ «Гимназия №11» (г. Бийск)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
НЕЮРИДИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ**

Рассмотрены вопросы преподавания правовых дисциплин студентам неюридических направлений и профилей подготовки. Предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: право, проблемы преподавания, правопонимание, правовая подготовка, профессиональная деятельность педагога.

В условиях модернизации образования особая роль отводится вопросам повышения качества подготовки выпускников. При этом формирование в рамках учебно-воспитательного процесса конкурентоспособной личности, адекватно ориентирующейся в современном мире, невозможно без овладения ею необходимым комплексом правовых знаний, умений и навыков. Вместе с тем следует отметить, что восприятие права студентами-юристами и студентами неюридических направлений подготовки заметно отличается. В данной статье рассматриваются проблемы и особенности преподавания правовых дисциплин в неюридических образовательных учреждениях высшего образования.

С нашей точки зрения, преподавателю следует на самых первых занятиях выявить отношение студентов к праву и его роли в современном обществе. Как показывает практика, некоторые обучающиеся негативно высказываются о праве как о социальном регуляторе, относятся к правовым знаниям как к второстепенным, отвлекающим от обучения их основной специальности, по которой будет выдан диплом. В связи с этим преподавателю очень важно сформировать интерес студентов к изучению правовых дисциплин, обратить внимание на их значимость в дальнейшей профессиональной деятельности выпускника [1].

Одной из проблем преподавания дисциплин правового цикла является отсутствие единого понимания термина «право». Плюрализм подходов к правопониманию представляет определенную проблему в преподавании

юридических дисциплин. В частности, сторонники политологического подхода к праву делают акцент на изучении права как политического института. В данном случае приоритет отдается изучению государства, основ конституционного строя. С нашей точки зрения, такой подход к преподаванию дисциплины «Право» нельзя считать оптимальным, поскольку при подробном рассмотрении конституционного права почти неизученными остаются такие отрасли, как гражданское, семейное, трудовое право.

Сторонники социологического подхода акцентируют внимание на изучении «живого права», то есть системы правоотношений, поведения людей в сфере права. Этот подход характеризуется моделированием различных социальных ситуаций и их активным обсуждением. Нередко преподаватели-сторонники данного подхода делают уклон в сторону изучения неоднозначных социальных вопросов, по поводу которых в обществе нет единого мнения. С нашей точки зрения, оптимальным является гармоничное сочетание указанных подходов к пониманию и преподаванию права. Использование же только одного или двух подходов зачастую не позволяет достичь необходимого уровня правовой подготовки студентов неюридических профилей подготовки вузов.

Анализ учебных планов образовательных учреждений неюридических направлений и профилей позволяет выявить следующую проблему в преподавании правовых дисциплин - недостаточное количество времени для их освоения. При этом перечень требований к студенту по окончании изучения этой дисциплины является достаточно широким и включает в себя знание основных положений Конституции РФ, наличие представления об основных отраслях права РФ и др. В связи с этим становится актуальным вопрос об отборе преподавателем наиболее эффективных форм и методов работы. В работе Е.А. Певцовой утверждается, что «преподаватель права – один из важных субъектов обучающего процесса, от которого зависит, насколько грамотно и верно будет организовано правовое обучение и воспитание» [2: 164].

Подводя итог, необходимо отметить, что успешное решение указанных проблем сильно зависит от педагогического мастерства самого преподавателя, от его умения выявлять и разрешать возникающие в учебно-воспитательном процессе проблемы, использовать эффективные формы и методы работы, способствующие активизации познавательной деятельности студентов.

Библиографический список:

1. Лукаш, О.А. Проблемы преподавания правовых дисциплин в образовательных учреждениях неюридического профиля / О.А. Лукаш. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-prepodavaniya-pravovyh-distsiplin-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah-neyuridicheskogo-profilya> (дата обращения: 11.02.2020). – Текст: электронный.

2. **Певцова, Е.А.** Теория и методика обучения праву: учебник / Е.А. Певцова. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 400 с. – Текст непосредственный.

М.В. Ступкина,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков;
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Е.С. Яковлева,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков;
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск),
учитель иностранного языка
МБОУ «Гимназия №2» (г. Бийск)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛУХОПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

С 2018 года во всех российских школах была добавлена новая обязательная дисциплина - теперь учащиеся помимо основного иностранного языка (английского) изучают еще и второй иностранный. Основными факторами, влияющими на выбор второго иностранного языка, являются его статус в мире, престижность как средства общения, социальные или коммуникативные потребности граждан в его изучении. Поэтому чаще всего на роль второго иностранного языка выбираются немецкий, испанский и французский. Но благодаря стремительному развитию туризма, экономики, культуры Китая, растущему интересу к истории страны, благоприятным отношениям с Россией, изучение китайского языка становится все более актуальным. Так как в ближайшем будущем в самых различных отраслях потребуются специалисты, владеющие основами китайского языка. «Являясь элементом культуры народа-носителя данного языка и средством передачи ее другим, китайский язык способствует формированию у школьников целостной картины мира. Владение им повышает уровень гуманитарного образования школьников, способствует формированию личности и ее социальной адаптации в условиях постоянно меняющегося поликультурного мира» [1: 4]. Изучение иероглифической письменности развивает зрительную память, творческие способности, внимание. Освоение иероглифов имеет положительное влияние на развитие правого полушария головного мозга, поскольку иероглифы относятся к изобразительной письменности, в то время как изучение европейских языков, в том числе и английского, относящихся к алфавитной письменности, развивает левое полушарие головного мозга.

Целью обучения китайскому языку, как и любому другому иностранному, является формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся в совокупности ее составляющих: речевой, языковой,

социокультурной, компенсаторной и учебно-познавательной [2]. Но китайский язык в корне отличается от европейских языков (например, английского), поэтому учителя могут сталкиваться с определенными трудностями в выборе технологий и методов его преподавания.

Овладение иностранным языком, в том числе и китайским, начинается с изучения его фонетического строя, который включает в себя звуки, звукосочетания, ударение, ритм, интонацию, паузу, мелодику. Артикуляционная база китайского языка является более сложной (по сравнению с европейскими языками), поскольку здесь мы имеем дело не только с особенностями произношения звуков и звукосочетаний, но и с непривычным для нас модулированием речи, т.е. изменением тона голоса в каждом слоге [3]. Тон – в узком смысле этого слова – это частотная характеристика слога, его мелодическая окраска. В широком смысле под тоном следует понимать совокупность ряда акустических признаков – частота (регистр), интенсивность и длительность. Независимо от того, употребляются слоги самостоятельно, или как часть многосложных слов, в любом случае, все они характеризуются определенным тоном, который присущ слогу даже в изолированном виде, т.е. вне слова. Кроме того, тон в китайском языке выполняет смыслоразличительную функцию. Если в русском языке неправильно поставленное ударение в большинстве своем не влияет на понимание смысла, то в китайском языке оно не просто искажает смысл слова, а полностью меняет его. Именно поэтому на начальном этапе обучения китайскому языку нужно уделять как можно больше внимания формированию произносительных навыков.

Начиная обучение произношению китайского языка со знакомства со звуками и звукосочетаниями, учитель может придерживаться следующей модели: контекст – слово – звук. Также на уроках необходимо дифференцировать звуки, показывая учащимся разницу как между звуками родного и китайского языка, так и между похожими звуками иностранного языка; применять различные ассоциативные картинки, игры (например, «паровозик»), а также использовать «беззвучную артикуляцию». Все это помогает учащимся произносить звуки правильнее и лучше их запоминать. Если же у детей возникают некоторые затруднения с произнесением того или иного звука, интонационной модели, учитель может помочь им жестами или наглядно [1].

В процессе овладения китайской фонетикой учащиеся зачастую сопоставляют артикуляционные навыки родного языка с китайским. Но если учитывать, что в русском языке отсутствует такое понятие, как тон, то у учащихся могут возникать некоторые трудности его употребления. Чтобы избежать этих трудностей на начальном этапе обучения, учителя могут применять на своих уроках определенную технологию, разработанную И.М. Миланич. Эта технология предполагает следующую последовательность: сначала учащимся предлагается упражнение, в котором все слова по горизонтали группируются по тону первого слога; вертикальные столбцы в свою очередь группируют слова внутри каждой горизонтальной строки, но по тону второго слога.

	x - 1	x - 2	x - 3	x - 4	x - 0
1 - x	zhōngxīn	shāngtán	zāzuǐ	tōngxùn	qīzi
2 - x	wénzhāng	chéng rén	liánghǎo	shíxiàn	háizi
3 - x	kǎigē	biǎodá	jiǎnjǔ	yǐnyòng	nǎinai
4 - x	shàngbān	zànchéng	dīlǐ	bùkàn	mèimei

Второе фонетическое упражнение составлено из этой же самой лексики, но теперь она сгруппирована только по тону первого слова.

1 - x	2 - x	3 - x	4 - x
zhōngxīn	wénzhāng	kǎigē	shàngbān
shāngtán	chéng rén	biǎodá	zànchéng
zāzuǐ	liánghǎo	jiǎnjǔ	bùkàn
tōngxùn	shíxiàn	yǐnyòng	dīlǐ
qīzi	háizi	nǎinai	mèimei

Третье фонетическое упражнение представляет собой эту же лексику, разделенную на группы согласно тону второго слога в слове.

x - 1	x - 2	x - 3	x - 4	x - 0
zhōngxīn	shāngtán	zāzuǐ	tōngxùn	qīzi
wénzhāng	chéng rén	liánghǎo	shíxiàn	háizi
kǎigē	biǎodá	jiǎnjǔ	yǐnyòng	nǎinai
shàngbān	zànchéng	dīlǐ	bùkàn	mèimei

В четвертом упражнении слова сгруппированы по численности звуков в слове, а в пятом – последнем – упражнении слова располагаются в алфавитном порядке. Тренировка в произношении слов по подобным таблицам позволяет произвольно запоминать тональный рисунок новых слов и делает этот процесс более простым [1].

Обучение аутентичному произношению китайского языка включает в себя не только изучение тонов и звуков, но и изучение ударения, ритма, интонации, паузы, мелодики, а также различных фонетических явлений. Работа над всеми этими фонетическими элементами проводится одновременно с работой над лексическим и грамматическим аспектами языка. На начальном этапе учителя знакомят учащихся с особенностями фонетического строя китайского языка, проводят своего рода вводный фонетический курс, предлагают упражнения для обеспечения достаточной тренировки произношения. Но все это не является гарантией того, что через какое-то время дети не забудут правила произнесения тех или иных звуков, особенностей мелодики и ударения китайского языка. Именно поэтому на продвинутых этапах полученные ранее знания в области фонетики и произносительные навыки должны закрепляться и совершенствоваться. Для этого на уроках необходимо

предлагать учащимся различного рода упражнения, направленные на контроль сформированности слухопроизносительных навыков. Например:

- прослушать текст и обратить внимание на его ритмику, расстановку пауз;
- прослушать аудиозапись и тренировать произношение отдельных выделенных слов (слогов);
- прослушать запись и выполнить контрольное чтение текста;
- прочитать текст или диалог в унисон с диктором;
- прослушать текст и отметить количество повествовательных предложений;
- прослушать текст и выписать вопросительные предложения. Пояснить, чем они отличаются от других;
- прослушать диалог и отметить мелодическую структуру предложений с числительно-предметными словосочетаниями;
- найти в диалоге неполные предложения и объяснить особенность их произнесения;
- расставить паузы в тексте;
- ответить на вопросы к диалогу, используя нисходящую мелодию ответного предложения;
- прослушать диалог и подготовиться к чтению по ролям;
- разыграть диалог и т.д.

Таким образом, формирование произносительных навыков играет значимую роль в обучении китайскому языку как на начальном, так и на продвинутом этапе, так как неправильное произношение, некорректно интонированное слово или предложение может привести к непониманию со стороны слушающего. Но для того чтобы произношение стало аутентичным, недостаточно знать все о звуках китайского языка и обо всех его фонетических особенностях. Для этого требуются его регулярная тренировка и корректировка. И только интерес к овладению иностранным языком способен повысить уровень владения им, в том числе и правильным произношением.

Библиографический список:

1. **Масловец, О.А.** Основы обучения китайскому языку в вузе и школе: теория и практика / О.А. Масловец. – М.: Издательский дом ВКН, 2017. – 264 с. – Текст: непосредственный.
2. **Сизова, А.А.** Рабочие программы Второй иностранный язык предметной линии учебников «Время учить китайский!» / А.А. Сизова. – М.: Просвещение, 2019. – 222 с. – Текст: непосредственный.
3. **Задоевко, Т.П.** Основы китайского языка: вводный курс / Т.П. Задоевко, Хуан Шуин. – М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 271 с. – Текст: непосредственный.

Е.А. Хохлова,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
О.П. Казанцева,
кандидат филологических наук,
директор МБОУ «СОШ №6» (г. Бийск)

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Чтение – это самостоятельный вид речевой деятельности, связанный с восприятием и пониманием информации, закодированной графическими знаками. Основы этого важного вида речевой деятельности закладываются в начальных классах.

При обучении чтению во многих современных учебниках (например, учебник *Spotlight, Deutsch für Kinder*) предлагается метод целых слов. Согласно данному методу слово не разбирается на звуки, учащиеся соотносят зрительный образ целого слова с его звучанием. Новые слова вводят с помощью картинок, дети повторяют слова за учителем, диктором, учат слова, потом даются тексты (диалоги). Видя изученное слово в тексте, ребенок вспоминает, как оно звучит и может его прочитать. Метод целых слов можно использовать параллельно с изучением алфавита и звуков, не дожидаясь, пока все буквы будут изучены. Плюс метода также в том, что в английском чуть ли не половина слов читаются не по правилам, поэтому их нужно запомнить.

Данный метод работает, но не всегда, поскольку не у всех детей во втором классе развит фонематический слух и способность к звукоразличению. В результате у ребенка появляются трудности расшифровки – быстрого разбиения слова на буквы и обратного процесса синтеза букв в слово. Другими словами, ребенок не может быстро распознать само слово. В этом случае необходима дополнительная работа, которая направлена на отработку букв, звуков и слов.

Для отработки букв и звуков можно предложить учащимся следующие задания:

1. Соотнести прописные и строчные буквы алфавита. Буквы можно написать на одной карточке и учащиеся их соединяют. Данное задание можно представить в виде игры. Для этого вам понадобится 2 комплекта карточек - с прописными и строчными буквами. Разделите карточки со строчными буквами между детьми. Дети сидят за своими партами. Покажите детям прописную букву. Тот, у кого есть такая же строчная буква, встает и называет ее.

2. Составьте алфавит. Карточки с буквами алфавита делятся между детьми и включаем песню алфавита и останавливаем ее в любом месте. Детям предлагается разложить алфавит до того места, где вы остановили песню.

3. Назови букву. Вы прячете карточку с буквой под книгу и постепенно показываете ее так, чтобы она была видна учащимся. Тот, кто первым угадает, что это за буква, получает балл.

4. Угадай, что пропало. Напишите на доске 5 букв. Дети закрывают глаза, и вы стираете одну из букв. Дети должны вспомнить, какая буква была удалена.

5. Обведи букву b и подчеркни букву d. Посчитайте количество букв b и d. Можно предложить другие буквы, например “p” и “q” или “m” и “n”, т.е. те буквы, которые чаще всего путают.

6. Допиши недостающие буквы.

A__ DEF__ H__ JK__ NOP__ R__ TUV__ XY__

bc ef_ h_ jkl_ no__ rs_ uv_ xy_

7. Напиши слова строчными буквами (FOX, DOG, PEN, HUND, AFFE) или напиши слова прописными буквами (ball, lamp, frog, mit, aus).

8. Выбери слово со звуком [ð] thanks, elephant, photo, flag, this и впиши его в клеточки.

--	--	--	--

9. В каких словах буквосочетание th читается как [ð]. Соедини слово с кубиком.

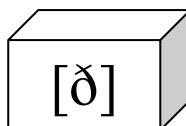
thumb

thanks

this

brother

bathroom

10. Раскрась шарики синим цветом, если в слове есть звук Прочитай слова.

11. Прослушай слова и обведи те, в которых услышишь звук

12. Собери ромашку. Дается звук, на лепестках ромашки написаны слова, из которых нужно выбрать слова с нужным звуком.

Для автоматизации лексических единиц можно предложить учащимся следующие игры:

1. «Дай мне, пожалуйста». Раскладываются карточки с картинками новых слов, и учитель просит дать ему нужную карточку.

2. «А это что такое»? Учитель закрывает карточку с картинкой и медленно начинает ее открывать или показывает очень быстро, ученики должны угадать, что изображено.

3. «Что пропало»? Карточки с картинками или словами выводятся на экран, учащиеся запоминают, закрывают глаза, учитель убирает одну карточку, учащиеся должны угадать, какая карточка пропала.

4. «Найди лишнее слово». Выкладываются карточки с картинками или словами и одно не связано с другим по какому-то признаку, надо его определить и назвать.

5. «Бинго». Ученик получает карточку, на которой написаны слова. Учитель называет слово. Учащиеся должны найти его на своей карточке и отметить. Главный победитель - тот, кто заполнил всю карточку.

После того, как были отработаны звуки и слова, начинаем работать с текстом (диалогом). Учитель или диктор читают его, задает вопросы, на которые учащиеся отвечают «да» или «нет», если уровень группы позволяет, можно задавать специальные вопросы. В случае необходимости переводим текст, затем отработываем чтение диалога вслух в разных режимах: повторяем хором за преподавателем, диктором, читаем в парах, по ролям.

На этом этапе очень важно читать вслух. Чтение вслух при обучении иностранному языку является средством развития техники чтения, а также позволяет контролировать формирование слуховых и ритмико-интонационных навыков. В результате чтения вслух учащиеся осваивают звуковую систему языка, учатся перекодировать визуальные сигналы в звуковые, сегментировать речевой поток на семантические группы. Навыки, приобретенные в процессе обучения чтению вслух, будут переходить в чтение про себя.

В заключение следует отметить, что описанный метод целых слов и задания, являющиеся частью работы над буквами, звуками и словами, актуальны при обучении любому иностранному языку, в данном случае как английскому, так и немецкому, относящимся к одной языковой семье и имеющим много общего.

Н.Н. Чусова,
старший преподаватель кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск),
учитель истории и права
МБОУ «Гимназия №11» (г. Бийск)

ФОРМИРОВАНИЕ УУД В РАМКАХ НОВЫХ СТАНДАРТОВ ФГОС СОО НА УРОКАХ ПРАВА

Главным положением ФГОС является формирование универсальных учебных действий, обеспечивающих умение учиться, способность к саморазвитию и самосовершенствованию. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования предполагает формирование личностных, предметных и метапредметных результатов у обучающихся. Так, освоение основной образовательной программы должно отражать патриотизм, гражданскую позицию, умение самостоятельно определять цели деятельности, умение продуктивно общаться, самостоятельно оценивать и принимать решения, определяющие стратегию поведения и многие другие компетенции. Современные школьники живут в условиях формирования новых тенденций образования, среди которых одной из основных является тенденция гуманитаризации. В связи с этими изменениями особое место принадлежит изучению предмета "права". В соответствии с ФГОС СОО требования к предметным результатам освоения курса права должно отражать сформированность представлений о роли, системе, структуре права, знания о россий-

ской правой системе, сформированность правового мышления, понимание юридической деятельности и многое другое [1].

Универсальные учебные действия – это совокупность способов действий обучающегося, которая обеспечивает его способность к самостоятельному усвоению новых знаний, включая и организацию самого процесса усвоения.

Важность универсальных учебных действий заключается не только в том, что ученики выполняют задания на уроках, а еще умеют пользоваться полученными навыками в повседневной жизни.

Регулятивные УУД обеспечивают возможность управления познавательной и учебной деятельностью посредством постановки целей, планирования, контроля, коррекции своих действий и оценки успешности усвоения [2]. Существует множество различных способов формирования регулятивных УУД в школе на уроках права. Основным из них является создание проблемной ситуации на уроке, именно в этой ситуации и возникают мыслительные процессы человека, ученик способен определить цель и задачи своей деятельности, разработать план и, конечно, по мере выполнения его, корректировать свои действия, давать оценку своим действиям.

Для того, чтобы данные компетенции были сформированы, учитель должен поощрять школьников, использовать разнообразные методы и приемы ("преднамеренные ошибки", дискуссия, взаимоконтроль, и т.д.). На уроках права в старшей школе формирование регулятивных компетенций успешно формируется через решение юридических задач с обязательной аргументацией во время решения.

Современный урок права имеет ряд отличительных особенностей. Чтобы он был эффективным, учителю следует обратить внимание на словесные, наглядные и практические методы обучения. На уроках права самым востребованным является работа с юридическим источником (составление плана, тезисов, схемы, кластера и т.д.). Эффективным является использование приемов технологии критического мышления (толстые и тонкие вопросы, маркировка текста, прием "рыбная кость" и т.д.).

Еще одним из эффективных методов, применяемым на уроках права является игра. Игра помогает формировать УУД, углубить знания учеников, повысить интерес и мотивацию к изучению предмета. Для старшеклассников актуальными является использование и электронных дидактических средств обучения, используемых учителями на уроках права (электронные учебники, интерактивные тренажеры, ресурсы интернета, всевозможные современные платформы для дистанционного обучения и др.)

Все вышеперечисленные приемы позволяют также формировать и личностные и коммуникативные компетенции у старшеклассников.

Личностные УУД связаны с умением учащихся соотносить поступки и события с принятыми принципами, знание моральных норм и умение выделить нравственную сторону поведения, а также умение правильно ориентироваться в обществе. Коммуникативные компетенции играют ключевую роль в умении ученика общаться, уметь слушать, вести диалог, участвовать в ре-

шении проблем, выстраивать сотрудничество, что особенно актуально в современном обществе. Развитию этих способностей помогают работы в группах, парах, участие в игровых формах деятельности на уроках и т.д.

Таким образом, формирование универсальных учебных действий в настоящее время является очень важным направлением современного образования. Требования, предъявляемые к поступающим в вузы, показывают, что необходимо формировать эти компетенции в старшей школе и относиться к ним со всей ответственностью и серьезностью. Для того, чтобы качественно сформировать все виды УУД на уроках права необходимо продуманно подбирать задания, где необходим поиск информации и проблема, которую ученик будет решать как самостоятельно, пользуясь источниками и советуясь с одноклассниками.

Библиографический список:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. №413). – URL: <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/> (дата обращения 20.04.2020). – Текст: электронный.

2. **Асмолов, А.Г.** Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская. – М.: Просвещение, 2013. – 159 с. – Текст: непосредственный.

КУЛЬТУРНОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Н.В. Виницкая,
кандидат искусствоведения, доцент кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
А.В. Литягина,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

THE PHILOSOPHY OF P.A. FLORENSKY

Philosophy is a special form of self-awareness of the people. It is beyond scientific spiritual of research of being. Great value in the Russian philosophy had Orthodox ethics, which can be explained by the peculiarity of its relations with secular government and the church; the latter never possessed such power in the sphere

of politics as in the West. That obviously affected her special role in the spiritual area. A huge impact on Russian thinkers had hesychasm, the focus on the understanding of the perfect fullness of life, to asceticism, the neglect of the material and reverence for spiritual entities. You can talk about the special relations between the Russian philosophy, and religion.

The turn of the century is usually becomes a kind of milestone, a point of reference in the world of culture. At the turn of XIX and XX century development of the art were particularly difficult. The clash between the trends and directions of art has never before reached such a pitch and tension, as at this time. The outgoing century has left a remarkable artistic legacy and tradition. Late romantic art has not lost its value, which had a significant influence on the culture and art of different countries, however, new artistic and philosophical trends had already declared themselves.

The inexorable coming of the industrial era threatened to turn the city and the people into the faceless, similar beings, and art, philosophy, and sometimes mystical practices as a form of salvation from this catastrophe, were hoped to the artists of that time. It was supposed to soften and spiritualize people. On this wave on the turn of the century in various art areas there is an interest in philosophical and religious topics. It is tried to find proved common humanity and for all the time the ideals, expressed in religious and spiritual outlook. In terms of developing the mechanistic direction of the twentieth century the appeal of traditional values, religious, existed for centuries the cult practices, the work of old masters and national professionals, was one of the ways to confront technicism and urbanization, threatening the standardization of culture.

Appeared under the sign of the "Russian cultural Renaissance", the national culture was an example of the concentration of various styles. The conquest of the "silver age" was destined to determine the future path of twentieth century art.

At this time a unique work of P. Florensky "the Philosophy of cult" appeared [1]. This work can help to understand, describe and explain the church service [2]. The author contrasts the man of the world and homo liturgius person inside the cult, a person living according to the cult. In this case, refers to hermits, saints, the people of this world, but living according to different rules. Their behavior different from the behavior of the laity – the purpose or the result of their spiritual heroism – one of the issues which are analyzed in the work. In the centre of the presented thoughts is the Church. In the circle of interest of the author of the Sacraments, their role and importance in the sanctification of nature, their symbolic nature, ontological and axiological essence. Human life is perceived as a series of ritual actions. The cult in its holistic and individual attributes (the cross, the altar, the water, the sounds of the bells) are described from the point of view of their ability of ierophania – organization of space.

From the Orthodox point, but a critical thinking of the researcher evaluated the works of Lermontov, and Byron, Tolstoy and Blok. In the Orthodox ideology of their work, rebellious and full of passions and doubts, does not fit. Their brilliant work is aimed at the denial of the Canon and ethos, balance and harmony. Bringing

the spirit of rebellion and denial, repeatedly multiplying them by force of talent, they take away not only from cult and faith, but the harmony of life in general.

Human life is described and analyzed as a system. The cult is as an organizing beginning inside it. The destruction of one element leads to the destruction of the entire system. Human life, in which the cult was the organizing principle, main and integral part of life, contrasted with a kaleidoscope of events and disparate forms of "pursuit" of person, has gone from the cult.

Florensky is interested in as a Church anthropological Canon, as its violation. He described and analyzed the forms of worship in Orthodoxy, Catholicism, Judaism. Violations of the Canon is able to implement the freedom of manifestation of the human spirit. Florensky, however, acts as a supporter of Canon and reveals his spiritual depth. Cult, ritual, holiday are the ways out of the ordinary and usual flow of life, the opportunities to return to the first principle, methods of harmonization and "organizing" of their own existence, giving its value and meaning. The loss of the meaning of life and sense of vocation – that seems the main tragedy of the individual and society.

The participation in the cult has a certain irrational inclination, which is useful. The author calls to the wisdom that leads to faith, but does not turn away from it. As the son of his time he understands the terrible threat lurking in the endless contradictions between science and faith, knowledge and feeling. But as an Orthodox philosopher he sees a way for the human mind in the age of crisis and madness in religion, in faith, in the preservation of the cult. The cult is seen as an opportunity of consecration of space and time, as a way of organizing them and the way of sanctifying reality.

Florensky wrote his works in the heyday of symbolism, he gave it a certain tribute. The symbol is represented by a user of the divine essence and connected with the transcendental world. A similar interpretation of the character was consistent with the spiritual atmosphere, mystical and sophisticated, which was riddled Russian symbolism at the beginning of the last century. His works resonate with the research of A. Losev and A. Bely, with rebellious poetry of Alexander Blok and spiritual quests cosmists. He banishes dry, rebellious thoughts out of theological speech and returns to the faith. Florensky was one of those religious thinkers who had already in the first decades of the twentieth century understood the need to overcome denominational boundaries and the importance of joining Christian churches. That is not only Orthodoxy was analysed. That is why there is not any antagonism in the described or mentioned religions.

In the Florensky's work a new phenomenon and a type of consciousness, to absorb philosophical and theological thought are shown. His works should be analyzed in the context of the era. His desire to shocking and installation in direct communication with the audience bring him closer to the forefront. Subtle psychology, the balance between esotericism and skepticism, but the search for eternal fundamentals of human existence are all traits of a brilliant and polystylistical the Silver age, bright representative of which was father Pavel Florensky.

References:

1. **Флоренский, П.А.** История создания цикла «Философия культа (опыт православной антропологии)» / П.А. Флоренский // Философия культа. Собрание сочинений. – М.: Мысль, 2004. – 684 с. – Текст: непосредственный.
2. **Флоренский, П.А.** Философия культа // Богословские труды.– Сб. 17. – М.: Издание Московской патриархии, 1977. – С. 195-248. – Текст: непосредственный.

А.И. Колмогоров,
старший преподаватель кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С СИНЬЦЗЯНОМ В 20-Х-30-Х ГГ. XX ВЕКА

Первая мировая война, Октябрьская революция и последовавшая затем гражданская война привели к резкому сокращению торгово-экономических связей молодого советского государства с большинством бывших партнеров царской России. Советскому правительству приходилось восстанавливать эти отношения заново, в условиях дипломатической и экономической блокады и отсутствия квалифицированных кадров. Сложной проблемой являлось и то, что, разрушенная многолетним гражданским противостоянием и иностранной интервенцией экономика страны была не в состоянии прокормить и обеспечить товарами первой необходимости даже собственное население, тем более поставлять на мировой рынок конкурентно способную отечественную продукцию. Не стали исключением в этом ряду проблем и отношения России с Китаем, в частности с крупнейшей провинцией этой страны – Синьцзяном. Тем не менее, именно Синьцзян уже на заключительном этапе гражданской войны начал занимать в планах советского руководства по восстановлению внешнеэкономической деятельности особое место. Синьцзян являлся одним из наиболее отсталых в экономическом отношении регионов Китая, не имевших сколь-нибудь серьезной промышленной базы, но обладавшего в то же время большими сырьевыми ресурсами, в которых остро нуждались восстанавливаемые российские предприятия. Кроме того, провинция могла поставлять продовольствие, в частности мясо, жиры, фрукты и даже небольшие объемы зерновых. Одновременно с этим сам Синьцзян представлял собой огромный рынок сбыта для российских промышленных товаров, которые, несмотря на низкое качество и весьма ограниченный ассортимент устраивали население провинции. Географическая близость и относительно удобные коммуникации снижали транспортные расходы и обес-

печивали приемлемые сроки доставки товаров. Наконец, многонациональное население провинции, на территории которой, начиная со второй половины XIX и вплоть до начала первой мировой войны Россия обладала торговой и политической доминантой, относилось к восстановлению торговых отношений весьма положительно [1].

Следует отметить, что, экономический кризис, вызванный разрывом торгово-экономических отношений с Россией, усугублялся деятельностью администрации провинции. Местное руководство во главе с губернатором Ян Цзэнсином, в годы гражданской войны в России объявило о своем нейтралитете по отношению к противоборствующим сторонам, и опасаясь экспорта революции на собственную территорию, закрыло границу между Синьцзяном и среднеазиатскими областями России. Тем самым усугубив и без того тяжелое положение собственного населения [2].

Более настойчивые и продуктивные попытки реанимировать двухстороннюю торговлю начали предприниматься советскими заинтересованными организациями с 1923 года.

К этому времени была прорвана экономическая блокада, и СССР был признан де-факто, а в отдельных случаях, как например, в отношениях с Германией и де-юре. Осуществляемая советским руководством новая экономическая политика давала свои результаты. В экономической сфере наметился рост промышленного производства. Это, в свою очередь, требовало увеличения поставок сырья, значительная часть которого в дореволюционный период поступала из Синьцзяна.

В поисках путей увеличения таких поставок из Синьцзяна в Советском Союзе стали предприниматься попытки вернуть к жизни ярмарочную форму торговли. Советское государство было заинтересовано в возобновлении работы приграничных ярмарок еще и потому, что с их помощью было возможно привлечь к участию в торговле непосредственных держателей сырья – китайское купечество. Первым шагом в реализации данной задачи стало восстановление деятельности наиболее востребованных, благодаря географическому положению, Куяндинской и Каркаринской ярмарок. Политика советских властей была направлена на создание благоприятных условий для успешного развития деятельности этих ярмарок. Одним из этих условий стало предоставление льгот купцам, изъявлявшим желание осуществлять торговые сделки с советскими организациями. Советские власти небезосновательно считали, что дальнейшее расширение предоставляемых китайскому купечеству льгот будет способствовать развитию торговли с китайской провинцией Синьцзян в целом [3].

Улучшение советско-китайских связей и восстановление в 1924 году дипломатических отношений, определило новый этап в развитии и укрепления торгово-экономического сотрудничества советского государства с Синьцзяном. В этот период увеличиваются объемы торговых операций, предоставляются выгодные условия для китайских купцов. С 1924 по 1929 годы наблюдается заметный рост ассортимента и количественных показателей,

поставляемых синьцзянскими купцами товаров. К 1926 году двусторонний товарооборот достиг уровня, существовавшего до первой мировой войны. Необходимо, однако, отметить, что торговля между СССР и Синьцзяном в это время строилась по принципу товарного обмена или бартера. В обмен на различный вид сырья, поставляемого синьцзянскими купцами и фирмами, советские торговые организации завозили в провинцию промышленные изделия и продукты, не производимые в самом Синьцзяне. Завершение в 1930 году строительства Туркестано-Сибирской железной дороги, связавшей советскую Среднюю Азию с Сибирью, дало возможность товарам из провинции Синьцзян напрямую поступать в Советский Союз. До этого синьцзянский экспорт во многом ориентировался на восточные морские китайские порты [4].

В связи с отсутствием полномасштабного договора о торгово-экономическом сотрудничестве между Советским Союзом и Китаем администрация Синьцзяна решила заключить отдельный договор между провинцией и советским государством. В результате состоявшихся переговоров 1 октября 1931 года произошел обмен письмами между уполномоченным министерства иностранных дел Национального правительства в Синьцзяне и уполномоченным Народного комиссариата иностранных дел СССР. Условия, временно заменявшие торговое соглашение, освещали все главные вопросы торговых отношений в регионе. Согласно им, например, товарооборот и пассажирское сообщение с 1 октября 1931 года направлялись через пограничные пункты: Иркештам или Турургат, Хоргос, Вахты и Дзимунай (Май – Копчегой). Синьцзянское правительство позволило советским хозяйственным организациям и советским гражданам свободно вести торговлю в Кашгарском, Илийском, Тарбагатайском, Алтайском и Урумчинском округах. Губернатор Синьцзяна генерал Шэн Шицай, который пришел к власти в ходе национально-освободительного движения коренных народов провинции 1931-1934 гг. в первый период своего правления проводил политику, направленную на улучшение положения населения неханьских национальностей. Местные купцы (уйгуры, дунгане и др.) были уравнены в правах с китайскими, что дало им возможность свободно торговать с СССР. В свою очередь, советское правительство разрешило безлицензионный ввоз китайских товаров на свою территорию через советско-синьцзянскую границу. Оно также позволило китайским и местным синьцзянским фирмам торговать на среднеазиатских и нижегородской ярмарках [5].

Льготные условия, предоставляемые торговым фирмам провинции советской стороной, отвечали интересам генерала Шэн Шицай. Он намеревался превратить Синьцзян в провинцию с высоким культурным уровнем населения и серьезным экономическим потенциалом. Сделать это в сложившихся обстоятельствах можно было только с помощью Советского Союза. Таким образом в период с начала 1920-х и до середины 30-х гг. XX в. Советский Союз не только полностью восстановил объемы торгово-экономического сотрудничества царской России, существовавшие до Первой мировой войны,

но и сумел значительно превзойти их. Это позволило советскому государству укрепить в провинции свое экономическое и политическое влияние и не допустить закрепления в регионе позиций Англии, Японии, Германии и США.

Библиографический список:

1. **Галенович, Ю.М.** «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений от октября 1917 г. до октября 1949 г. / Ю.М. Галенович. – Том 1. – М., 1992. – 168 с. – Текст: непосредственный.
2. **Бармин, В.А.** Советский Союз и Синьцзянь 1918-1941 гг. / В.А. Бармин. – Барнаул, 1998. – 188 с. – Текст: непосредственный.
3. **Воскресенский, А.Д.** Россия и Китай: Теория межгосударственных отношений / А.Д. Воскресенский. – М.: 1999. – 405 с. – Текст: непосредственный.
4. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф 0/100-в. Оп.4-а. П. 1. Д. 1. Л. 29. – Текст: непосредственный.
5. **Шеметова, Т.А.** Восстановление приграничной ярморочной торговли с Китайской провинцией Синьцзян в начале 20-х годов XX века: проблемы и перспективы / Т.А. Шеметова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – 2011. – № 8 (14): в 4-х ч. – Ч. III. – С. 209-212. – Текст непосредственный.

Е.В. Метель,
старший преподаватель кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск),
преподаватель
КГБПОУ «Бийский государственный колледж» (г. Бийск)

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 151 УК РФ

Происходящие в настоящее время негативные дестабилизирующие явления в жизни нашей страны, духовный кризис общества сопровождаются всплеском преступности в целом. В этих условиях особую тревогу вызывает преступность несовершеннолетних, которая обнаруживает устойчивые тенденции к негативному изменению своих качественных и количественных характеристик.

За последние два года уровень преступности несовершеннолетних превысил 2 тысячи преступлений на 100 тысяч человек населения в возрасте 14-17 лет, тогда как этот показатель для взрослых на то же количество населения

не достигает 1,5 тысячи преступлений. Темпы прироста числа несовершеннолетних, совершивших преступления, оказались почти в 7 раз выше, чем в прошлом году и составили 11,3 %. Подростками и при их соучастии совершено 208,3 тыс. уголовно-наказуемых деяний (+ 10 %) или почти каждое десятое из числа раскрытых. Свыше 80 % раскрытых преступлений, совершенных несовершеннолетними, относятся к категории тяжких и особо тяжких, что почти, на треть больше, чем у взрослой категории правонарушителей [1].

Согласно статье 151 УК РФ [2], вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий – осознанное создание взрослым условий, при которых несовершеннолетний будет вынужден либо захочет выполнить антиобщественные деяния. Под антиобщественными деяниями следует понимать: систематическое употребление напитков, содержащих алкоголь, неоднократный прием веществ/медикаментов, приводящих к одурманиванию сознания, бродяжничество, проституцию, попрошайничество.

Общественная опасность деяния выражается в разрушении нравственности несовершеннолетнего, возникновении у него привычки к антиобщественному, противоправному образу жизни, который может стать благоприятной почвой для совершения преступлений. Употребление алкогольных напитков и одурманивающих веществ в раннем возрасте наносит существенный вред физическому и психическому развитию несовершеннолетних, нередко приводит к заболеванию хроническим алкоголизмом. Бродяжничество и попрошайничество нарушают нормальное развитие и формирование личности несовершеннолетнего, препятствует учебе и развивает паразитические наклонности. Потерпевшим от преступления может быть только лицо, не достигшее совершеннолетия.

Согласно ст. 38 Конституции РФ [3] материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних, защита их законных прав и интересов – одно из основных направлений деятельности государства. Проявлением такой защиты является, например, установление уголовно-правового запрета негативного влияния взрослых лиц на несовершеннолетних [4; 5: 21].

Ст. 151 УК РФ расположена в разделе VII «Преступления против личности», в отличие от ранее существовавшей ст. 210 УК РСФСР (1960 г.) [6], находившейся в главе 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Такой подход законодателя означает, что указанное преступление причиняет вред, прежде всего, самому несовершеннолетнему как личности, а не общественному порядку, обеспечивающему нормальное развитие несовершеннолетнего.

На наш взгляд, отнесение интересов развивающейся и формирующейся личности несовершеннолетнего к родовому объекту группы преступлений, которые включены в раздел VII УК РФ, является важным шагом в развитии отечественного уголовного законодательства [7: 214].

Данная позиция государства отражает закрепленную в Конституции РФ иерархию охраняемых законом человеческих ценностей, в которой личность,

ее права и свободы поставлены на первое место. Таким образом, родовым объектом следует считать общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование личности [8: 97].

Г.М. Миньковский и Г.З. Брускин [9: 30] считают, что основным непосредственным объектом преступного посягательства при вовлечении несовершеннолетнего в антиобщественные действия является правильное воспитание и нормальное духовное и физическое развитие конкретного несовершеннолетнего. При вовлечении в любое преступление снижается эффективность совместных усилий семьи, школы и общественности, направленных на воспитание подростка в духе нравственных принципов нашего общества, формируется или усиливается нравственная деформация личности.

По мнению А.В. Осипьян, основным непосредственным объектом рассматриваемого деяния следует признать общественные отношения, обеспечивающие право несовершеннолетнего на защиту от информации, наносящей вред его нравственному и духовному развитию [10: 63].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основным непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественные действия следует признать общественные отношения, обеспечивающие правильное воспитание несовершеннолетнего, а также его гармоничное нравственное и духовное развитие [11: 467-470].

Вместе с тем представляется, что общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое развитие несовершеннолетнего, будут выступать основным непосредственным объектом только в случае вовлечения в систематическое употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ.

Действительно, систематическое употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ оказывает отравляющее воздействие на неокрепший организм подростка. Алкоголизм и токсикомания у несовершеннолетних формируются быстрее, чем у взрослых, принимают тяжелые формы и трудно излечиваются. По мнению Т. А. Олейниковой [12: 53], под факультативным объектом преступления следует понимать общественные отношения, охраняющие общественный порядок, но только в случае, когда несовершеннолетний был вовлечен в бродяжничество и попрошайничество.

Вряд ли следует согласиться с такой позицией автора, поскольку бродяжничество и попрошайничество не относятся к уголовно наказуемым деяниям. В части 3 ст. 151 УК РФ устанавливается повышенная уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий с применением насилия или угрозы его применения. В этой уголовно-правовой норме жизнь, здоровье или телесная неприкосновенность должны, на наш взгляд, восприниматься как факультативный объект преступления [13: 312].

При рассмотрении объекта преступления, указанного в ст. 151 УК РФ, необходимо уделить особое внимание потерпевшему, поскольку его характе-

ристика имеет значение для квалификации. Трудности возникают при определении возрастного критерия потерпевшего.

Согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ [14] несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. Однако положение этой нормы распространяется на несовершеннолетних, являющихся субъектом преступления. Вместе с тем действующая редакция ст. 151 УК РФ не устанавливает минимальный возраст потерпевшего при совершении данного преступления [15: 177].

В уголовно-правовой науке данный вопрос практически не вызывает споров, в отличие от вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. При вовлечении в систематическое употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ возраст несовершеннолетнего может быть любым, поскольку, чем моложе организм потерпевшего, тем более пагубное воздействие на него оказывают названные препараты. Однако не всякое вовлечение несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством или попрошайничеством влечет уголовную ответственность.

Так, в ситуациях, когда лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, использует при попрошайничестве малолетнего либо вместе с таким ребенком бродяжничает [16], основной непосредственный объект, на наш взгляд, не будет поставлен под угрозу.

По мнению А. Кладкова и Т. Суспицыной, вовлекаемый должен осознавать фактическую, но не обязан понимать социальную сторону деяния. Авторы указывают, что если «вовлекаемый был не способен понимать фактической стороны деяния, в совершение которого его вовлекли, как в случаях с очень малолетними детьми, то нет и ответственности по ст. ст. 150, 151 УК» [17: 34-38].

С такой позицией можно согласиться, но лишь в части вовлечения несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством или попрошайничеством. Таким образом, границу минимального возраста несовершеннолетнего, вовлекаемого в занятие бродяжничеством или попрошайничеством, законодательно определить практически невозможно, однако в каждом конкретном случае органы предварительного расследования и суд должны устанавливать, понимал ли несовершеннолетний фактический характер действий, в которые он вовлечен взрослым.

Библиографический список:

1. Данные ГИАЦ МВД РФ за 2008-2015 гг. Официальный сайт МВД РФ. – URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 15.01.2020). – Текст: электронный.
2. **Российская Федерация. Законы.** Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. – 1996. – 25 июня. – Текст: непосредственный.

3. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398. – Текст: непосредственный.

4. **Российская Федерация. Законы.** Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. – 1996. – 25 июня. – Текст: непосредственный.

5. **Ахмедова, С.Ш.** Ответственность за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в анти-общественную деятельность: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук / С.Ш. Ахмедова. Волгоград, 2001. – 210 с. – Текст: непосредственный.

6. **Российская Федерация. Законы.** Уголовный кодекс РСФСР (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591. – Текст: непосредственный.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Верхов. Суд РФ, отв. ред. В. М. Лебедев. 4-е изд. – М., 2015. – 214 с. – Текст: непосредственный.

8. Уголовное право РФ. Особенная часть / Отв. ред. Здравомыслов Б.В. – М.: Юристъ, 2015. – 97 с. – Текст: непосредственный.

9. **Миньковский, Г.М.** Общая характеристика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и иное антиобщественное поведение: сборник научных трудов / Г.М. Миньковский, Г.З. Брускин. – М., 1981. – 30 с. – Текст: непосредственный.

10. **Осипьян, А.В.** Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. ... канд. юридических наук: 12.00.08 / А.В. Осипьян. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 63. – Текст: непосредственный.

11. **Степенко, В.Е.** Совершенствование уголовной ответственности за преступления против несовершеннолетних / В.Е. Степенко, О.М. Юсифов // Ученые заметки ТОГУ. – 2014. – №4. – С. 467-470. – Текст: непосредственный.

12. **Олейникова, Т.А.** Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий: Уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юридических наук: 12.00.08 / Т.А. Олейникова. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 53. Текст: непосредственный.

13. Российское уголовное право. В двух томах. Том 2. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. – М.: Профобразование, 2015. – 312 с. – Текст: непосредственный.

14. **Российская Федерация. Законы.** Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. – 1996. – 25 июня. – Текст: непосредственный.

15. Российское уголовное право. в 2 т. Учебник / Под ред. В.С. Комиссарова. – М.: Инфра-М. 2014. – 177 с. – Текст: непосредственный.

16. **Российская Федерация. Законы.** Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. – 1996. – 25 июня. – Текст: непосредственный.

17. **Кладков, А.В.** Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК РФ) / А.В. Кладков, Т.И. Суспицина // Уголовное право. – 2002. – С. 34-38. – Текст: непосредственный.

И.В. Никитина,
доктор философских наук, профессор кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

«МЕНТАЛЬНОСТЬ» И «МЕНТАЛИТЕТ» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Термин «менталитет» является «визитной карточкой» французской школы «Новой исторической науки». Но стоящий за этим феномен был известен и ранее, как предмет дискуссий о «национальном духе», «самобытности» и «народности» культуры в русле рассуждений о роли искусства в обществе либо в связи с тематикой философии православия и философии истории (проблемы особого пути России).

По мере развития таких наук, как социология и социальная психология, менталитет начинает рассматриваться как социально-психологический феномен. Так, например, в работах болгарского исследователя Мирослава Василева это подвижная и изменчивая среда, ситуативная и субъективная, принимающая форму слухов, мнений, представлений, эмоционально окрашенной и осознанной лишь частично атмосферы определенного типа общества или определенной эпохи [1]. По существу сам феномен такой подвижной среды рассматривается и в работах советских авторов, таких, как Б.Д. Парыгин, А.К. Уледов [2; 3], но термин «менталитет» при этом не используется, и акцент делается на социальной обусловленности настроения эпохи, связи общественной психологии и идеологии или о способах регуляции образа жизни с помощью общественного мнения, обычаев и традиций, безусловно, связанных с менталитетом, но не совпадающих с ним.

После того, как отечественным ученым становятся доступны работы «Новой исторической школы», термин «mentality» раздваивается: на «менталитет» и «ментальность». При этом одни авторы под менталитетом понимают подвижную среду, включающую слухи, сплетни, настроения эпохи, то есть состояния нестабильные и ограниченные временными рамками, другие же связывают менталитет с историко-культурным типом либо определяют менталитет как направленность сознания, поведения и деятельности, харак-

терные для данного этноса, то есть как нечто устойчивое и повторяющееся в его истории, фактически отождествляя ментальность и менталитет. Это взгляд социолога на надличностные, коллективные качества народа [4: 12-13].

Для культуролога Г. Гачева ментальность – постоянные, устойчивые характеристики национального характера; для социолога К.Б. Соколова ментальность раскрывается через «структуры повседневности»: формы быта, нравов и эстетических пристрастий, отличающие большие субкультуры друг от друга, а не качество культуры как целого [5; 6].

Имеется также и трактовка феномена «mentalite» как связующего звена внутренней, духовной жизни народа и внешних форм его жизни как нации. В западной литературе при этом акцент делается на связь этничности с мифами и символами культуры, а нации – с государственностью и национальным самосознанием. При этом нация может рассматриваться как воображаемое сообщество, для которого духовная сторона – доминанта [7]; как социальный конструкт, формируемый элитой (так называемая «гражданская нация» в трактовке модернистов [8]); как социокультурный феномен, развивающийся от этничности к национальности, в своих истоках тесно связанный с менталитетом [9].

В силу наличия такого множества аспектов, не сводимых к общему знаменателю, так нелегко указать место и раскрыть роль менталитета в социокультурной системе с ее тремя измерениями: технологией, обществом и культурой. В отличие от социальной психологии, здесь на первый план выходят повторяющиеся, устойчивые черты, авто- и гетеростереотипы, определяющие как самосознание культур, так и их отношения друг к другу. Это выражается как в повседневных, бытовых представлениях людей разных национальностей друг о друге, так и в этнографических, антропологических и культурологических исследованиях этничности, этносов, наций, национальностей, национального характера и т.д. [10].

Если в европейских языках акцент на изменчивости или, напротив, повторяемости единого термина («mentalite») задается контекстом, то в русском языке термин предстает то как «ментальность», то как «менталитет». В отечественной литературе они могут использоваться как синонимы [11: 64-70, 75-76 и др.], либо предпочитается один из них.

С одной стороны, менталитет – «архив» истории культуры, который содержит набор стереотипных реакций на повторяющиеся ситуации, являясь посредником между «природой первой» и «природой второй». В нем закрепляется опыт адаптации культуры к климату, почвам, географической среде вкупе с оправдавшими себя способами переделки среды, приспособления ее к культуре. Этот опыт представлен в виде мифов, традиций, образа жизни, определяя настоящее и влияя на будущее не только непосредственно в качестве алгоритма действия, но и опосредованно, через ценности, мотивы к действию людей, создаваемые системой смыслов, конституируемых культурой на основе ее менталитета.

Он отражается и закрепляется в фольклоре, а позже частично становится предметом рефлексии через систему ценностей, передаваемых через символы культуры и ее артефакты [12]. При этом акцент может делаться как на изменчивости способов истолкования описанных выше феноменов, так и на их этно-символической природе, закономерно определяющей содержание и форму исторического процесса развития наций и национального сознания на основе природной этничности, помноженной на государственность, роли их неизменного ядра, архетипов и стереотипов, передающихся по традиции из поколения в поколение и выступающих основой образа жизни как человека, так и сообщества [13].

Каждый из этих подходов имеет право на существование и может быть обоснован в зависимости от задачи, которые ставятся в конкретном исследовании. Так, если цель – национальная картина мира, в которой переплетаются ситуативная, изменчивая сторона (ментальность) и стереотипные, типичные для данного национального характера черты (менталитет), второе воспринимается только в связи с первым и через это первое, и выбор одного из двух терминов (по желанию автора) может быть оправдан. Здесь более важно, чтобы автор чувствовал культуру изнутри, даже если она контрастна по отношению к его собственной, чтобы отношения с ней выстраивались как диалогические.

С другой стороны, если ставится задача разграничить относительно неизменное, постоянно воспроизводимое ядро символов и ценностей данной культуры от ситуативного, меняющегося, эмоционального, нерелективного слоя «mentality», связанного с коллективным бессознательным, тогда расхождение значений терминов «менталитета» и «ментальности» становится если не принципиальным, то, по крайней мере, значимым [14: 107]. «Менталитет» при этом рассматривается как постоянное ядро культуры, субстанциональное, воспроизводимое из поколения в поколение, в котором выражаются общие черты культуры, а «ментальность» как нечто производное, специфическое, ситуативное, подвижное, относительно кратковременное состояние менталитета.

На наш взгляд, отношение между ними аналогично тому, что существует между классикой фольклора и современными его формами, которые в каждый момент истории народа чрезвычайно подвижны и изменчивы, существуя в тесной взаимосвязи с повседневным опытом бытия, представляя обыденное художественное сознание народа и его эстетическую практику. Историческая дистанция отбирает из этого весьма неоднородного по качеству материала то, что соответствует традиции или является формой ее обновления и развития, но при этом не противоречит неписанному моральному кодексу данного этноса и обладает эстетической ценностью. По отношению к своему историческому ядру современный фольклор, с одной стороны, является производным и вариативным, отражая опыт повседневной жизни, а с другой – он является источником пополнения классики на каждом витке истории.

Библиографический список:

1. **Василев Мирослав.** Менталността на културата като социалнопсихологичен проблем / Мирослав Василев // Философска мисъл.- Г. 45. – Кн. 12. – 1989. – С. 76-82. – Текст: непосредственный.
2. **Парыгин, Б.Д.** Общественное настроение / Б.Д. Парыгин. – М.: Мысль, 1966. – 327 с. – Текст: непосредственный.
3. **Уледов, А.К.** Общественная психология и идеология: монография / А.К. Уледов. – М.: Мысль, 1985. – 268 с. – Текст: непосредственный.
4. **Соколов, В.М.** Российская ментальность и исторические пути отечества: Записки социолога / В.М. Соколов. – М.: Изд-во РАГС, 2007. – 248 с. – Текст: непосредственный.
5. **Гачев, Г.Д.** Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с. – Текст: непосредственный.
6. **Соколов, К.Б.** Европа и Россия: ментальность и художественная культура: Сравнительно-исторический анализ / К.Б. Соколов, П.Ю. Чернозитов. – В 2-х т. – СПб.: «Нестор-История», 2007. – 720 с. – Текст: непосредственный.
7. **Андерсон, Б.** Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с. – Текст: непосредственный.
8. **Хобсбаум, Эрик.** Нации и национализм после 1780 года / Эрик Хобсбаум. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 306 с. – Текст: непосредственный.
9. **Смит, Энтони Д.** Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Энтони Д. Смит. – Пер. с англ. – М.: Праксис, 2004. – 464 с. – Текст: непосредственный.
10. **Гетьманенко, Н.** Восприятие русской культуры: прототипы и стереотипы / Н. Гетьманенко. – М.: 2010. – 254 с. – Текст: непосредственный.
11. **Додонов, Р.А.** Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования / Р.А. Додонов. – Запорожье: РА «Тандем-У», 1998. – 191 с.
12. *Perry, Maureen* (1989). Folklore as Evidence of Peasant Mentalité: Social Attitudes and Values in Russian Popular Culture. *The Russian Review*. Vol.48. Pp. 119-143.
13. *Smith, Anthony D.* (1988) *The Ethnic Origins of Nations*. Basil Blackwell. (1st edn., 1986). 312 p.
14. **Южалина, Н.С.** Менталитет как социокультурный феномен / Н.С. Южалина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2005. – № 2 (8) . – С. 107-119. – Текст: непосредственный.

И.В. Никитина,
доктор философских наук, профессор
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Н.В. Виницкая,
кандидат искусствоведения, доцент кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

МИФ КАК ИНКУБАТОР ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ – ИСТОЧНИК ДУХОВНОСТИ ИСКУССТВА И ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ

В статье анализируется взаимосвязь мифологии и духовности. Показано влияние мифа на становление аксиосферы и профессиональное искусство. Раскрыта роль мифологии в сохранении национального своеобразия культур.

Сегодня проблема духовности весьма популярна, но при этом рассматриваются чаще религиозные либо чисто моральные аспекты, даже если речь идет об искусстве или художественной литературе, либо художественные образы рассматриваются как часть духовной культуры без учета специфики духовности как ценности [1]. Между тем, проходя через все этапы социокультурной эволюции, духовность как цель и ценность играет роль аттрактора, опираясь на способность искусства моделировать все стороны жизни общества, создавая гармоническую картину желаемого будущего и идеал человека.

Суть духовности и ее специфику как ценности культуры в русле ее национальной самобытности нельзя понять без анализа того ментального основания, на котором держится культура в целом. Мифология является фундаментом, который в снятом виде представлен в историко-культурном типе и культурных кодах, что, с одной стороны, указывает на единое основание человеческой культуры, а с другой – на многообразие форм ее проявления у разных народов и на разных этапах. Являясь целью культурного прогресса, духовность как итог духовной деятельности опредмечивается в артефактах, ценностях культуры, и распредмечивается в процессе их интерпретации.

Сегодня глобализация сама возможность существования самобытности культуры даже больших народов, таких, как русская нация, поставила под вопрос. С точки зрения авторов данного исследования, допустимы только такие формы аккультурации, которые являются ненасильственными и способствуют обогащению культуры, являясь совместимыми с духовностью как ценностью.

Именно поэтому ее не следует отождествлять с религиозностью. Культурный обмен протекает легче и эффективнее, когда он не затрагивает проблемы культа и сакральных религиозных ценностей, ибо люди разных конфессий редко способны понять и принять точку зрения Другого. Искусство

же, напротив, на протяжении многих веков играло и продолжает играть роль «общего достояния» человечества, раскрывая духовный мир народов друг для друга и обогащая культуру каждого из них.

Только в этом случае глобализация может быть полезна для культуры, если сохраняется чувство вкуса культуры, отношение к природе, пронизанное чувством важности красоты [2]. И, наконец, в современном обществе немало атеистов, которые, тем не менее, могут с уважением относиться к духовности как ценности, если она выступает под покровом морали, философии и искусства, причем последнее может использовать и религиозную тематику с точки зрения ее духовной стороны, не вызывая при этом ни религиозных споров, ни конфликтов верующих и атеистов.

Одним из важных источников духовности можно считать мифологическое сознание, в рамках которого формируются противоположные понятия: «свое» и «чужое» неизвестное, требующее «упорядочивания». Ритуальное «упорядочивание» мира Э. Кассирер и М. Элиаде приравнивают его космоизации. В процессе космоизации важное значение имеет антитеза сакральное – профанное. Для объяснения способа существования священного М. Элиаде использует особый термин «иерофания» (проявление священного). Формы проявления священного могут обнаруживать себя, например, в поклонении предметам или явлениям. Обладая определенными мифическими знаниями и сведениями о мироустройстве с точки зрения национальной картины мира, священный предмет и вся Природа может восприниматься как космическое священное одухотворенное пространство.

Миф определяет ценностные установки и взаимодействует с другими формами культуры, выступает как способ организации и регуляции общественных отношений. Миф составляет основу культурной традиции, придает ей смысл, формирует ощущение единства человека с обществом, проникает в различные сферы жизни, выполняет мировоззренческую функцию, через культы и ритуалы обеспечивает связь с персонифицированным миром природы. Миф лежит в основе культурной традиции, являясь носителем культурно-исторического опыта.

Мифологическое сознание возникает до разделения субъекта и объекта, духовной жизни и материальной. В нем содержатся зародыши будущих форм общественного сознания, профанного и сакрального как сфер культуры, обыденного сознания повседневности и обыденного художественного сознания (фольклора) как народного творчества.

Древний тюрк, славянин, африканец или австралиец, индеец Америки – в полном смысле этого слова «дитя природы», с которой он ощущает глубочайшее родство и в которой он растворен духовно. Возникая из мифологии, наука, философия, мораль, религия и искусство этих народов сохраняют отпечаток этой первоначальной духовной формы.

Миф – это и семиотическое образование, которое отражает реальность, художественно преломляя ее с помощью образов и символов. И это придает особую значимость искусству как сфере человеческой деятельности. Искус-

ство также основано на образах и символах, а значит способно передавать и интерпретировать миф.

«Усиление» синтактики наблюдается в развившихся в первое десятилетие XX века авангардистских направлениях. Некоторые из них (кубизм, примитивизм) повлияли на популярные сейчас течения этноархаики и этнопримитивизма. На формирование их образной системы большое влияние оказывают архаические изображения и мифологические образы. Частым обращением к мифологическим образам отмечен и постмодерн. Хотя необходимо признать, что его трактовка традиционных мифологических образов может быть прямо противоположно или несколько отлична от изначальной.

При выявлении авторской позиции большой интерес будет представлять проявление «внешней и внутренней» точки зрения. В первом случае художник занимает позицию наблюдателя за изображаемой действительностью, произведение в этом случае выступает как «окно» в природу или другой мир. Вторая позиция созвучна раннему искусству, в котором художник не мыслит себя вне изображения. Он отражает мир вокруг себя, а не перед собой. Так создаются внутренняя по отношению к изображению и отчужденная позиция. С различной степенью интенсивности, но в каждом произведении мифологического жанра можно обнаружить определенное количество знаков, символов и смыслов, относящихся не столько к предмету изображения, сколько к плану содержания.

Игровая природа мифа не исключает наличие в нем ценностного, морального содержания, а, напротив, предполагает его наличие, так как символы нагружены моральным содержанием. Но хотя в современном искусстве миф эстетизируется, и моральный аспект отходит на второй план, гармоничность искусства сохраняется только при условии сохранения морального компонента, связанного с общечеловеческими ценностями (Справедливость, Благо, Добро, Любовь и т.д.). Единство этического и эстетического – источник духовности искусства, способствующий возвышению сознания публики.

Библиографический список:

1. Жизнь провинции как феномен русской духовности: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции (г. Нижний Новгород, 23-24 апреля 2003). Под ред. Фортунатова Н.М. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ; Вектор – ТиС, 2003. – 124 с. – Текст: непосредственный.

2. Cowen, T. (2004). Creative destruction: How globalizations is changing the worlds cultures. Princeton univ. press. 179 p.

Д.С. Орлов,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГППУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

**PATRONAGE SYSTEM OF INDUSTRIAL ORGANIZATIONS
OF COLLECTIVE FARM AND GOVERNMENT
IN THE KEMEROVSK REGION IN THE SECOND HALF
OF THE 1960s - THE FIRST HALF OF THE 1980s**

An analysis of the patronage of industrial enterprises and organizations over collective farms and state farms on the materials of the Kuzbass will allow a more reasonable assessment of the effectiveness of the functioning of agricultural production and the system of state management of agriculture in the period under review.

Against the background of a significant reduction in the rural population and an increase in production load per agricultural worker, it was much more noticeable in the 1960s became the village staffing problems. The result of urbanization processes was the migration of the rural population. This led to a shortage of labor at agricultural enterprises, which in turn negatively affected the economy of agricultural enterprises.

Patronage factories and plants took part in harvesting, repaired tractors and combines, built and reconstructed greenhouses, garages, production facilities, etc. Kemerovo enterprises in 1971-1975 provided patronage assistance in the amount of 10 million rubles, and in the tenth five-year period - 16 million rubles. [1: 36].

In 1970-1980 this is a form of cooperation between the city and the village is beginning to take on a more stable and organized character. So, in Kuzbass events on patronage work for 1971-1972 were approved at a meeting of the bureau of the regional committee of the CPSU. In the Kemerovo region, it was held under the slogan "Selu - engineering assistance". Six grain-cleaning production lines were installed, livestock production facilities were mechanized for 0.2 million rubles [2: 54-58].

In the 1970s and 80s problems of patronage assistance were regularly discussed at party meetings, bureaus, assets and plenums. To assist the agricultural sector, a system of measures was developed for a year and for a five-year period. Long-term ties were formed between the chiefs and the wards. For several years, the Inskaya mine assisted the Mokhovskaya state farm in the construction of a feed mill, silage trench, and a milk pipeline for 400 cows. To coordinate work on patronage, a joint commission of the city committee and the rural district committee was created in the Belovsky district. Its chairman was the first secretary of the city committee N.N. Volkov, and the deputy - the first secretary of the district committee V.A. Galanin The Commission at its meetings decided organizational issues on patronage. In a number of cases, the bosses and sponsored met, discussed econom-

ic and organizational issues. Managers of urban enterprises began to attend sponsored.

Checks for the provision of patronage assistance began to be regularly conducted. So, in 1975, the use of attracted labor from cities was verified during the period of fodder harvesting and harvesting in 12 rural areas of the region. Cases of the use of penalties for refusal or disruption of patronage help became frequent. So, in the Kemerovo region in 1973, party penalties for the irresponsible attitude to cleaning were received by the director of the Kuzbasselement plant and the director of school No. 38. [6: 54-58; 7: 82-83].

Most collective farms and state farms prepared in advance to receive the townspeople. Well prepared for the reception of citizens in 1975 at state farms in the Topkinsky district of the Kemerovo region. So, at the Zarubinsky state farm, the employed workers were housed in a comfortable dormitory, provided with bedding and meals. But most often a different situation was encountered. So, at the state farm "Gorkinsky" Belovo district of the Kemerovo region, workers of the plant named after Kurako was not provided with housing and bedding, as a result of which they slept in the state farm office on the tables. At the Chumaysky state farm in the Chebulinsky district, the townspeople lived in an unsuitable hostel, there was no hot food. In some areas, attracting citizens for cleaning annually took place as emergency campaigns. The lack of direct and clearly defined ties between collective farms and state farms with industrial enterprises that sent their labor to seasonal rural work often led to enormous losses of working time and large material costs [3: 81-82].

The help of cities and regional centers to the state and collective farms of Kuzbass during harvesting, the patronage of plants and factories over agricultural enterprises were important economic support, however, it would be more expedient to ensure that agricultural enterprises independently cope with their problems. Objectively, it was necessary to provide economic independence to collective farms and state farms, to interest them in self-development, to secure for them the right to dispose of their own property and means.

References:

1. ГАКО. (Государственный архив Кемеровской области). Ф.П. – 75. Оп. 39. Д. 23. – Текст: непосредственный.
2. ГАКО. (Государственный архив Кемеровской области). Ф.П. – 75. Оп. 12. Д. 26. – Текст: непосредственный.
3. ГАКО. (Государственный архив Кемеровской области). Ф.П. – 75.3. Оп. 28. Д. 158. – Текст: непосредственный.

Е.В. Почеревин,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГППУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

THE ORGANIZATION OF SMALLPOX VACCINATION IN SIBERIA IN THE LATE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES

Modern historians have addressed the problem of the organization of fight against epidemic diseases in Siberia in the late XIX - early XX centuries. This question has been most thoroughly studied by S.E. Glushkov [1, 2]. Based on the data analysis, he concluded that mortality from infectious diseases was reduced. In addition, the general idea of the non-zemstvo medicine in the period under review was given by S.G. Goncharova in her paper [3]. However, the issue of organizing systematic work to control smallpox has not been studied. The aim of the paper is to show the ways of organizing such work in Siberia in the early 20th century and fill the gap in historical knowledge.

In Siberia, the fight against epidemic diseases was assigned to local administrations and financed from local budgets. Since the organization of the healthcare system in the Siberian provinces and regions began, country doctors had to control the process of vaccination in the district and deal with epidemics [4].

The Government paid particular attention to the fight against smallpox. In May 1897 a special Act was approved providing for the forming of institution of smallpox vaccinators in the Irkutsk and Yenisei provinces and the Yakutsk region. According to *Sibirskiye Vrachebniye Vedomosti* ("Siberian Medical Journal") in 1903 there worked one to three vaccinators at each district of the Yenisei province. These were ordinary peasants, chosen by the Volost Assembly. This work was perceived as another social responsibility. Local doctors were required to teach them how to vaccinate. Vaccinators worked for a fee of 60-100 rubles a year, depending on the region. As a rule, rural communities improved the payments to 120-150 rubles a year [5:130]. To obtain the vaccine, it envisaged the creation and maintenance of a special calf sheds. In that case it was planned to allocate 1,500 rubles a year [6]. In 1903, there was still no calf shed and the author of a newspaper article indicated that delivering detritus take a long time, which reduced its effectiveness [5: 134]. In June 1910, allocations for the purchase of detritus were increased by 500 rubles a year for the Yenisei province [7]. The calf shed was built only in 1911, and it was kept on private funds, so there was still a problem of smallpox material in the province [8: 127].

An Act of May 10, 1888, among other things, prescribed that calf sheds should be built within two years in the Tobolsk and Tomsk provinces [9]. An Act passed in November 1896, proposed to allocate in the Tobolsk province 300 rubles for the construction and maintenance of a calf shed or for buying vaccines. The Act also proposed to allocate 3000 rubles a year to fight possible epidemics [10]. In

April 1904, another Act was passed according to which, during the period from 1903 to 1905, an extra 1,200 rubles a year had been allocated for the building and maintenance of the calf shed at the Tobolsk Veterinary and Paramedic School [11]. However, in 1911 it was noted that vaccines produced at that School was deemed unsatisfactory in quality so the Provincial Medical Department had to order it from Orel [12: 58]. An Act passed in June 1898, proposed to allocate in the Tomsk province 500 rubles a year for the maintenance of a calf shed or buying what it takes to make vaccines [13]. According to an act passed in February 1910, it was required to allocate 3,468 rubles a year from the zemstvo budget for buying vaccines and maintaining the vaccinators in 1910-1911, and 4,500 rubles a year in 1912-1914. These allocations increased expenditure under this heading, which had been made according to three-year zemstvo estimates. In addition, vaccinators had the right to travel for free on zemstvo transport for work matters. The provincial authorities could rewarded particularly outstanding persons with money from the balances of special smallpox vaccination funds or from the the general budget balances [14]. However, the rural population did not always receive the necessary vaccinations. In 1911 a correspondent from the Zalesovskaya volost of Barnaul district complained that the woman who can do the vaccination lives 40 versts away, and the area she serves is very large. The rural society invited her for Christmas, wrote to her three or four times, but in the end they were refused because of the lack of fresh detritus [15: 3].

The problem of vaccination was acute throughout the period under review. At the First Congress of Village Doctors of the Tobolsk Province in 1911, a proposal was made to attract traditional midwives to the vaccination before they were replaced by more qualified midwives. The traditional midwife is an official position in the medical field of pre-revolutionary Russia, as a rule, these were women experienced in obstetric care, some of them received professional education. In addition, at the congress the idea was put forward to sending students of the feldsher-midwife school to vaccinate the rural population. However, the proposal was rejected due to low efficiency. The smallpox vaccination was considered as uncomplicated, and therefore of little use for teaching nursing staff. In addition, midwifery students could only vaccinate in the summer, while peasants refused to vaccinate children during the harvest. A plan was also put forward to attract district feldshers for an additional fee. Most of the congress participants opposed it, since vaccinating would distract feldshers from performing direct duties. In concluding the discussion, a resolution was adopted that recognized the need for new approaches in smallpox vaccination. In concluding the discussion, a resolution was adopted that recognized the need for new approaches in smallpox vaccination. As an experiment, it was supposed to invite feldshers and midwives to several districts for a period of five to six months, so they would not only be involved in vaccination, but also work in district hospitals, where there was a constant lack of staff [16: 27-29].

In 1911, at the Omsk exhibition, among the achievements of the Tobolsk province, successes in vaccination against smallpox were featured. It was stated

that with each year the number of vaccinators decreased. This was because the vaccination could be performed by lower medical personnel [17: 10].

Thus we can see that the process of the mass smallpox vaccination was extremely poorly subsidized by means of the zemstvo budget and was in the hands of incompetent people from the peasant population. With such severe shortages of medical personnel, the latter seems to be the right decision. The manufacture of the vaccine, despite regular allocations from the local budget, was either not carried out at all, or the detritus was of poor quality. The issue of vaccination was discussed by the community of doctors, suggestions for improving this important matter had been made. At least in the Tobolsk province, some results have been achieved.

References:

1. **Глушков, С.Е.** Заболеваемость населения Томской губернии инфекционными болезнями в последней трети XIX – начале XX в.: историко-демографический анализ / С.Е. Глушков // Известия АлтГУ. – 2012. – №4-1 (76). – С. 63-67. – Текст: непосредственный.

2. **Глушков, С.Е.** Эпидемическая смертность населения Западной Сибири в конце имперского периода (конец 1880-х - 1916 гг.) / С.Е. Глушков // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск: Издательство «Апельсин»; Институт истории СО РАН, 2016. – С. 105-114. – Текст: непосредственный.

3. **Гончарова, С.Г.** Сельская медицина неземских губерний во второй половине XIX - начале XX вв. / С.Г. Гончарова // Актуальные вопросы истории медицины и здравоохранения. Сборник статей международного симпозиума 15 ноября 2019 г. М.: Национальный НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко, 2019. – С. 74-82. – Текст: непосредственный.

4. Высочайше утвержденное Положение и штат об окружных сельских врачах в Восточной Сибири // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ): Собр. 2-е – Т. XL. – Отделение I. – 1865. – № 42199. – СПб., 1867. – 990 с. – Текст: непосредственный.

5. **В.К.** Очерки сельской врачебной помощи в Сибири / В.К. // Сибирские врачебные ведомости. – № 10 (1 мая). – 1903. – Текст: непосредственный.

6. О преобразовании врачебной части в округах губерний Иркутской и Енисейской и области Якутской и об утверждении штата врачебной части в названных местностях // Полное собрание законов Российской империи – Собр. 3-е. – Т. XVII – 1897. – № 14188. – СПб., 1900. – 737 с. – Текст: непосредственный.

7. О дополнении штатов сельско-врачебной части губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и областей Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской и Камчатской и об изменении порядка отпуска

кредитов на нужды сельско-врачебной части // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. XXX. – Отделение I. – 1910. – № 33900. – СПб., 1913. – 1408 с. – Текст: непосредственный.

8. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению в России за 1911 год. – СПб.: Тип. МВД, 1913. – 508 с. – Текст: непосредственный.

9. Об устройстве сельской медицинской части в губерниях Тобольской и Томской // ПСЗ РИ – Собр. 3-е – Т. VIII. – 1888. – № 5189. – СПб., 1890. – 641 с. – Текст: непосредственный.

10. Об устройстве сельской врачебной части в Тобольской губернии и об утверждении штата означенной части // ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XVI. – 1896 – Отделение I. – № 13445. – СПб., 1899. – 823 с. – Текст: непосредственный.

11. Об увеличении кредита на приобретение оспенного материала для сельской врачебной части Тобольской губернии // ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XXIV. – 1904. – Отделение I. – № 24338. – СПб., 1907. – 1257 с. – Текст: непосредственный.

12. **Кевлич** Доклад о состоянии сельской медицины в Тобольском уезде / Кевлич // Труды Первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии, 20 января–4 февраля 1911 года. Приложения. – Тобольск: издание Тобольского врачебного отделения. – 1913. – С. 230-232. – Текст: непосредственный.

13. Об устройстве врачебной части в уездах Томской губернии // ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XVIII. – Отделение I, II. – 1898. – № 15612. – СПб., 1901. – 1120 с. – Текст: непосредственный.

14. О дополнительном отпуске средств на оспопрививание в Томской губернии и о некоторых изменениях в организации этого дела // ПСЗ РИ. – Собр. 3-е. – Т. XXX. – Отделение I. – 1910. – № 33070. – СПб., 1913. – 1408 с. – Текст: непосредственный.

15. **Новый** Из Залесовской волости (медицинская беспомощность) / Новый // Жизнь Алтая. – № 18 (23 января). – 1911. – Текст: непосредственный.

16. Протокол заседания 30 января 1911 г. // Труды Первого губернского съезда сельских врачей Тобольской губернии, 20 января–4 февраля 1911 года. Протоколы. – Тобольск: издание Тобольского врачебного отделения, 1913. – С. 256. – Текст: непосредственный.

17. Путеводитель по врачебному отделу для Тобольской губернии на Омской выставке 1911 года: таблицы и объяснительные записки. – Тобольск: Губернская типография, 1911. – 103 с. – Текст: непосредственный.

Л.А. Явнова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГППУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

**THE POLICY OF MODERNIZATION
IN THE ECONOMIC SPHERE OF CHINA
(ECONOMIC TRANSFORMATION IN THE COUNTRYSIDE)**

The essence of transformations of economic reform is a radical change in the old economic system, which has become an obstacle to the development of productive forces, and its gradual replacement with a new one that can give this development a dynamic character. Reform, therefore, is a kind of revolution; its main task is the liberation and effective development of the productive forces. The state basis of the modernization policy in the PRC is the building of the Xiaokan society, which makes the Chinese model of transformation unique in its own way. In addition, the historical conditions of socio-economic backwardness at the initial stage of transformation, the demographic factor (the presence of one and a half billion people), and the scarcity of resources created additional difficulties for the effective implementation of modernization policies in the PRC, which led to the search for its own development model, which, nevertheless, made it possible to ensure a decent standard of living and comprehensive development of China. The experience of pursuing a modernization policy in China is of great interest, based on the real achievements of China in the shortest possible time by historical standards. The relevance of the research topic is due to the need for a comprehensive analysis of the theoretical base, as well as the essence, goals, means of implementing the policy of socialist modernization of the economic system, thanks to which China has managed to achieve such phenomenal results over the course of several decades.

The study of the problem of economic reform in the village was carried out by V.A. Legankov. The author examines the agrarian reform in the Chinese village, the introduction of a contractual responsibility system, which was supposed to implement the socialist principle of distribution “to each according to his work”. V.A. Legankov emphasizes that at the same time the people's communes and brigades developed. Economic organizations of all levels in the communes were obliged to seriously implement the principle of socialism - the principle of distribution according to work, to remunerate labor according to its quality, quantity and overcome leveling [1]. A.V. Ostrovsky notes that as a result of the system of yard contracting and the transition to a market economy, there has been a bridging of the income gap between rural and urban residents, but subsequently, as market reforms were promoted to cities, it allowed urban residents to significantly increase their income [2]. To expand the independence of state-owned enterprises in their production and agricultural activities, it became necessary to create a banking system. Enterprises have the opportunity to independently draw up their long-term

production plans taking into account market conditions, and banks engage in commercial activities [3]. V.Ya. Putyakov in his works analyzes the theoretical and practical problems of transforming the economic system of the PRC, highlights the multilateral relationships of the main development factors in the overall complex of the reformed Chinese economy, evaluates the results of complex processes that took place in China during the course of economic reforms in 1979-1999 [4].

The reform and expansion of relations began with the economy and, first of all, with the village, since 80 percent of the population lives on in the village, which stabilizes the entire political situation as a whole. The transition of agriculture to diversified farming not only significantly increased grain production, but also ensured a very rapid growth in the production of industrial crops. The reform in the countryside was extremely quick. Before the reform, most peasants lived in incredible need, it was inconceivably difficult for them with clothes, food, housing and mobility. Reform, however, greatly increased the activity of the peasants. They began to farm in relation to local conditions. The right to independence immediately changed their appearance. In many places, the results became noticeable after a year. Revenues have increased significantly, doubled, or even quadrupled. Of course, not everyone approves of the reform. At first, two provinces set an example in perestroika. One is Sichuan Province. Comrade Zhao Ziyang led it. The other is Anhui Province, where Comrade Wan Li led. The reform courses and attitudes were developed precisely on the basis of the experience gained by these two provinces.

The main objectives of the reform were to form a two-layer economic system in the village on the basis of a combination of collective ownership and family contract, which would help to remove the agrarian sector from stagnation and help it embark on the path of specialization and increase marketability [4: 79]. "People's communes", "large and production brigades" were only formally declared by the party and the state as socialist enterprises. In fact, the entire system of agrarian policy in the country was built on the use by the state of these economic entities as absolutely powerless elements. "Self-management" allotment meant the denial of economic independence of collective farms.

Economic organizations at all levels in communes are obliged to seriously implement the principle of socialism – the principle of distribution according to work, pay wages according to their quantity and quality, and overcome leveling. Plots of land owned by members of the communes, household subsidiary plots and market trade are a necessary complement to the socialist economy and no one should interfere with them at will. The people's communes must continue to firmly practice and maintain unchanged the three-stage system of property, the basis of which is the property of the production brigade. "At all levels of the people's communes, it is necessary to firmly implement democratic governance, the principle of the election of leaders and open accounting." The peasants demanded the restoration of their right to own land. As for market trade, in fact it was a question of restoring permits for the sale by peasants of surplus of their products obtained in personal plots [3: 425].

The transition to family management as the main form of organization of agricultural production in China gave impetus to significant shifts in all other areas of the economic life of the village. Significantly weakened planned control, the volume and share of purchases of agricultural products at superplanned premium, contractual and market prices are growing rapidly [4: 125].

The state has taken important measures to support the reform of agriculture. For 18 types of agricultural products, including wheat and cotton, purchase prices were increased. As a result, agricultural production doubled. The annual crop in the country exceeded 400 million tons of grain, the living standards of peasants increased significantly [5: 252].

It should be noted that at the initial stage of the reforms, as a result of the introduction of a system of housekeeping contracts and the transition to a market economy, there was an end to the significant income gap between rural and urban residents, which occurred before 1985. However, since the mid-80s XX century the income gap between rural and urban residents began to grow again as a result of the advancement of market reforms in the city, which allowed urban residents to significantly increase incomes. Residents of free economic zones and large cities of coastal regions, who gained the opportunity to earn more as a result of more active promotion of economic reforms compared to residents, inland and rural areas, especially benefited from this. Only in 2007, when the agricultural tax in the PRC was abolished, rural residents got the opportunity to earn more, as well as more freely move around the country in search of work [2: 28].

The reform in the countryside was successful precisely because it gave the peasants more rights to independence and mobilized their activity. Under the terms of the contract, the peasants were obliged to sell to the state a certain amount of the obtained crop at state procurement prices. The growth of state procurement plans for major crops at constant purchase prices interested peasants to engage in crops exempted from state regulation and move on to non-agricultural sources of employment. Under these conditions, the state was able to significantly increase the scale of procurement of the most important crops only due to the contracted farming system.

Non-agricultural production is emerging and gaining momentum in the village. On the basis of the enterprises of “people's communes” and “brigades”, various economic organizations are being formed, which are called “enterprises of volosts and towns”. The authorities declared them “collective property.” In fact, they represented a rather bizarre conglomerate of economic structures of various forms of ownership. Private enterprises appeared [3: 439].

The reform in the village brought the agricultural sector out of stagnation, which allowed it to enter the path of specialization and increase marketability. This has contributed to solving the problem of surplus labor in agriculture. A two-layer economic system was formed on the basis of a combination of collective ownership and family contract. For more than 10 years of intensive development, the volume of production fixed assets of the collective sector in the countryside has increased. The services provided by the collective sector made it possible to satisfy

the need for machine plowing of land, irrigation, protection of crops from pests and diseases, seeds, chemical fertilizers, and the fight against diseases of domestic animals and birds. All this contributed to the successful development of family contracts, modernization of agriculture, as well as the development of the reform as a whole.

References:

1. **Леганьков, В.А.** Реформа в китайской деревне // Белорусская нива. – 1993. – № 36. – URL: <http://www.belniva.by/archive.php> (дата обращения 24.03.20). – Текст: электронный.
2. **Островский, А.В.** Экономика КНР на пороге 12-й пятилетки. Итоги и перспективы / А.В. Островский // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 4. – С. 22-31. – Текст: непосредственный.
3. **Гельбрас, В.Г.** Экономика КНР. Важнейшие этапы развития с 1949-2008 гг. / В.Г. Гельбрас. – М., 2010. – 642 с. – Текст: непосредственный.
4. **Портяков, В.Я.** Экономические реформы в Китае (1979-1999 гг.) / В.Я. Портяков. – М., 2003. – 177 с. – Текст: непосредственный.
5. **Виноградов, А.В.** Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное / А.В. Виноградов. – М., 2008. – 352 с. – Текст: непосредственный.

Л.А. Явнова,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск);
Н.А. Швеи,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков
АГГПУ имени В.М. Шукшина (г. Бийск)

THE ETHNIC AND CONFSSIONAL CULTURE OF THE ALTAI POLES AT THE END OF THE XX - THE BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

The leading principle of state cultural policy in modern Russia is the recognition of the equal dignity of cultures of all peoples of Russia, as well as strengthening the integrity of the Russian culture by creating different conditions for their preservation and development. Due to the specifics of settling the territory, the modern population of Siberia is a “platform” for studying ethnic values and attitudes as a result of a mixture of culture and traditions. In the XVIII - XIX centuries large ethnic groups referred here, among which were Poles. Several waves of deportation from Poland to Siberia moved the most diverse segments of the population [1: 176]. The Poles fell into completely different cultural conditions, many traditions were unusual, the way of life was incomprehensible. The Poles sent to Siberia and Altai faced with the choice of recognizing and reevaluating ethnic values due to the critical situation they were in. It is precisely as a result of the inevi-

table crisis that the first generation underwent the first revaluation of the “baggage” brought. As a result those values that helped to adapt to the new environment while maintaining their identity took on special significance. During World War II, echelons of exiled Poles and Lithuanians were sent to Biysk, the first in 1940. According to V. Kovalsky, “they were afraid ... to say that you were a Pole. There were a number of limitations when applying for a job or studying. Children of the repressed changed their surname and nationality” [2]. At the same time, in an interview with the Poles, who were taken out by children from the occupied territories of Belarus and Ukraine, a special attitude to Russia and Russians is traced. As Nadezhda Broneslavovna Basmova recalls: “All the Poles who found their homeland worked for its good, the Russians accepted us as theirs, shared joy and sorrow together; after the war, a lone Pole Monovich, who worked as an accountant, lived in the barracks of the Sugar Plant. He was a harmless man; factory workers felt sorry for him and often fed him. Many Poles lived in these barracks; they were friends with the Russians” [3].

According to the results of the 2010 All-Russian Population Census, the number of ethnic Poles and people who consider themselves to be of Polish nationality in the Altai Territory is 580 people [4]. The number of representatives of the Polish center of Biysk is 48 people. The Barnaul Center of Polish Culture unites several hundred people. Of course, people of Polish origin live in the Altai Territory ten times more. Some of them are aware of the presence of Polish roots, but some do not even suspect this. Many are keenly interested in the history and traditions of the Polish people, learn their native language. There are even more of those in whom from Polish “only one last name remained” - they really are not at all interested in the Polish theme - they feel like people of other nationalities. Therefore, in the optimization of national relations, the preservation of national and cultural identity, as well as the implementation of ethno-cultural needs, an important role is played by national centers and public associations. Today, the Polish government, Polish organizations are actively pursuing a policy of helping Russian Poles, promoting the unification of Poles who are far from their historical homeland, intensifying work on the study and promotion of Polish traditions and culture, studying the Polish language and history of Poland, the history of Poles in Siberia. Russian Poles, consolidated into national centers, are a kind of bridge between Russia and Poland, between Poland and Siberia. The main goal of these national associations was the development of ethnic culture, the preservation of their native language, customs, traditions, forms of leisure, and the historical memory of their people.

With the advent of the Polish national center “House of Poland” in Barnaul, everyone can join the Polish culture, learn customs, Polish cuisine and find their relatives in Poland. Particular attention is paid to the development of youth initiatives. The Polish National Center operates in the following areas: organizing Polish language courses (2 times a week), studying the history of the Polish state; holding Polish Culture Days in Barnaul; participation in numerous cultural and art festivals, competitions and open airs organized for living abroad Poles by the Govern-

ment of the Republic of Poland and Polish public organizations; participation in children's and youth programs in studying the Polish language and Polish culture both in Russia - St. Petersburg, Tomsk, Irkutsk, and in Poland - Krakow, Warsaw, Lublin; support of creative contacts with public organizations of Poles in various cities of Russia and the CIS countries; constant cooperation with national-cultural public organizations of the Altai Territory, Russia and abroad; the creation of a Polish song ensemble in Barnaul; organization and holding of festivals dedicated to creativity of outstanding Polish musicians.

Much earlier, the Polish national center was registered in the city of Biysk. Polish National Center Ozhel Bialy (White Eagle) - a public national cultural organization of Poles and people of Polish origin living in the city of Biysk and the surrounding areas was created in 1994 with the aim of uniting the Poles, who were far from their historical Motherland, revitalization work on the study and promotion of Polish traditions and culture, the study of the Polish language and history of Poland, the history of Poles in Siberia. The center was officially registered in 1997. All activities of the center are carried out on a voluntary basis. The public organization Ozhel Byaly builds its activities on the principles of close cooperation with a number of public organizations of the city of Biysk, Altai Territory, Russia and Poland as part of the implementation of joint programs or on the basis of concluded bilateral agreements. Since the moment of its organization, Nikolay Fomin has been the head of the Polish national center Ozhel Byala. After a short time, he was replaced by Valdemar Kowalski. Now the center is headed by Svetlana and Valery Rafalsky. The Polish national center Ozhel Byaly of Biysk is focused on the implementation of several programs: educational, cultural, research and social:

- the organization's activities in the field of education and learning the Polish language include free courses on learning the Polish language for all comers, organized for three years on the basis of the Catholic community of Biysk; teaching of the Polish language is carried out in the Roman Catholic Church of St. John the Baptist;

- participation in numerous festivals of culture and art of the city of Biysk and Barnaul;

- going of children and adults to have a rest in Poland;

- the traditional organization and holding of the holidays of the Nativity of Christ and the Resurrection of Christ (Easter in Polish "Wielkanocne", that is, "Great Night").

Materials from verbal sources reflect the diverse activities of both the Polish national center of Biysk and the parish community. Money, advisory, legal assistance to low-income and socially vulnerable people is provided by the Catholic community of Biysk. This is due to the great merits of the sisters-nuns from the Order of St. Paul from Chartres Aretta and Agnes – Korean women (South Korea), who arrived at the Roman Catholic Church of St. John the Baptist.

According to respondents, in determining their ethnicity, “parental affiliation” and the religious factor are of particular importance. Therefore, in the activities of the parish community, great attention is paid to family education. This is es-

pecially evident in mass attendance by young families with small children. The youngest is three years old. Parents and grandmothers visiting the service every Sunday, bring these children with them. In the parish, they are taught the rules of conduct in the service, reading church books, and prayer. In conducting the Mass for the children, the preaching is prepared by the children themselves. The sisters Aretta and Agnes are actively engaged in the leisure of children. Together they sing songs, draw, organize and conduct holiday performances.

The Polish House and the White Eagle support the revival and popularization of the religious traditions of the Poles. All Polish holidays and related customs and rituals are a tradition that has been perceived through the Christian culture through the ages. A conscious manifestation of interest in Polish culture, songs, dances, or language may be the “call of the ancestors” - a manifestation of ethnic identity with Polish culture. “Loyalty to our ancestors, which has become unconscious, rules us” [5: 27]. Most often, just during the holidays, people turn to their roots and feel a deep connection with their historical Motherland, which at the present time during globalization processes is important.

The most important holidays in Poland, which are also celebrated in the Catholic parish and in the Polish national centers of Altai, are Christmas (Boże Narodzenie) and Easter (Wielkanoc). In the tradition of the Poles, the first star that appeared in the gloomy sky on December 24 is a sign so that on this day – Christmas Eve, to forgive all insults, to be friendly with everyone, not to provoke quarrels, but to sit at the holiday table in a beautiful outfit. In the celebration of Christmas, the festive decoration of rooms, the facade of the house and yard (Christmas trees, garlands, holiday decorations), the laying of a Christmas table (white tablecloth, hay under the tablecloth, candles, spruce branches) are also of great importance. The Christmas ceremony begins with Vigil or Christmas Eve. Vigil is celebrated all together in the family. Everyone joyfully prepares to meet Christ. This meeting should be solemn. It is necessary to cover the table with a white tablecloth, put a large candle in the middle. Smaller candles are put around. There should be as many as people gather at the table. Hay is a sign that Jesus Christ was born on a hay in a manger. The celebration begins when a large candle is lit. From the main candle, everyone else is lit.

A very important element of the Christmas supper is wafer (a thin loaf consecrated in the Church, most often it depicts a fragment from the life of Christ). In Poland, it is customary for the most respected or eldest family member to start the gala dinner by reading the passage of the Holy Scripture “On the Birth of Christ”. After that, he begins dividing the wafer. It happens like this: the head of the family approaches any of those present at the festive table and hands him a wafer, from which he must break a small piece and put it in his mouth. Together with a piece of wafer, a person accepts wishes.

At the festive table one empty seat is always ready, and there is even a gift. This is the place for a lost traveler, a homeless person or someone alone. No one should be alone tonight. Therefore, if they know that, for example, a neighbor does not have a family, and he is single this evening, then he will be invited to dinner.

Dishes on the table should be lean. Typically, dishes are prepared from fish, cabbage, mushrooms, poppy seeds, peas, dried fruits. The most popular Christmas dish in all of Poland is jellied carp or herring in various cooking options. For dessert, usually poppy seed roll, gingerbread and dried stewed fruit are served.

In most families, housewives try to have twelve dishes, corresponding to the number of apostles. In Polish houses, there is also a custom at Christmas to exchange gifts. It does not have to be expensive gifts, but it must be something well thought out and enjoyable for the person to whom it is intended. In some families, gifts are stacked under the tree (beautifully designed and signed). They are handed in after a gala dinner. After the Christmas dinner, in most Polish houses it is customary to sing carols (Christmas songs).

Easter (Wielkanocne). The main spring holiday is Easter or the Resurrection of Christ. They begin to celebrate it from the Great Thursday (Remembering the Last Supper). On Holy Saturday they consecrate food. Beautifully decorated baskets are prepared in which Easter eggs, sausage, bread and salt are placed. Cooking Easter eggs is an old folk custom. After the consecration of food, you can eat it. The egg as a symbol of the rebirth of life is the center of Easter customs. Making ritual eggs dishes, exchanging colored eggs is a part of the Easter greetings, congratulations. Games with eggs are characteristic. Of particular importance was their color in red. This is associated with the blood of Christ.

Equally important for the Poles is the second Thursday after Pentecost - the Blessed Body and Blood of Christ. This event is accompanied by a religious procession. The first day of the holiday is usually spent at home surrounded by family. The second is the day when it is customary to visit and sit at a table full of various dishes, including non-lean ones.

Easter Sunday for the Church is a great feast of resurrection. After the morning mass, believers go home for the so-called Easter breakfast, which begins with the division of the consecrated egg. Everyone says wishes to each other and sits down at the set table, on which there are beautifully decorated plates with all kinds of meat and sausages, as well as salads and, of course, Easter eggs. For dessert, Easter cakes, Mazurkas and Cheesecakes, also called Easter, are served. Elements that make up the calendar rites and customs:

- in the calendar rituals of the Poles, traces of religious fire are very clearly traced, that is, the attitude to it as to something in a special way affecting human life;

- one of the almost mandatory elements that are constantly part of the calendar customs is living vegetation: trees, branches, greens, flowers. They are very diverse and constantly accompany Polish folk holidays. For example, New Year spruce, pussy-willow twigs on Palm Sunday;

- food - entered as one of the components in the customs and rites of the family and calendar traditions. Unlike every day ritual food gradually became part of the custom - in the form of meals or as an object of magical actions. The egg as a symbol of the rebirth of life is the center of spring, in particular Easter customs. From eggs they prepare dishes, exchange and welcome them, play with them;

- a gift is an object that a person transfers forever to another with his will. Each holiday is characterized by certain gifts;

- one of the characteristic features of the calendar rituals of the Poles is the use of masks and fancy dresses which are used in children's holiday performances.

Every holiday celebrated by the Poles is preceded by careful preparation. Much attention is paid to the festive service. The Poles are fasting and therefore there are no meat dishes on the Christmas table. Before you start your meal, they bless the food. Each of those present is actively involved in organizing and conducting the holiday.

Thus, thanks to the activities of national centers, firstly, socialization and ethnic identification of the young generation can be observed; secondly, national centers perform the functions of leisure institutions. In particular, Polish national centers are a way of transmitting oneself to the world as a Pole. National centers successfully fulfill the functions related to the preservation, reproduction and translation of national traditions, language and culture. They construct national identity through cultural elements and enable a person who is far from their historical homeland to realize their ethnocultural needs and feel “themselves” like at home.

References:

1. **Шайдуров, В.Н.** Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX - начала XX в.: монография / В.Н. Шайдуров. – СПб: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. – 260 с. – Текст: непосредственный.

2. Архив Лаборатории этнокультурных исследований Алтая Факультета истории и права Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина. Ф.2. Полевые материалы автора. – ПМА, г. Бийск, 2006. – Текст: непосредственный.

3. Архив Лаборатории этнокультурных исследований Алтая Факультета истории и права Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина. – Ф. 2. Полевые материалы автора. г. Бийск, 2007. – Текст: непосредственный.

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – Т.4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 23.11.2015). – Текст: электронный.

5. **Василец, Л.Н.** Почему мы так благодарны Полонии / Л.Н. Василец // Соотечественники (RODACE). – 2014. – № 4 (64). – С. 26-27. – Текст: непосредственный.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Кубарич А.М., Ступкина М.В.</i> Вертикальный контекст в информационном поле китайского текста.....	3
<i>Липустина О.М., Щелок Т.И., Черкасова Т.В.</i> Эпитеты в современном английском языке (на материале романа «Пирог и пиво» У.С. Моэма).....	6
<i>Трофимова Е.Б., Трофимова У.М.</i> Modern methods and technologies of a research in solving problems of gender linguistics.....	9
<i>Хлыстунова Ю.Ю., Ульянова Н.Н.</i> Semantische Mittel des Ausdrucks des Geruches im Roman «das Parfüm» von P. Süsskind.....	13
<i>Шкуропацкая М.Г., Исаева И.П.</i> Theoretical basis of associative modeling of a meaning structure of a polysemantic word.....	16
<i>Щелок Т.И., Дегтярев А.А.</i> Особенности использования лексемы Danke для выражения благодарности в современном немецком языке.....	20
<i>Щелок Т.И., Липустина О.М., Черкасова Т.В.</i> English borrowings in German magazine articles.....	23

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Бабичева Ю.Г., Казанцева О.П.</i> Ekphrasticity of John Fowles' texts.....	26
<i>Бабичева Ю.Г., Христолюбова Л.В.</i> The mythologeme of the Road in V. Shukshin's stories.....	30
<i>Федорова В.Г., Бабичева Ю.Г.</i> The idea of beauty in portrait descriptions of I.A. Goncharov's works.....	33

СТРАНОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

<i>Кубарич А.М., Ющенко О.Б.</i> 汉语称谓语中的男尊女卑现象.....	37
<i>Ступкина М.В., Кубарич А.М., Яковлева Е.С.</i> 秦汉王朝“大一统”.....	44

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

<i>Вейберт А.Я., Мошкина Е.А.</i> Профессиональная ориентация обучающихся в общеобразовательных организациях (опыт КГБПОУ «Бийский государственный колледж»).....	46
<i>Швец Н.А.</i> Forming of students' self-management skills in organizing on-line teaching.....	53

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

<i>Виноградова Н.Г.</i> The importance of cross-cultural studying.....	56
<i>Власов П.Е., Щелок Т.И.</i> Использование виртуальной экскурсии на уроке иностранного языка.....	58
<i>Гузь Н.А., Федорова В.Г.</i> Формирование коммуникативных умений и навыков в процессе освоения дисциплин «Риторика», «Русский язык и культура речи».....	61

<i>Зырянова И.П., Нетреба Е.П.</i> К проблеме формирования ритмико-интонационных навыков у обучающихся.....	66
<i>Казанцева О.П., Жукова Т.В., Терентьева А.О.</i> Использование интернет-платформ в обучении русскому языку в средней школе.....	69
<i>Нос Н.И.</i> Besonderheiten des berufsbezogenen Fremdsprachenunterrichts an den nichtsprachlicher Fachrichtungen.....	75
<i>Орлов Д.С., Чусова Н.Н.</i> Актуальные проблемы преподавания правовых дисциплин в образовательных учреждениях высшего образования для студентов неюридических направлений подготовки.....	78
<i>Ступкина М.В., Яковлева Е.С.</i> Особенности формирования слухопроизносительных навыков на занятиях по китайскому языку.....	80
<i>Хохлова Е.А., Казанцева О.П.</i> Формирование навыков чтения обучающихся на иностранном языке на начальном этапе.....	84
<i>Чусова Н.Н.</i> Формирование УУД в рамках новых стандартов ФГОС СОО на уроках права.....	86

КУЛЬТУРНОЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

<i>Виницкая Н.В., Литягина А.В.</i> The philosophy of P.A. Florensky.....	88
<i>Колмогоров А.И.</i> Из истории становления торгово-экономических связей Советского Союза с Синьцзяном в 20-х-30-х гг. XX века.....	91
<i>Метель Е.В.</i> Проблемы установления признаков объекта преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ.....	94
<i>Никитина И.В.</i> «Ментальность» и «менталитет» как социокультурные феномены....	99
<i>Никитина И.В., Виницкая Н.В.</i> Миф как инкубатор ценностного сознания – источник духовности искусства и основание культуры.....	103
<i>Орлов Д.С.</i> Patronage system of industrial organizations of collective farm and government in the Kemerovsk region in the second of half of the 1960s - the first half of the 1980s.....	106
<i>Почеревин Е.В.</i> The organization of smallpox vaccination in Siberia in the late 19th - early 20th centuries.....	108
<i>Явнова Л.А.</i> The policy of modernization in the economic sphere of China (economic transformation in the countryside).....	112
<i>Явнова Л.А., Швец Н.А.</i> The ethnic and confessional culture of the Altai Poles at the end of the XX - the beginning of the XXI centuries.....	115

Научное издание

**Язык, литература, история и культура
в современных парадигмах научного знания.
Часть 2**

Материалы 22-й
Всероссийской научно-практической конференции
(Бийск, 24 апреля 2020 г.)

Ответственный редактор: И.П. Исаева
Технический редактор: Н.А. Швец

Формат 60x90/16. Гарнитура Times.
Усл.печ.л 15,2.